

Оглавление

Церковно-исторические памятники

Четвероевангелие

Деяния Апостольские

Послания Апостолов

Памятники послеапостольского времени

Писания мужей апостольских

Апостольские безымянные произведения

а). Учение двенадцати апостолов

б). Постановления Апостольские

с). Каноны или Правила Апостолов

Памятники II-III вв.

а). Апологии

б). Ересологические памятники

с). Первые памятники христианского богословия

д). Мученические Акты

е). Памятники литургические

ф). Остатки легендарной письменности

г). Сектантские произведения

h). Вещественные памятники эпохи гонений

Греческая церковная литература (IV-VI вв.)

а). Период досредневековый (IV-VI вв.)

б). Византийская средневековая церковная историография

Древняя и средневековая западная церковная историография

а). Литература Карфагенской церкви

б). Литература итальянской церкви

с). Литература Галликанской церкви

д). Христианская литература в Испании

Средневековые материалы для западной церковной историографии

Западная церковная историография XVI-XVII века

Магдебургские центурии

Католическая церковная историография XVI-XVII вв.

Протестантская церковная историография XVII-XVIII вв.

Рационализм в церковной истории XVIII в.

Протестантская церковная историография XIX в.

1. Положительное направление

2. Критико-рационалистическое направление в науке церковной истории

XIX века

Представители германского рационализма в XIX в.

Католическая разработка церковной истории в XIX в.

Церковная историография нынешнего века во Франции, Англии, Италии

Издательская деятельность аббата Migne

Церковная историография у румын и новогреков

Наука церковной истории в России

Будягу Мунувары
Мунувары

на класноста Св. Кемпроб.

Тленувары,
25 сучка 1890г.

ЦЕРКОВНА
ИСТОРИОГРАФІА.

ЛЕКЦІИ

ОРД. ПРОФ.

А. М. ИВАНЦОВА-ПЯТОНОВА.

Москва

1888

Л

Наш курс церковной историографии представляет не только историю развития церковно-исторической науки, но включает в себя и краткое обзорное церковно-исторического материала, обзорные памятники, особенно древних времён христианства.

Церковно-исторические памятники.

Памятников этих очень много. Чтобы дать понятие о количестве этого материала, упомянем о *Patrologiae cursus Completus ab. Migne*. Это колоссальное собрание доходит до 400 томов, в каждом больше 1000 страниц в 2 столбца. Но и оно далеко не заключает всего церковно-исторического памятников, а только памятники западной церкви до XIII в., а восточной — до XV в., да и то не все, а лишь литературное; памятники канонические и литургические имеют другие огромные собрания. Следовательно, церковно-исторического материала много. Причина этого понятна. Наука, в мир христианский зародилась в монастырях, между духовными людьми; главный интерес был церковный; поэтому прежде всего является церковно-иформеская наука. Но она касалась и фактов политических, и лишь постепенно отделилась от неё история политическая и другие отрасли исторической науки. Поэтому, изучение церковно-исторических памятников важно и в том отношении, что они дают материал не только для церковной истории, но и для других исторических наук.

Лит. В. А. Аммиандровской,

Листы 1²/₂

Не все периоды церковной историографии одинаково богаты памятниками. Самая богатая ими — первая эпоха, эпоха зарождения и распространения христианства, первые три века христианства. Впрочем, относительно происхождения и первоначального распространения христианства, мы обладаем одним необыкновенным памятником. Это —

Четвероевангелие.

Кроме громадного религиозно-нравственного, оно также имеет научное, историческое значение, так как это — памятник единственный в своем роде, почти единственный, дающий сведения о возникновении христианства.

Памятник этот, с внешней стороны, несомненно как будто удовлетворяет историка. Хронология событий, топография некоторых местностей, характер среды, в которой зародилось христианство, — все это несомненно ясно. Описание жизни самого основателя христианства не имеет во виду частных подробностей, так как Евангелие берет лишь эпоху общественного служения Спасителя, продолжавшуюся около 3½ лет. Но за то самое главное, что может нас интересовать, необыкновенная личность основателя христианства и смысл его учения представлены так живо, так глубоко и внятнее с тем же так просто. В своем изложении евангелисты сочетали два трудно соединяющихся свойства исторического изложения: субъективизм и объективизм; такое сочетание есть высший идеал исторического изложения. С одной стороны, они далеко не безучастно описывают свой предмет; в них заметно не простое сочувствие к нему, а восторженно-благоблагивное отношение к Основателю нового учения. Но этот субъективизм соединяется с простой, спокойной, правдивой изложением событий. Личность самого писателя совершенно не выдвигается на первый план; он упоминает о себе или нередко представляет себя в несомненно выгодном освещении, как будто намеренно, чтобы тем более выдавалась

великая мощь Христа. Субъективизм исторический здесь сказывается до такой степени, что евангелисты не пытаются даже связывать события и объяснять их; они представляют факты в том же виде, какъ они отразились въ ихъ воспоминаніи.

Христиане издавна раздвоили и раздволяютъ то убѣжденіе, что этотъ памятникъ дошелъ отъ первыхъ пресвитеровъ Христа въ томъ самомъ видѣ, какъ они вышли изъ ихъ рукъ. Но въ кнѣжествѣ столѣтій, въ тридцатыхъ - сороковыхъ годахъ, на западѣ, особенно германской наукой, возбужденъ былъ сомнительный относительно того, действительно ли эти писанія принадлежатъ тому лицу, которому ихъ приписываютъ. Возникли сомнѣнія и о времени написанія евангелій. Преданіе относитъ первое изъ нихъ къ сороковымъ годамъ I^{го} вѣка, второе и третье къ шестидесятымъ, а Иоанново къ послѣднимъ годамъ I^{го} или къ самому началу II^{го} вѣка. Но скептики стараются отодвинуть ихъ написаніе на время позднѣйшее. Возникли сомнѣнія и въ томъ, сохранились ли эти памятники въ томъ самомъ видѣ, какъ они вышли изъ первыхъ рукъ, или они прошли различныя редакціи, передѣлки. — Но, во-первыхъ, все эти сомнѣнія имеютъ болѣе значенія для церковной библіографіи, а не для церковной исторіи, такъ какъ Евангеліе все-таки остается древнѣйшимъ памятникомъ христіанской исторіи. Это памятникъ незамѣнимый; рядомъ съ нимъ нельзя поставить никакихъ другихъ памятниковъ. Да и все эти сомнѣнія возникли не изъ чисто-научныхъ побужденій, а изъ стремленія поколебать христіанство. Затѣмъ, первые нападки по поводу Евангелій были менѣе ярлычательныя; но потомъ скептики отказались отъ своихъ своихъ положеній и смѣли свои нападки. Въ наболевшее время весь споръ между положившими историками и скептиками идетъ лишь изъ-за небольшой разницы во взглядахъ. Написаніе Евангелій отодвигается теперь уже самими скептиками только десятилетій на два - на три позже церковнаго преданія. — Сомнѣнія же, возбужденныя относительно чистоты, неповрежденности этихъ памятниковъ не имеютъ зѣвавшихъ

оснований. Ни один из памятников не дошел до нас в таком огромном количестве списков, рукописей; ни один, между тем, не представляет такого сходства, как наше Евангелие. Варианты незначительны. Они касаются лишь перешкоки, пропуска какого-нибудь слова; пропусков строк очень мало; особенно значительны лишь два пропуска: в Евангелии Иоанна — о цесарь блудный, отпущенной Арифомъ съ миромъ, и заключение Евангелия Марка — о явлении Христа по воскресении. За этими немногими заключениями, удивительно сохранен евангельский рассказ. Объясняется это религиозно-благоговейным отношением къ Евангелию; но это все самое показывает, что предположения о передатках не ширются, въ данном случае, реальнаго основанія.

Двадцатый Апостольский.

Эта книга составляет продолжение Евангелия Луки и изображает первоначальное распространение христианства при апостолах, первую проповедь Арифомъ. Она представляет единственный твердый памятник одной из самых важнейших христианских эпох, памятник совершенно независимый. Евангелии четыре; они взаимно пополняют друг друга въ рассказъ о жизни Арифомъ. Двадцатый Апостольский стоит одиноко. Темъ важнее этот памятник въ историко-научномъ отношеніи.

Подлинность, время написанія, цельность Двадцатый так же подвергались сомнѣнію. Высказывалось предположеніе, что это не единый памятникъ, а раздѣляется на две половины, изъ которыхъ лишь вторая принадлежит Луки, а первая представляет лишь собраніе записокъ, составленныхъ раньше другими. Лука ихъ взял только въ свой рассказъ. Но если бы и на самомъ дѣлѣ такъ было, если бы первая половина была лишь редактирована Лукой, то все-таки это ни мало не рождаетъ значенія этого памятника въ историческомъ отношеніи.

Со второй стороны, этотъ памятникъ представляетъ
чист. исключеніями.

кажъ-бы недостатка въ научномъ отношеніи. Хронологія почти совсѣмъ нѣтъ; событія изображены быстро, какъ будто они случились въ теченіе немногихъ лѣтъ, хотя въ дѣтальнойности разсказаны событія на прострѣствѣ 30 лѣтъ. Поэтому-то хронологія апостольскаго времени и доселѣ не совсѣмъ твердо установлена. — Затѣмъ, этотъ памятникъ не представляетъ подробностей о проповѣди апостольской. Впрочемъ, онъ и не задаетъ подобной задачи: не событія, а раскрытіе общаго характера распространенія христіанства составляетъ его задачу.

Эта книга представляетъ симулирующія карты распространенія христіанства: какъ оно первоначально зародилось въ Иерусалимѣ, въ видѣ маленькой общины; какъ оно стало отсюда распространяться въ другія мѣста, сначала Ближнійшия — по Палестинѣ, Финикіи, Сиріи, потомъ — по Греціи, по берегамъ и островамъ Средиземнаго моря, до Италіи. Это — распространеніе со стороны географической. Со стороны этнографической, мы видимъ процессъ распространенія христіанства сперва между іудеями іерусалимскими, затѣмъ между іудеями другихъ странъ, такъ называемыми прозелитами, самарянами, наконецъ, между язычниками. Книга Діонисій доводитъ свой разсказъ до того времени, какъ христіанство дошло до шавнаго политическаго и культурнаго центра тогдашняго міра, Рима, куда прибылъ ап. Павелъ.

Въ этой книгѣ трудно оторвать событія другъ отъ друга; она представляетъ какъ-бы одинъ связанный разсказъ; поэтому трудно раздѣлить этотъ памятникъ

Въ самомъ живомъ образѣ представленъ здѣсь процессъ распространенія христіанства: какъ оно изъ религіи незначительной общины стало всемірной религіей. Но этотъ процессъ будетъ понятенъ лишь въ томъ случаѣ, если читать этотъ памятникъ нѣсколько умноженъ. До насъ время лишь пользовалось весьма патриархально. Исторія апостольская излагалась по немъ почти буквально; обобщеній

объяснений не дávalось. А между тем, если лишь пользоваться, какъ прошими историческими памятниками, то это можетъ много дать для живаго, осмысленнаго пониманія распространенія христіанства.

Послания Апостоловъ.

Древнія апостоловъ представляютъ вѣличную и форию, распространенія христіанства; для внутренняго быта христіанскихъ общинъ даютъ очень мало; съ этой стороны ее пополняютъ писанія апостольскія, такъ называемыя Послания Апостоловъ, письма ихъ къ разнымъ общинамъ или отдѣльнымъ лицамъ: — Всего посланій 21; изъ нихъ 14 ап. Павла, 7 соборныхъ посланій апостоловъ: Якова, Петра (2), Иоанна (3) и Иуды. Къ нимъ также приписываютъ Апостолу Павлу, котораго заключаетъ въ себя посланіе св. Иоанна къ Малоазійскимъ церквамъ.

Всѣ эти книги представляютъ много данныхъ для воспроизведенія внутренняго состоянія древнихъ христіанскихъ общинъ. Это очень богатый матеріалъ, но имъ мало пользовались: долгое время его читали только съ религіозно-нравственнаго цѣлью; къ нему не относились съ требованіями чисто-научными. А между темъ, эти письма, написанныя по поводу разныхъ возникавшихъ недоумѣній, разныхъ вопросовъ, раскрываютъ догматы вѣры, изображаютъ интересы, стремленія, нравственное состояніе древнихъ христіанскихъ общинъ; иногда даже вѣличную ихъ сторону, обряды, церковнаго устройство. Словомъ, надо только умѣючи пользоваться этимъ источникомъ, чтобы получить изъ него важнѣйшій историческій матеріалъ.

Однако только въ послѣднее время ученые обратили вниманіе на эту сторону Посланій и разрабатываютъ ее все болѣе и болѣе. Но это стремленіе возникло одновременно съ тенденціозными, отрицательными отноше-

нием къ христіанству. Поэтому извѣщеніе данныхъ изъ этого источника носило тенденціозный характеръ. Явились подозрѣніе относительно подлинности этихъ посланій, ихъ древности, ихъ цѣльности. Особенно много работъ въ этомъ направленіи приходится такъ называемой Тюбингенской школѣ. Но и тутъ скептики дождались своихъ, съ теченіемъ времени, отказываясь отъ многихъ своихъ первоначальныхъ воззрѣній. Бауэръ, стоявшій во главѣ этихъ скептиковъ, и его непосредственные ученики признали подлинными лишь четыре посланія: къ римлянамъ, къ коринтянамъ два, къ галатамъ; остальные были заподозрены и отодвинуты ко второму вѣку. Теперь уже самими скептиками признаются подлинными уже до 8 посланій ап. Павла, а посланіе Якова, которое еще Люфтеръ отвергалъ, признается ими за древнѣйшій памятникъ христіанской письменности. — Апокалипсисъ само христіанское преданіе считало почти самой поздней книгой Новаго Завета; а теперь наука, даже скептическая, отодвигаетъ его древность ко времени Нерона, къ 70^{мъ} годамъ I^{го} вѣка.

Такимъ образомъ, древность и подлинность этихъ памятниковъ все болѣе и болѣе утверждается наукой.

Памятники письма — апостольскаго времени. (I^{го} и первая половина II^{го} вѣка).

Отъ конца I^{го} и первой половины II^{го} вѣка мы имѣемъ нѣсколько церковно-историческихъ памятниковъ. Но они стоятъ ниже уже упомянутыхъ нами не только по своему религіозно-нравственному содержанию, но и по научному значенію. И здѣсь — замѣтимъ — замѣчательно это совпаденіе религіознаго значенія памятниковъ съ научнымъ. Тѣмъ выше стоятъ они въ религіозномъ отношеніи, какъ, напримѣръ, Евангеліе, Апостоль, тѣмъ выше ихъ научно-историческое значеніе.

Церк. Исторіографія. Мит. Александровъ. 2^е изд.

Писания мужей апостольских,

т. е. ближайших учеников, сотрудников, непосредственных преемников апостолов, первых епископов древнейших и важнейших христианских церквей. Из которых из друзей преемников апостолов писали сочинения, большою частью небольшие, большие послания; некоторые из них дошли до нас.

Послание Варнавы, одного из 70 апостолов, сотрудника ап. Павла, а потом бывшего проповедником христианства на о. Кипр, принадлежит, по содержанию и по мысли, к посланиям ап. Павла к галатам и евреям.

Послания Климента, ученика и сотрудника апостолов Петра и Павла. Онъ былъ епископомъ римской церкви и написалъ 2 послания къ коринтянамъ по поводу несогласий и раздоровъ въ ихъ среде.

Послания Игнатия, епископа Антиохійскаго, ученика Иоанна Богослова. Передъ своею мученическою кончиною онъ написалъ несколько посланий къ разнымъ малоазійскимъ церквамъ.

Послание его ближайшаго друга, Поликарпа, епископа Смирнскаго, тоже ученика Иоанна Богослова:

Къ писаниямъ мужей апостольскихъ принадлежатъ и книга «Пастырь», приписываемую какому-то римскому христианину Ермию. Онъ жилъ, по мнению однихъ, въ концѣ I^{го}, а по другимъ, въ началѣ или даже въ половинѣ II^{го} вѣка. Его сочиненіе мистическое, аллегорическое, но въ немъ такъ же много чертъ для воспроизведенія состоянія христианской общины въ то время.

Писания Паппия, епископа Геранпольскаго, ученика Иоанна Богослова, не дошли до насъ. Но его цитуетъ Евсевій, писатель IV^{го} вѣка. Сочиненіе Паппия озаглавлено: «Изреченія

Господни". Евсевій говорить, що Пантий внес не мало суворих розказов, но судя по дошедшим до нас отрывкам, у Пантий також було много исторических данных, весьма важных.

Потеряно також сочинені Елезиппа (II). Этот христіанин (самъ онъ изъ Палестины) много путешествовалъ по другимъ другимъ церквамъ, собиравъ церковныя преданія о временахъ апостольскихъ и написалъ «Достопамятности церковныя». Въ его сочиненіи было много важнаго церковно-историческаго матеріала. У Евсевія приведено несколько отрывковъ, правда, неясныхъ, потому некоторые ученые и считаютъ Елезиппа не чужо христіаниномъ, а принадлежавшимъ къ такъ называемой сектѣ іудействующихъ христіанъ.

Въ писанияхъ мудрей апостольскихъ относимыхъ до позднѣйшаго времени, и писаній, довольно обширныхъ, приписываемыхъ Діонисію Ареопагиту, ученику ап. Павла и первому епископу афинскому. Но теперь эти писанія уже болѣе не считаются подлинными. Въ нихъ много такихъ чертъ, которыя относятся скорѣе къ состоянію церкви III-IV вѣка, даже къ началу V^{го}. Для этого-то времени эти писанія и являются важными историческими памятниками.

Апостольскія безыменныя произведенія.

Это — произведенія, хотя древнія, но несколько сомнительнаго характера. Въ нихъ принадлежатъ:

а). Ученіе дванадцати апостоловъ, на которое часто встрѣчаются указанія христіанскихъ писателей II и III вв. и другихъ греческихъ писателей даже до VIII в.; затѣмъ оно забывается, и только три года тому назадъ его рукопись найдена въ одной монастырской библіотекѣ Фриосфрей Вріеннѣмъ. Имѣются изданія, переводы этого памятника; написано множество изслѣдованій по поводу его.

Правда, хотя трудно признать его принадлежность 12^{му} апостолам, но все-таки это — очень древний памятник. Его относят к первой четверти или к началу половины II^{го} века, а некоторые даже к последнему десятилетию I^{го} века.

Он восполняет, с исторической стороны, данные, даваемые другими церковно-историческими памятниками. Послания апостольские раскрывают внутреннюю сторону христианской общины; это все произведение представляет много замечательных данных относительно обрядов и иерархии церковной в конце I^{го} или в начале II^{го} века, в то переходное время — от той эпохи, когда во главе христианских общин стояли апостолы, к времени позднему, собственно иерархическому. Это — то процесс первоначального развития обрядов и церковной иерархии и представляет этот памятник.

в.) Постановления Апостольские составляют 8 небольших книг. В них излагаются от имени апостолов, в первом или, разная постановления апостольские об обрядах, о высших быти христианских общин.

Не смотря на его древность, этот памятник нельзя относить к апостолам. В первом веке слово «апостольский» давая более широкій смысл. Так обозначалось все, что было близко ко времени апостолов, что по духу согласовалось с их учением и правилами. — Это памятник составной. Его начало относят ко II^{му} или концу I^{го} века и приписывают Клименту, епископу римскому; но церковное предание называет также Ипполита, писателя, епископа римского уже в начале III^{го} века. Есть черты и более поздней, III-IV вв. Отделить эти черты от других довольно трудно. Поэтому, пользоваться этим памятником надо осторожно.

Когда-то он имел важное каноническое значение; но с развитием церковного права, в эпоху вселенских соборов, значение его все более терялось; на шестом вселенском соборе его исключили из числа канонических памятников, так как формы, к которым он был приравнен, уже устарели. Но

онъ весьма очень важенъ въ научно-историческомъ отношеніи, какъ свидѣтельство о тѣхъ формахъ церковной жизни, въ которыхъ эта жизнь развивалась во II и III вв.

с.) Каноны, или Правила Апостоловъ. Этотъ памятникъ въ сущности, строгихъ формулахъ содержитъ различныя церковныя правила; правила объ обязанностяхъ церковной іерархіи, дисциплинарныя мѣры церкви. Его значеніе — церковно-юридическое; онъ обыкновенно полагается въ началѣ Кодекса каноновъ и доселѣ сохраняетъ важное каноническое значеніе.

Но онъ имеетъ и научно-историческое значеніе, ибо свидѣтельствуетъ о порядкахъ христіанской церкви и іерархіи въ древнее время.

Эти правила составлялись постепенно, во II-III вв., въ духѣ апостоловъ, а не самими ими. Следовательно, это памятникъ тѣмъ составной.

Мы обозрѣли христіанскую письменность за первые 1½ вѣка. Это самый важный періодъ въ исторіи церкви, но и самый бѣдный историческими памятниками. Впрочемъ, въ немъ надо различать двѣ эпохи. Первая — эпоха появления христіанства, эпоха жизни его основательной и распространенія его при апостолахъ — представляется болѣе ясно, потому что мы владѣемъ отъ нея важными историческими памятниками, которые, хотя и не подробно, но живо изображаютъ ее. Эпоха же мудрей апостольскихъ представляется съ меньшей ясностью, потому что памятники по содержанию хуже. Писанія мудрей апостольскихъ бѣднѣе и блѣднѣе, нецѣли писанія самими апостолами; они не имеютъ и твердо установившихся редакцій. Изъ писаній мудрей апостольскихъ лишь недавно открыты подлинники посланія Варнавы, 2^е Климентя, Ермы, Ученіе 12^{ти} апостоловъ, и ученые ими пользоваться не могли сразу. Что же касается до Правиль и Постановленій апостольскихъ, то эти памятники уже давно известны, но несомненно, въ нихъ много позднѣйшихъ наслоеній, которые

трудно отличить отъ ихъ древнѣйшей части. —

Писанія мучей апостольскія переведены на русскій языкъ въ началѣ 60^{ыхъ} годовъ сввц. Преображенскіихъ. Поставленія апостольскія переведены при Казанской Духовной Академіи Правдѣ апостольскія и Ученіе 12^{ти} апостоловъ переводились даже несколько разъ.

Памятники II-III вв.

Со второй половины II^{го} вѣка исторія христіанства представляется гораздо яснѣе: явится болѣе твердая, несомнѣнная памятникъ.

а.) Апологии.

Въ ряду этихъ памятниковъ первое мѣсто занимаютъ произведенія христіанскіихъ апологетовъ II^{го} и III^{го} вѣка. Христіанство въ теченіе трехъ вѣковъ находилось подъ игомъ преслѣдованій со стороны язычества и нареканій со стороны языческой литературы. Христіанству нужно было оправдать, защитить себя. Отсюда возникла потребность въ апологіяхъ, т. е. въ сочиненіяхъ въ защиту христіанства. Эти апологи представлялись или императорамъ, преслѣдовавшимъ христіанство, или они обращались къ языческимъ ученымъ, или вообще къ языческому народу. Въ нихъ опровергались разныя предубѣжденія относительно христіанъ.

Первыя апологии появились при императорѣ Адріанѣ. Они написаны азіатскимъ епископомъ Квдратомъ и философомъ Аристидомъ. Но ихъ сочиненія, за исключеніемъ некоторыхъ отрывковъ (у Евсевія и въ арменскіихъ источникахъ), не дошли до насъ.

Изъ древнѣйшихъ апологій до насъ дошла лишь одна, безыменная: посланіе къ Дионету, неизвѣстнаго автора и не-

известнаго времени. Это посланіе относится obviously къ концу I^{го} или началу II^{го} вѣка. Прежде его приписывали Юстиниусу философу, потомъ Кократу; но все это только предположительно. Это сочиненіе представляетъ живое, выразительное описаніе христіанства того времени.

Затѣмъ слѣдуютъ апологіи самаго известнаго изъ греческихъ апологетовъ, Юстина Философа. Онъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени. Разочарованный въ языческой религіи и философіи, ища новаго пути къ истинѣ, онъ остановился на христіанствѣ и посвятилъ свою жизнь на распространеніе и защиту этой религіи. Онъ представилъ двѣ апологіи: одну императору Антонину Пію, вследствие чего, какъ полагаютъ, смягчено было при немъ гоненіе на христіанъ; другую — Марку Аврелію, но она не расположила его къ христіанству и, въ концѣ концовъ, Юстинъ самъ былъ казненъ. Онъ написалъ также несколько сочиненій противъ нареканій иудеевъ и язычниковъ на христіанъ. Это — «Разговоръ съ Трифраномъ иудеемъ», «Узвѣщаніе къ Дионисію».

Другимъ апологетомъ является Платинъ, его ученикъ, тоже философъ, уклонившійся потомъ отъ православной церкви и примкнувшій къ одной изъ распространившихся тогда сектъ. Его апологія старалась оправдать христіанство предъ языческими ученіями; но подлинность ее оспаривается.

Пядомъ съ этими слѣдуетъ поставить хорошую апологію со стороны научнаго оправданія христіанства, написанную александрийскимъ философомъ Аммоніемъ (вторая половина II^{го} вѣка).

Затѣмъ идетъ рядъ другихъ апологетовъ: Мелитонъ Сардійскій, Евсерій Александрійскій, философъ Ермій. Это были, болѣею частью, язычники, которые, перейдя въ христіанство, становились его защитниками. Въ своихъ апологіяхъ Мелитонъ и Евсерій раскрываютъ также отдѣльные христіанскіе догматы, напр. о воскресеніи мертвыхъ. — Книга Ермія заглавлена: «Ослабленіе языческихъ философскихъ мнѣній». Въ ней онъ указываетъ, что языческая философія не можетъ удовлетворить серьезной мысли, такъ какъ мнѣнія философовъ противо=

рогатъ между собой.

Все это апологии греческія. — На русскій языкъ она переве-
дена Преображенскимъ.

Есть и латинскія апологии, но болѣе позднія, относящаяся
уже къ началу III^{го} вѣка, апологии Амвусія Феликса и Мер-
туллиана, каролинскаго пресвитера. Апология послѣднего, мо-
жетъ быть, самая серьезная. Въ ней разбираются, со стороны рим-
скаго права, тѣ несправедливыя обвиненія, за которыя преслѣдо-
вали христіанъ. Эта апология представлена Септимію Северу.
Мертуллианъ написалъ и другія апологии, къ разнымъ языческимъ
сановникамъ и ученымъ. Все эти апологии даютъ много матери-
ала для воспроизведенія состоянія христіанства въ началѣ III^{го} вѣ-
ка.

Въ то же время жилъ александрійскій ученый Оригенъ. Его
апология, направленная не столько противъ вышнихъ преслѣдова-
ній со стороны правительства, сколько противъ предубѣждений
языческихъ философовъ относительно христіанства, называется
„Опроверженіе языческаго философа Цельза“. Послѣдній, въ своихъ
сочиненіяхъ, опровергалъ и догматическую и нравственную осно-
ву христіанства.

Послѣдующія апологетическія сочиненія относятся уже къ
концу III, къ IV и даже къ V вѣку. Пока языскій міръ былъ
цѣль, еще раздавались нареканія на христіанъ, которыя нужно
было опровергнуть. Къ этимъ позднимъ апологетическимъ трудамъ
относятся некоторыя сочиненія Евсевія Кесарійскаго, Аванасія
Великаго, Григорія Богослова — въ IV в., Кирилла Александрій-
скаго и Теодорита Кирскаго — въ V в. Это греческіе писате-
ли. А изъ позднѣйшихъ латинскихъ писателей назовемъ Ла-
ктанція, известнаго ученаго, воспитателя дѣтей Константи-
на Великаго; затѣмъ, знаменитое сочиненіе Августина „De
civitate Dei“ и написанное въ подражаніе ему, подъ тѣмъ же
заглавіемъ, сочиненіе испанскаго пресвитера Орозія. — Но
все эти апологии не имѣли того значенія, какое имѣли
апологии II-III вѣка: язычество уже падало.

Но апологетические сочинения II и III вв. имеют очень важное значение для церковной истории, ибо из них мы можем видеть, каково было положение христианства среди язычества в первые века, в них находим опровержения клевет и небывших, распространенных относительно христиан в среде общества и в народ. — В апологиях христианские писатели стараются выяснить свою веру и свой образ жизни, чтобы показать, что во всем этом у них нет ничего предосудительного, но о сущности вступлений выражаются довольно осторожно: они описывают и оправдывают только те стороны христианского вступления и образа жизни, которые были общезвестны, бросались в глаза, а о душевных своих вступлениях и обрядах говорят вообще очень мало, чтобы не дать их языческому обществу на рассмотрение. Поэтому, хотя апологии представляют много материала для изучения чисто христианских вступлений, напр. единобожия в сравнении с политеизмом и т.п., но о таких высоких вещах, как понятие о троичности, сущности таинства, языческому обществу говорилось немного, и данных этого рода в апологиях мы почти не находим. Но апологии важны еще с другой стороны. Сопоставляя свои вступления с языческими вступлениями, с языческой философией, апологии приходилось невольно касаться нравов современного ей общества, как языческого, так и христианского; поэтому мы находим здесь много сведений о состоянии языческого общества, языческой религии, о его вступлениях, обычаях и нравах. Притом, здесь сообщаются такие сведения, как без этих источников для нас остались бы навсегда потерянными; именно, приводятся даже отрывки из сочинений древних языческих писателей, говорится о древних религиозных вступлениях Греков, Египтян, Сирийцев и других народов. Поэтому, хотя апологии имеют значение церковно-исторических памятников, но их значение велико и вообще для истории их эпохи.

АНТИКОПИРОВАНО

Апологии вошли в нас в подлинных текстах. Есть русский их перевод, сделанный протоиереем Преображенским;
Лит. В. А. Александровская Лит. 3^и

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

есть переводъ некоторыхъ сочиненій Тертуліана, Лактанція, принадлежащихъ г. Кариеву, переводъ несколько устарѣвшій. Писанія Аввентина теперь переводятся въ Трудяхъ Киевской Академіи

в.) Ересологическіе памятники.

Вслѣдъ за сочиненіями апологетическими слѣдуютъ писанія, такъ называемыя ересологическія, т. е. имѣющія целью опроверженіе ересей, которыхъ, какъ извѣстно, явилось среди христіанъ чуть ли не съ самаго же вѣка по Р. Х. Мы видимъ, что вѣстовъ съ борьбою востигнуло; съ борьбою противъ язычества, христіанству все время приходилось бороться съ врагами внутренними, съ еретиками и расколоучителями; язычество старалось извне одолѣть христіанъ при помощи матеріальной силы, ересь изнутри старалась поколебать истину Христова ученія. Эта борьба представляла очень серьезное значеніе для церкви и потому важна и для церковной исторіи.

Уже со временъ апостоловъ, въ ихъ посланіяхъ и трудахъ мучей апостольскихъ мы находимъ намеки на постоянную борьбу съ ересями, но указанія тутъ пока кратки и отрывочны; да и посланія сами стараются не столько опровергнуть извѣстную ересь, сколько высказать истинныя и главныя положенія христіанскаго ученія (могутъ быть, этотъ epochъ поелики и есть самый мучимый).

Но въ половинѣ II^{го} вѣка появились такъ называемыя инославянскія ереси, получившіяся изъ смѣшенія христіанскихъ понятій съ ученіями древней философіи и политеизма влѣдствіе попытокъ примирить языческія начала съ христіанскими. Когда эти ученія начали развиваться, тогда одновременно появились и сочиненія полемическаго характера, направленные противъ этой ереси, которая и положила основу целому ряду ересологическихъ писаній.

Первыя сочиненія такого рода относятся къ царствованію Юліана. Противъ ереси писали тогда Агриппа, Касторъ,

Родонъ, Аполликарій Тераполскій и многіе другіе. Соиненій нмъ до насъ не дошли; сохранились лишь отрывки у Евсевія.

Первая попытка сдѣлать полное обозрѣніе ересей, появившихся въ христіанской церкви со второй половины I^{го} и до второй половины II^{го} вѣка принадлежитъ уже упомянутому нами Густину Философу. Трудъ его, носившій названіе $\Sigma\upsilon\nu\tau\alpha\iota$, до насъ тоже, къ сожалѣнію, не дошелъ. Въ нѣмецкой литературѣ была, правда, попытка возстановить на основаніи позднѣйшихъ ересеологическихъ соиненій содержание исчезнувшаго памятника; но попытка эта имѣетъ лишь предположительный характеръ.

За Густинкомъ противъ ереси выступилъ Ириней, епископъ Лионскій. Ириней былъ ученикомъ Поликарпа, епископа Амирникскаго. Сначала онъ миссіонерствовалъ на западѣ, основалъ съ Павломъ въ Лионѣ церковь и, наконецъ, предпринялъ трудъ опровергнуть все известныя ему еретическія ученія, существовавшія до его времени. Особенно боролся онъ противъ валентиніанъ и маркіонитовъ, поставивъ своею цѣлью опровергнуть именно то знаніе, $\gamma\rho\alpha\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$, которое апостолъ Павелъ называлъ $\eta\beta\epsilon\lambda\omicron\upsilon\gamma\iota\omega\beta\tau\omicron\varsigma$ и которыми такъ хвалились гностики, говоря, что они одни обладаютъ высшимъ знаніемъ. Въ первой книгѣ своего труда Ириней излагаетъ гнозисъ въ томъ видѣ, въ какомъ преподавалъ его Валентинъ, и со всеми измѣненіями, сдѣланными учениками послѣдняго, а также излагаетъ маркіонство, вторую изъ главнѣйшихъ ересей, возникшихъ въ то время всю церковь; въ слѣдующихъ четырехъ — опровергаетъ все изложенныя выше заблужденія и со строгою логическою последовательностью разрѣшаетъ все вопросы, возбужденныя ими, стараясь вывести догматы истиннаго христіанскаго ученія.

Соиненіе Ириней въ полномъ видѣ сохранилось въ старинномъ текстѣ, писанномъ неправильнымъ латинскимъ языкомъ. Относительно этого текста среди ученыхъ существуютъ два мнѣнія: одни считаютъ этотъ латинскій текстъ дурнымъ переводомъ съ греческаго, такъ какъ отъ греческаго

текста все-же сохранились отрывки; другие полагают, что Уриней и писал на латинском языке и, так как ему этот язык был чуждым (Уриней, полагают, был родом из Малой Азии), и жил он притом среди варварских народов, говоривших испорченным латинским языком, то не удивительно, что он пишет языком очень неправильным.

Его сочинения переведены на новые языки, а также есть и русский перевод протоиерея Преображенского.

Сочинения Уринейя против ересей были не только главными, единственными современными историческими свидетельствами о ересь, но, притом, свидетельства весьма древними (от II^{го} в.). В последнее, впрочем, время, именно в 50^х годах нынешнего столетия, был открыт другой подобный этому памятник, если еще не более важный по своему значению. Он носит название Та φιλοσοφία, т. е. философская митрия, или обзорная философская митрия, и принадлежит писателю римскому, Ипполиту. Название Филадельфия преимущественно относится к первой книге этого сочинения, которая наполнена изложением основных митрий философов древней классической школы; что же касается второй, третьей и четвертой книги этого сочинения, то они представляли обзорные разныя религиозныя учения древняго мира, представляли различныя языческия митрии древних мыслителей, математиков и астрономов, а с пятой книги сочинение имеет уже целью рассмотреть и опровергнуть учения христианских еретиков, потому что, по митрию автора, митрия, можно полагать, справедливым, и вполне оправдываемому наукою, большинство ересей возникло отъ смещения христианских воззрений съ идеями древней философии или съ древними религиозными системами. Ипполитъ предполагает серьезно опровергнуть еретическия митрии въ корни и потому указывает, какъ мы уже сказали, съ описанія древнихъ философскихъ системъ, постепенно приближаясь къ главной цели своего сочи-

нейя. Уже из этого видно, какое научное значение имеет жизнь памятника, сблизивший христианский мифы с древней философией и религией.

Къ сожалению, памятникъ этотъ не дошелъ до насъ въ цѣломъ своемъ видѣ: I^{ая} книга существуетъ, II^{ая}, III^{ая} и большая часть IV^{ая} потеряны, а съ V^{ой} книги сомнение это въ цѣломъ видѣ идетъ до конца VI^{ой} книги. Въ концѣ своего труда авторъ предлагаетъ изложение православной вѣры.

Важнѣе это сочинение научно не только по общему принципу (именно потому, что старается объяснить еретическое учение при помощи древнихъ философскихъ системъ), но замѣтательно и по дальнѣйшему методу расположенія о опроверженія ересей. Методъ этотъ отличается отъ метода Уриной тѣмъ, что Уриной не сблизаетъ ересей съ ихъ первоначальными источниками, между тѣмъ какъ авторъ Филобуоумена сблизеніе такое дѣлаетъ. Правда, сблизенія эти выходятъ иногда натекутными, но это здѣсь не въ томъ; важно само мѣтодь. Далѣе, Уриной сообщаетъ свѣдѣнія о ереяхъ отъ своего имени, авторъ Филобуоумена дѣлаетъ выдержки изъ самихъ еретическихъ сочиненій, а это очень важно, ибо сочиненія еретиковъ утрачены, и, если бы не отрывки, которые у Утпмита не мало, мы были бы очень смутное понятіе объ этой еретической литературѣ. У Утпмита мы находимъ отрывки изъ древнихъ греческихъ писателей: философовъ, поэтовъ, мыслителей, такъ что, напримеръ, попадаются мѣста изъ Платона, Аристотеля и другихъ иныхъ подобныхъ писателей древняго міра; отрывки, несомненно значенія для классической филологіи.

Изъ этого видно, что памятникъ, о которомъ мы только что говорили, имеетъ очень важное значеніе. Одно только странно, какимъ образомъ до сихъ поръ онъ не былъ обнаруженъ; ибо по сочиненіямъ другихъ древнихъ писателей III и IV вв. мы видимъ, что этотъ памятникъ былъ извѣстенъ и въ раннюю эпоху своего существованія, да и позже все еще не былъ затерянъ, потому что есть свѣдѣнія о его спискахъ, относящихся къ XII^{му} вѣку.

всю и существовавших в древних восточных библиотеках. Только в средние века, наконец, памятник этот был забыт и благодаря этой небреженности был открыт теперь, как бы новость. Открытие это произвело большую сенсацию в ученый мир; но оставалось неизвестным, кто автор этого новооткрытого источника для истории церкви. Было сначала предположение приписать его Оригену, александрийскому ученому III^{го} века; другие за автора Филовоуригента предлагали считать Тертуллиана, но в настоящее время всеми почти учеными признано, что Филовоуригента написано Уполитомъ, римским писателем конца II^{го} и начала III^{го} века, римским пресвитером, а потом и епископом, хотя и не легальным, а стоявшим во главе оппозиции, оппозиции, впрочем, чисто православного характера, против папы Калликста. Вот это положение автора, впрочем, и объясняется, почему Филовоуригента были впоследствии забыты, особенно на западе, где в средние века авторитет папы учеными чрезвычайно. Теперь только истинная истина наружу, и выяснилось, что Уполитъ писал еще много и что он, почит Оригена Александрийского является плодотворнейшим и даровитейшим писателем своего времени; но большая часть сочинений его затеряна и до сих пор еще не отыскана.

Для истории древних ересей важны также труды еще некоторых ученых: Тертуллиана (писавшего против секты валентинианъ и маркионитовъ, против Термогена и Тракселлианов), Адамантия, Архелая, тоже ратовавших против еретиковъ, от IV и V веков: Епифания Кипрского (конца IV в.) и Феодорита Кипрского, описавшего древний еретический секты.

Вот и уж таких-то источников находим мы для себя сведения о различных сектантских учениях древнего времени христианства.

с.) Первые памятники христианского богословия.

Опровергая учения сектантов, христианские писатели должны были выяснить положительное, истинное учение православной Христовой церкви, и по мере распространения образования стала являться потребность не довольствоваться одними сердечными възвращеніями, но и привести ихъ въ научную систему. Такимъ образомъ стали формулироваться начала положительнаго христианскаго богословія. Блаженныя египетскія апокрифы, не говоря уже о писаніяхъ самихъ апостоловъ, находимъ мы у Иринея и Ипполита, но отъ нихъ догматическое изложеніе и доказательства весьма отрывочны и не цѣльны, такъ что это скорѣе матеріалъ для христианскаго богословія; но зѣтвѣемъ богословіе понемногу развивающаяся въ систему и въ III в. явится уже цѣлая христианская богословско-философская школа въ Александріи, которая гуртогурно центръ тогдашняго образованнаго міра, главнымъ оторкомъ пункта философіи неоплатониковъ, городъ богатый и торговый, разнообразный, казновѣрный, такъ что здѣсь приходилось христианству вести настоящую и нелюбую борьбу съ языческими възвращеніями, вооруженными броней древней философіи. Поэтому христианству приходилось опереться также на научную почву, следствіемъ чего и явилась эта школа, достигшая развитія при Климентѣ Александрійскомъ и его ученикѣ Оригенѣ.

Оригенъ положилъ начало богословской наукѣ собственно во всѣхъ ея отрасляхъ: написалъ большую апологію противъ Цельса, содѣлавъ опытъ изложенія догматическаго богословія, написалъ книгу "О началахъ", занимаемая критикой библейскаго текста, сводя между собой историческія факты и своряя различные списки, положилъ начало экзегетикѣ и герменевтикѣ; наконецъ, выступилъ Ипполитомъ оный положилъ начало христианской проповѣди, потому что проповѣдь, хотя

и существовала прежде, но существовала в необработанной форме, форма, так сказать, первобытно-естественной: в литературной форме она явилась впервые лишь у Ипполита и Оригена. Конечно, эти опыты богословия несовершенны, в них даже попадаются отклонения от твердых правил христианского учения и у Климента, и у Оригена. Климентъ, и Оригенъ, желая научно защитить и определить христианские догматы, доцелили были пользоваться готовыми средствами, даже брать материал для доказательства у преуспевших языческих классиковъ, пользоваться ихъ методологией, научной формой, и уже поэтому, конечно, увлекались и огибались. Такъ например, Климентъ Александрийскій сдѣлалъ попытку сблизить догматы христианской религии съ лучшими идеями древне-греческой философии. Основною мыслью его труда было, что и въ основаніи твореній древнихъ философовъ лежало откровеніе. Оригенъ тоже такъ же, создавая христианское богословіе, облакалъ его въ форму, выработанную языческой философией. Увлеченіе языческими писателями и некоторыми идеями философии Платона, чуждыми христианству, Платона, котораго Оригенъ очень уважалъ и глубоко изучилъ, такъ и сквозитъ въ трудъ послѣдняго. Слѣдствіемъ такого отношенія къ делу явилось въ послѣдствіи много споровъ, признавать ли творенія этихъ александрийцевъ, какъ и труды Тертуліана за надежное руководство въ ученіи христианскомъ; поэтому, вышеозначенные ученны не носятъ высокого имени Отцовъ церкви, а называются только ея Учителями.

Послѣ Оригена, писавшаго именно въ III вѣкѣ, въ Александрійской школѣ вошли еще другіе ученны: Діонисій Александрійскій, Григорій-Трудотворецъ Неокесарійскій, Неродій Писарскій, но изъ ихъ сочиненій до насъ только отрывки. Изъ латинскихъ современниковъ ихъ замѣательны сочиненія епископа Карфагенскаго Кипріана, сочиненія вацены въ томъ отношеніи, что самая эпоха, когда они появились въ

свѣтъ, была въ высшей степени замѣчательной (особо половины III^{го} вѣка), такъ какъ представляла собою время перехода отъ древняго періода христіанской исторіи къ новому періоду христіанства торжествующаго: во второй половинѣ III^{го} вѣка стало замѣтно, что христіанство начинаетъ завоевывать твердое положеіе въ исторіи. Сошненія Кипріяна важны для исторіи церковной іерархіи, такъ какъ онъ прослѣдилъ въ своихъ сошненіяхъ ее развитіе отъ самаго апостольскаго времени до своей эпохи. Іерархія апостольская во много отличалась отъ іерархіи позднѣйшей. Истинно Кипріяновѣ іерархія эта получила твердый, организованный характеръ, и поэтому сошненія Кипріяна, точно обрисовывающія эту организацію, для исторіи церкви неизмѣнны. Вотъ главныя и притомъ важнѣйшія памятники древне-христіанской литературы первыхъ трехъ вѣковъ нашей эры.

Кроме того, есть еще письменные памятники, такъ сказать, памятники безименные, авторовъ которыхъ мы не знаемъ. Сюда относятся, такъ называемыя Мученическія Акты.

а) Мученическіе Акты.

Извѣстно, что во времена гоненій въ римской имперіи судъ былъ публичный, и казни производились открыто; поэтому, когда христіанъ допрашивали на судѣ, другіе христіане нередко занимались въ это время записываніемъ вопросовъ судьи и ответовъ обвиняемаго, записывали затѣмъ истязанія, каковыя подвергали упорнаго христіанина, подробности казни и т. п. Вотъ такими образомъ и составились мученическіе акты, изъ которыхъ замѣчательно древни; таковы, напр., Акты мученія бл. Поликарпа, Лионскія мученичествъ, бывшія при Маркѣ Авреліи, написанныя, вѣроятно, Урликсомъ Лионскимъ, и разныя другія. Христіане любили читать эти книги, какъ для религиознаго воодушевленія, такъ и для укрѣпленія въ истинѣ.

Церк. Исторіографія. Лит. Александровской. Листъ 4^й

ной вѣрѣ, переписывали ихъ, и, вѣроятно, ихъ было очень много. Затѣмъ акты мучениковъ были любимыми чтеніемъ и въ позднѣйшіе вѣка и служили для тогдашнихъ христіанъ точнѣе, чѣмъ все образомъ, какъ для старыхъ русскихъ людей Тетра-
Финей. Поэтому самому, отъ частаго обращенія и не имѣя такого вѣчнаго авторитета, какъ Св. Писаніе, Акты не могли сохраниться въ подлинности и въ полной цѣлости. Въ началѣ члѣношии и подлинными считались тѣ, которые успѣли записать некоторые изъ древнихъ христіанскихъ писателей, напримѣръ, Тертуліанъ, Евсевій Кесарійскій и др. Но съ теченіемъ времени, отъ IV до IX вв., Акты распростра-
нились по всему міру, подверглись прибавленіямъ, передѣлкамъ, ихъ наполнили общими мѣстами, разсужденіями, цвѣта-
ми тогдашней реторики, легендами, быть можетъ. Но ко-
гда въ средніе вѣка Симеонъ Метафрастъ, греческій ученый, а потомъ позднѣйшіе латинскіе писатели стали собирать эти акты, то они еще болѣе видоизмѣнили ихъ, дали имъ литературную отдѣлку, украсили ихъ по своему усмо-
трѣнію, такъ что искажили ихъ еще болѣе.; поэтому, кро-
мѣ памятниковъ, сохраненныхъ Евсевіемъ, кромѣ Акта Маг-
тунитъ, эти памятники представляютъ такую сложную
компликацію, что очень трудно въ нихъ отдѣлить древнее
отъ позднѣйшаго, сошительное отъ несомнительнаго, хотя, впро-
чемъ, теперь и дѣлаются попытки, особенно въ Германіи,
приняться за такую работу.

е.) Памятники литургическіе.

Кромѣ того, сохранились, хотя и не вполне, раз-
личные памятники литургическаго характера, особен-
но излагающіе древнюю литургію. Извѣстно, что литур-
гія образовалась не сразу, но составила постепенно, при-
чемъ составители руководствовались словами Іисуса Хри-
ста и апостольскими преданіемъ; но надо замѣтить, что
развивались, такъ сказать, литургіи частныя, а какого-ни-

Будь обряда чина литургии, держаться которого было бы обязательно, не существовало; ипотиния церкви считали себя вполне вправе составлять свои особые чины литургии, конечно, при всем том, на основе апостольского основания.

Литургии эти писменно в первые века христианства не излагались, ибо христиане боялись, чтобы список такого рода не попал в руки язычников и чтобы вацкойимъ изъ христианскихъ таинствъ не подверглись посяганію со стороны языческихъ писателей. Итакъ, говорили мы, чтобы не проформировать свѣдѣній о свѣтлыхъ обрядахъ церкви, христиане литургій не записывали, а передавали ихъ устно. Во всекомъ случаѣ, это обстоятельство еще болѣе разнообразило установленія христианскаго служенія, а такъ же увеличивало и число литургій. Уже съ самаго древняго періода христианства появились нѣсколько литургій: по преданію, первый епископъ іерусалимскій Іаковъ составилъ такую для Палестины, епископъ александрійскій Маркъ — для Египта, епископъ римскій Климентъ — для римлянъ; эти однако литургии дошли до насъ далеко не въ своемъ первоначальномъ видѣ, а съ позднѣйшими прибавками и вставками, относящимися къ II, III и IV вѣкамъ.

Число всѣхъ литургій очень значительно; кромѣ только что названныхъ нами, сохранилось еще много другихъ отдѣльных видовъ литургій; на западѣ, напр., существуютъ сборники древнихъ литургій Ассеманія, Ренодо, Даниеля; на русскомъ языкѣ есть сборникъ древнихъ литургій, изданной при С.-Петербургской Духовной Академіи.

Памятники этого рода вацки для изученія исторіи развитія христианской обрядности, но пользоваться ими очень трудно, ибо разложить древнѣйшую основу отъ позднѣйшихъ наслоений было почти невозможное.

г.) Остатки легендарной письменности.

Затѣмъ, кромѣ памятниковъ чисто православнаго ха-

раактера, существуют еще памятники, известные под именами апокрифически:ъ, легенды; много ихъ дошло до насъ, а еще больше утеряно.

Прежде всего такія сказанія, конечно, составились о жизни Иисуса Христа, потомъ и о жизни апостоловъ. Висшеть съ по-длинными сказаніями, какъ это нередко бываетъ, стали распро-страняться сказанія легендарныя, сказанія свойства сомишрель-наго. Явились апокрифическія евангелія: одни изъ нихъ, относя-щаяся ко II вѣку, сохранились до нашего времени подъ именами евангелія Тахова, Никодима, Тоимы; позднее стало известно арабское евангеліе, два евангелія ап. Матвея. Затѣмъ, на ря-ду съ истинными «Двадцатими» апокрифомъ разказываютъ мас-су преданій о проповѣди апостольской въ Индіи, въ Эсіопіи, въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ известнаго тогда міра*, при чемъ описываются приключенія и смерть чуть ли не всѣхъ апосто-ловъ.

Въ первое вѣка этихъ апокрифовъ была масса; потомъ мно-го ихъ никакъ пропало, но въ послѣдствіе ихъ интересности, несмотря на преслѣдованія церкви, не менше ихъ сохранилось и дошло до на-шего времени, до XVII, XVIII и XIX вв., когда ученые стали ихъ соби-рать и издавать. Первая попытка такого рода сдѣлана была еще въ XVII вѣкѣ; затѣмъ, въ XVIII в. надъ этими работами Сраб-рициусъ, въ наше время — Плишendorфъ.

Эти памятники для церковной исторіи, положимъ, не очень важны, такъ какъ важныя факты изъ жизни Иисуса Христа и апостоловъ передаютъ они мало, но они главное вниманіе об-ращаютъ на мелочи и мелкія прибавки, не дающія ничего серъез-наго, при томъ, можетъ быть, вторична, но незначительныя. Еванге-ліе описываетъ главнымъ образомъ жизнь Иисуса Христа съ того времени, когда Онъ выступилъ на проповѣдь, Его общественную дѣятельность, между тѣмъ какъ апокрифическія сказанія берутъ предметомъ своего повѣствованія Его дѣтство; апостольскія

---

*). Между прочимъ и о путешествіи ап. Андрея въ южную Русь.

Послания и Эпистола дают общую картину распространения христианства в мир, апокрифы обращают внимание на проповедь отдельных апостолов. Многие из этих сказаний отличаются полнотою естественности и правдивостью, между прочим как другие, с первого разу очевидно, вымышленны, легендарны и притом представляют легенды позднего времени (IV, V, VI вв.). Однако последние творения важны в другом отношении; они важны не по отношению к истории древнего христианства, но по влиянию на развитие средневековой легендарной литературы, так как эти памятники были распространены всюду.

г) Сектантские произведения.

Важно, кроме этих памятников, не прямо противных церкви, в первые века христианства были еще Иудеи, правда, христианские, но не православные, а сектантские, которых можно было считать не десятками, а сотнями; как это видно из их переписаний у Ириния и Ипполита. Для нас любопытно было бы ознакомиться с ними поближе; но большая часть их до нас не дошла, частью оттого, что сами секты, как быстро появились, так быстро и исчезли, а частью вследствие превладания православной церкви, которая впоследствии, уже при помощи правительства, преследовала эти сочинения с помощью, к сожалению, насильственных мер, как это, напр., было в IV, V и VI вв. при Юстиниане, истребившем громадное их количество. Однако остатки уцелели, и понемногу в этой области литературы делаются открытия, все более и более обогащающие наши сведения о литературе этого рода.

1. Писание Вардесана. В 50^х годах наступило столетие открыто сочинение древнего еретика III в. Вардесана, носившее заглавие: «О Судьбе или о нравах разных народов». По происхождению Вардесан сириец и в своем сочинении пытается провести ту мысль, что хотя один Промысел управляет всем миром, но люди тем не менее живут

волю, вследствие чего является различие в нравах. Это сочинение в главном образом важно для древней этнографии.

2. Вира-Мудрость. Затянуто открыты еще листайский памятник, впрочем III^{го} века, несущий название Пибтис бодис и содержащий в себе беседы Иисуса Христа с апостолами и учениками митрополитом по вознесении Его на небо, беседы на Пиверидском озере и горе Елеонской; где были будто бы возвышены главнейшие догматы гностического учения. Памятник этот представляет странное, дикое и грубое смешение христианских понятий и вкраданий с языческими суеврациями; здесь мы находим много легенд, апокрифических гимнов и поэматик. Памятник этот, существующий и в латинском переводе, разработан еще очень мало.

3. Климентины. Есть еще один памятник очень древний, на греческом и латинском языках, о котором трудно сказать, церковный ли он или гностический. Это так называемое сочинение "Климентины", приписываемое Клименту Римскому, рассказывающее о судьбе Климента, о приключениях его семьи, гитвией очень романтическую судьбу, сначала развлеканной по различным странам тогдашнего мира, а по окончании в христианство ап. Петром соединившейся вокруг этого апостола; рассказ этот полон описаний разных приключений, рассказов о том, что происходило, когда Климент сопровождал Петра и был свидетелем того, как Петр во время в разных городах с Симоном Малым. Вообще памятник этот очень оригинален и любопытен по форме. Это древний христианский роман со всеми его атрибутами: завязкой, развязкой и эффектами; здесь есть и любовь, и страствование вынужденной разойтись в разные стороны семьи, и философское искание истины, обогащение и обнищание. Кроме того, здесь встречаются различные дидактические поучения, наставления, описания христианского быта, и тут же по листам встречаются объяснения православного характера (латинская редакция), по листам прибавления гностического характера (греческая редакция). Думают, что сочинение

это было написано сначала христианскими православными писателями, а потом испорчено инославными, хотя, конечно, могло случиться и обратное: мочь инославных написать, а православный исправить. Несмотря, впрочем, на легендарность, памятники имеют научное значение: они представляют очень много данных для истории и характеристики древнего христианского общества II^{го} века, хотя нельзя не заметить здесь прибавки уже от веков III^{го} и IV^{го}.

к.) Вещественные памятники этой гонимой.

Наконец, есть памятники вещественные, катакомбы с находящимися в них вещами

Катакомбы ничто иное, как древняя кладбища, усыпальницы, служившие и для богослужений, когда нельзя было совершать его открыто. Их очень много, особенно около Рима, главного центра христианства, где христианство это однако преследовалось очень сурово. Есть катакомбы и в Александрии и в Крыму, где в конце I^{го} и начале II^{го} века было множество христиан, сосланных сюда, так что Паврида в то время представляла собою прямо весьма большую колонию. Здесь были и пещерные храмы и катакомбы.

В течение средних веков катакомбы были забыты и заброшены, и только с XVI века стали интересоваться этими предметами и изучать фрагменты, которые можно было отсюда добыть, а в нынешнем столетии благодаря многим трудам по части раскопок мы можем уже гораздо яснее представить картину жизни тогдашнего христианского общества.

Из вновь открытых катакомб особенно замечательны катакомбы Климента (к. I в.) и римского уже епископа Климента (III в.). Здесь мы находим остатки древне-христианских надписей, изображений, остатки вещей, употреблявшихся христианами при богослужении, а может быть и в домашней быту. Ученый кардинал Росси по выпускам издает соми-

нение на итальянскомъ языкѣ, гдѣ описываетъ результаты своихъ раскопокъ. На русскомъ языкѣ относительно этого предмета существуетъ переводъ сочиненія Фрикека о римскихъ катакомбахъ.

Вотъ и все памятники для церковной исторіи первыхъ трехъ вѣковъ нашей эры.

Мы представимъ обзоръ древнихъ памятниковъ, принадлежавшихъ писателямъ первыхъ трехъ вѣковъ по Р. Х. Въ этихъ памятникахъ, какъ мы уже замѣтили, много матеріала для изученія развитія христіанскаго вѣроученія, для изученія внутренней жизни христіанъ тѣхъ вѣковъ, борьбы съ ересями и язычествомъ, развитія богословія, но тѣмъ не менѣе эти памятники совершенно историческихъ сочиненій изъ себя не представляютъ, и поэтому, конечно, мы здѣсь далеко не находимъ цѣльнаго обзора всей эпохи, обзоръ разносторонняго.

Греческая церковная литература. (IV-VI вв.)

а.) Періодъ до-средневѣковья. (IV-VI вв.)

Была попытка сдѣлать сводъ историческихъ извѣстій, сдѣлать, такъ сказать, общее обзорное сочиненіе, отнесенное къ утвержденію и распространенію церкви Христовой; попытка эта была сдѣлана въ половинѣ II^{го} вѣка, именно палестинскимъ христіаниномъ Эгиптиемъ, составившимъ собраніе извѣстій подъ названіемъ: «Христіанскія достопамятности», въ 5^{ти} книгахъ, но, къ сожалѣнію, кромѣ отрывковъ, находящихся у Евсевія, отъ этого собранія Эгипта до насъ ничего не дошло.

Въ первой половинѣ III^{го} вѣка была еще попытка написать нечто болѣе цѣльное и связное по исторіи церкви. Попытка эта принадлежала извѣстному тогда писателю Юлію Апри-

кану. Но, опять-таки, къ сожалѣнiю, иъ его «Хронографiи до насъ ничего не дошло. Недавно одинъ италiйскiй ученый, ижего Теллзери, на основанiи другихъ, болѣе позднихъ сочиненiй, въ которыхъ будто онъ нашелъ много заимствованiй отъ Африкана, попытался возста- новить его трудъ въ первоначальномъ видѣ, но попытка эта, какъ и вся ей подобная, основана на чрезвычайно шаткихъ основанiяхъ и потому большого значенiя не имеетъ.

Такимъ образомъ, послѣ Евангелiя и Дѣяний Апостольскихъ въ собственномъ смыслѣ историческихъ сочиненiй имъ не находимъ ни одного вплоть до IV^{го} вѣка.

Евсевiй. Первое значительное историческое сочиненiе встрѣ- чается намъ въ началѣ IV^{го} вѣка; оно и понятно почему: не го- воря уже о томъ, что съ этого времени стала развиваться христи- анская письменность, темъ болѣе, что положенiе христовъ въ Рим- ской имперiи улучшилось, каюзя не обратить вниманiя на то, что христіанство прошло уже цѣлый періодъ историческаго развитiя, и пришло время отшатнуться назадъ на прошедшее, возникла потреб- ность отдать себѣ отчетъ въ прошедшемъ. Въ это время только что кончились гоненiя, и началась новая эпоха болѣе спокойная, время торжества христіанства, когда во мавъ явился и первый историкъ, Евсевiй, епископъ кесарiйскiй, илюющiй по своимъ трудамъ по цер- ковной исторiи полное право носить названiе ея отца.

Самая эпоха, когда онъ жилъ, и положенiе, какое онъ занималъ въ государствѣ, доставили ему все то благоприятное условiе, которая нужна была для историческаго образованiя Евсевiя. Евсе- вiй жилъ на рубежѣ двухъ эпохъ: онъ видѣлъ еще гоненiя, но ви- дѣлъ и торжество христіанства; во время послѣдняго Дiоклетiа- новскаго гоненiя онъ даже самъ потерпѣлъ, а при Константiнѣ В. явился уже не только епископомъ одной иъ значительной- шихъ восточныхъ церквей, церкви Кесарiйской, но и былъ близкимъ лицомъ къ императору, который очень уважалъ и любилъ Евсевiя, велъ съ нимъ переписку, въ которой называлъ его другомъ, давалъ ему порученiя и т. д.; между прочимъ, Константинъ, по свидѣтельству одного древняго сказанiя, дозволилъ ему пересмотрѣть государствен-

ные архивы и выбрать оттуда все документы, какие относятся к истории христианской церкви.

Евсевий, насколько можно судить по его творениям, является образованнейшим человеком своего времени, воспитанным в духе идей Оригена прямо через учеников его, особенно епископа Александрии Терузалмиского и Памфила, пресвитера кесарийского. Александр и Памфил были замечательными людьми, что они собрали у себя значительные библиотеки, преимущественно собранные из произведений христианской письменности первых трех вѣков по Р.Х. По смерти этих двух ученых мужей библиотека досталась Евсевию, и он имел полную возможность ознакомиться с произведениями древне-христианской эпохи.

Притом Евсевий был человек наблюдательный, любознательный; хотя ум его и не отличался глубокою философией, но это был ум живой, с способностью быстро схватывать факты прошедшей и современной ему жизни; все это ставит Евсевия во главе церковно-христианских историков.

Евсевий оставил после себя много сочинений. Главное и для нас более интересное его сочинение это — «История христианской церкви первых трех вѣков», от Р.Х. поѣды до Никейскаго собора 324г. Она состоит из 10^{ти} книг. Содержание ее очень разнообразно; христианская жизнь первых трех вѣков от Р.Х. затронута здесь со всех почти сторон; но лучшей частью его труда является та, в которой он касается эпохи гонений и мученическаго героизма преследуемых христиан. Здесь Евсевий говорит о близком ему предмете, пишет под руками богатой матеріалъ; поэтому рассказ его становится живым и подробным. Въ других местах он касается и внутренней жизни христиан, дает нам очеркъ христианских стремлений и интересов, богословскаго развитія, описываетъ появленіе ересей и т.п.; но вообще эти части у него гораздо слабѣе той, на которую мы уже указывали раньше. Евсевий был хороший наблюдатель; умъ всегда съ успѣхомъ справится съ описаніемъ известнаго историческаго событія, но не глубокий мыслитель. Поэтому при изложеніи успѣховъ христианской литературы, развитія богословія и т.д.

онъ не вкладываясь въ глубину, такъ сказать, въ сокровенную суть со-
бытій, не слѣдуетъ за развитіемъ идеи, а ограничиваясь лишь внѣш-
нею стороною: такъ напр., говоря о литературѣ, онъ довольству-
ется лишь внѣшней стороною ея, довольствуется простыми пе-
речнемъ сочиненій и сообщеніемъ имени лишь, которыми эти сочи-
ненія принадлежали; излагая исторію іерархіи, онъ не выясня-
етъ процесса ея образованія, а только преимущественно разска-
зываетъ о томъ, какой епископъ правилъ извѣстною церковью и
послѣ кого и сколько времени; говоря объ ересьяхъ, Евсевій не только
не вникаетъ въ ихъ происхожденіе, но вовсе и не старается пере-
дать въ осмысленномъ видѣ содержаніе извѣстнаго сектантскаго
ученія, излагаетъ это ученіе въ отрывочномъ видѣ, такъ что иш-
тательно смыслъ извѣстной ереси понять трудно, темъ болѣе
что наша церковная исторія старается представить заблуж-
денія еретиковъ въ еще болѣе нептломъ видѣ, чѣмъ каковы они бы-
ли на самомъ дѣлѣ. Такими образомъ далеко не вся часть Ев-
севіева труда одинаково обработана; далеко не однимъ носитъ онъ
характеръ. Темъ не менѣе эта исторія отличается очень мно-
гими достоинствами, а именно: по своему спокойному, сравни-
тельно безпристрастному и основательному изложенію Евсе-
вій стоитъ гораздо выше средневѣковыхъ историковъ: онъ дале-
ко не такъ, какъ они легковерны, въ своихъ сочиненіяхъ онъ ссыла-
ется всегда на источники, документы, приводитъ изъ нихъ цѣ-
лыя выдержки, не имеетъ страсти къ описанію чудеснаго; къ
событіямъ сомнительнымъ онъ относится съ критикой, осторож-
но добавляя при ономъ «говорятъ, разсказываютъ». Что же ка-
сается до внѣшней стороны изложенія въ этой первой христіан-
ской исторіи, то она, конечно, примитивная. Евсевій излагаетъ
событія въ хронологическомъ порядкѣ, переходя нередко безъ связи отъ
событій внѣшнихъ къ событіямъ внутреннимъ и наоборотъ, пе-
реходя отъ описанія гоненій и мученическихъ подвиговъ христі-
анъ къ изложенію борьбы съ ересями и къ перечисленію написан-
ныхъ за данную эпоху сочиненій. Вообще говоря, какъ первое со-
чиненіе по церковной исторіи церковная исторія Евсевія дале-
ко не представляетъ великихъ научныхъ совершенствъ, но

только не менее она чрезвычайно важна, так как дает первое полное описание самой замечательной эпохи в истории христианства, первых трех виков его. Произведение это только потому не забыто, что Евсевий шит в руках много исторических памятников, которые до нас не дошли; а он, пользуясь ими, был в состоянии сообщить читателю наиболее достоверные сведения; не ограничиваясь последними, он наконец выбрал из них наиболее замечательное и вставил в свою историю до-словно. Поэтому естественно, что труд Евсевия всегда ложился в основание всякой церковной истории, да и теперь еще как исторический материал не потерял своего значения.

Кроме "Церковной истории" от Евсевия сохранилось еще несколько сочинений, которые также имеют значение при изучении истории христианской церкви. В дополнение к VIII^{-й} книге своей истории, излагающей эпоху гонений Диоклетiana, Евсевий составил еще 13 сказаний о палестинских мучениках, пострадавших во время этого жестокого гонения на христиан. В некоторых издании эти сказания соединены с "Историей", в некоторых по-иному отданы; но вообще, как бы там ни было, об них можно сказать, что эти сказания представляют прекрасный материал для истории последнего гонения, тем более, что Евсевий сам был свидетелем, очевидцем и участником в событиях, которые здесь описаны.

Кроме того, у Евсевия есть еще значительный труд исторического характера; это — 4 написанная им книга о жизни Константина Великого. Труд этот кончен в 338 г., т. е. уже по смерти императора, написан, очевидно, под влиянием еще всей утраты, которая постигла тогда империю. Нельзя сказать, чтобы только это названное нами сочинение отличалось какими-нибудь высокими научными совершенствами. Во-первых Евсевий, как и сам он говорит, далеко не шит намерения описывать все деяния Константина Великого, а только хотеть указать на его дьявольство по отношению к христианской религии; но это для истории церкви и есть самое главное. Зато отношения Евсевия к Константину Великому были таковы, что едва ли первый

мочь говорить о вторых вполне спокойно и безпристрастно. Евсевий всегда находимая подъ обаянием, производимым неодолимкою милою Константина, оказавшего столько добра христианамъ. Евсевий, какъ мы уже сказали, былъ близокъ къ Константину, былъ его любимцемъ, другомъ; отсюда понятно, почему изложение исторіи Константина у Евсевія походитъ не на спокойный историческій разсказъ, а скорее на панегирикъ. Затѣмъ въ этой исторіи есть еще и некоторый недостатокъ. Между церковными соборами, состоявшимися при Константинѣ В., были такіе, о которыхъ Евсевію говорить представлялось несколько нежелательно. Извѣстно, что въ поздніе годы царствования Константина В. въ Византіи распространилось арианство, и Евсевій въ своихъ къ нему отношеніяхъ несколько запутанная, вступилъ во вражду съ Афанасіемъ Великимъ и поддался обольщеніямъ арианъ и, хотя не разделялъ всей разности арианскихъ воззрѣній, но боролся за арианъ противъ православія. Тридобрый императоръ, сопровождавшій эту борьбу двухъ партій, православной и арианской, различными средствами, которыми пускались обѣими партіями въ ходъ при этой борьбѣ, далеко не такъ невинное, чѣмъ Евсевій, самъ въ некоторой степени замѣшанный въ дѣль соперничества арианъ съ православными, мочь безъ стѣсненій излагать события такъ, каковы они были по истинѣ. Поэтому эта часть труда Евсевія легковѣсна и запутанна; многие факты какъ бы затуманены. Какъ бы то однако ни было, все же это сочиненіе довольно важно, такъ какъ относится къ личности и событіямъ, имѣющимъ громадное значеніе въ исторіи христіанской церкви.

Въ дополненіе къ «Исторіи Константина В.» обыкновенно присоединяется въ изданіяхъ одна речь Евсевія; говоренная имъ Константину при празднованіи его 30-тилтннго юбилея, и речь самого императора «О воплощеніи Христа», сказанная Константиномъ при торжественномъ освещеніи церкви въ Тиръ. Здѣсь во главѣ епископовъ стоялъ Евсевій, который и сохранилъ эту речь, представляющую намъ важность въ томъ смыслѣ, что показываетъ, какъ первый христіанинъ — императоръ относился къ самому внутреннему смыслу христіанскаго ученія, къ его основнымъ догматамъ и вѣрованіямъ.

Все упомянутыя сочиненія Евсевія были переведены сначала на латинскій языкъ, потомъ позднѣе на новыя языки. Есть и русскій переводъ въ 2 частяхъ, изданный при С.-Петербургской Духовной Академіи.

Кромѣ этихъ сочиненій, прямо относящихся къ церковной исторіи, у Евсевія были еще и другія творенія, значеніе которыхъ для насъ болѣе вторично.

Это, во-первыхъ, его такъ называемая хроника. Написавши исторію церкви, Евсевій хотѣлъ составить и гражданскую исторію и съ этою цѣлью онъ предпринялъ составленіе хроники, въ которой желалъ изложить событія общей исторіи отъ сотворенія міра и до 313 года, т. е. до времени изданія Константина и Лициніемъ эдикта о терпимости христіанъ въ римской имперіи и до времени паденія господства ермекства. Сочиненіе это въ свое время имѣло важное значеніе въ христіанскомъ мірѣ, представляя матеріалъ для исторіи, но названіе хроники ему пришло нѣсколько гораздо болѣе, чѣмъ какому-нибудь сочиненію, ему предшествовавшему. Въ своемъ трудѣ Евсевій сводитъ истощенія разныхъ народовъ: евреевъ, египтянъ, сирійцевъ и другихъ народовъ древняго міра, чтобы, насколько возможно, показать современность различныхъ событій на одно истощеніе, и затѣмъ перечисляетъ въ хронологическомъ порядкѣ событія и имена дѣятелей, какія попадаются у грековъ, сирійцевъ, египтянъ и тому подобныя народовъ древности; онъ перечисляетъ царей, законодателей и законодательствъ, полководцевъ и войны и другія выдающіяся важныя событія. Правда, изложеніе этихъ событій у Евсевія, конечно, коротко, отрывочно, сухо, но при всемъ томъ сочиненіе это все-таки очень важно, такъ какъ оно представляетъ первую попытку составить что-нибудь въ родѣ всеобщей исторіи, свести событія изъ жизни отдѣльныхъ народовъ въ одну общую картину міроваго развитія. Древній міръ не имѣлъ всеобщей исторіи: греки имѣли свою исторію, римляне — свою, потому что древніе народы жили замкнуто, обособленною жизнью. Идея общечеловѣчности явилась лишь

подъ влияніемъ христіанства, благодаря лишь развитію христіанскаго міровоззрѣнія, по которому все люди равны, все — братья, поэтому естественно, что мысль составить всеобщую исторію впервые пришла въ голову именно христіанскому мыслителю. Хроника Евсевія имѣла громадное значеніе и въ позднѣйшія времена для средневѣковыхъ писателей, чуть ли не вплоть до XII^{го} вѣка. Эта Хроника съ дополненіями уже позднѣйшаго характера служила для средневѣковыхъ писателей главнѣйшимъ и почти единственнѣйшимъ источникомъ историческаго образованія. Въ новѣйшіе вѣка такое значеніе она потеряла, но все же важна, какъ историческій памятникъ, такъ какъ въ ней не мало свѣдѣній и отрывковъ изъ недошедшихъ до насъ древнихъ писателей греческихъ, египетскихъ, сирийскихъ и т. п.

Что касается греческаго подлинника хроники, то онъ уже рѣдкость, и до насъ дошли изъ него только отрывки, такъ что всю хронику мы имѣемъ лишь въ латинскомъ переводѣ бл. Иеронима съ разными дополненіями и продолженіями, что уже было позднѣйшихъ западныхъ писателей.

Кроме того, Евсевій сдѣлалъ попытку составить всеполезительное пособіе къ Священной исторіи, написать нечто въ родѣ топографіи Палестины, въ которой описываетъ мѣстность Святой Земли, ея города, села, рѣки, горы, которые упоминаются въ Св. Писаніи. Греческій подлинникъ этого сочиненія до насъ не дошелъ тоже, а есть также латинскій переводъ все того же Иеронима, носившій названіе „*Topica*“.

Кроме историческихъ сочиненій и пособій къ исторіи, у Евсевія было много сочиненій и другаго характера: онъ былъ вообще писатель плодовитый, но эти сочиненія, гдѣ главную роль играетъ уже не исторія, отличаются экуменическимъ и полемическимъ характеромъ. Особенно важны его „*Præparatioes Evangelicæ*“; это сочиненіе высвѣтляетъ, какъ подготовлялось все къ появленію христіанства, а вместе съ тѣмъ показываетъ, насколько въ древнія ученія до-христіанскія уклонились отъ истины и блуждали среди мрака язычества.

Это своего рода апологія христіанства противъ язычества,

апологиз, стремившаяся доказать превосходство первого над последним. Важно главным образом образом око потому, что сообщает много сведений и дает много отрывков из недошедших до нас древних сочинений, знакомит с древней философией и языческой мифологией.

Из всего предвидущего можно уже сделать заключение, что в историческом отношении сочинения Евсевия занимают чрезвычайно важное место в среде других источников этого рода. Сочинения эти в свое время имели громадное влияние и на современников, и уже в 20ых или 30ых годах V^{го} столетия в греческой литературе явились продолжатели деятельности Евсевия. Явились новые историки, писавшие и писавшие почти одновременно, именно: Сократт Схоластикъ, Дрмиий Созоменъ, Фимосторгий и Феодоритъ Кирский и другие.

Все эти историки поставили своею целью продолжать труд Евсевия и действительно начинали свое повествование с того пункта, на котором остановился Евсевий, именно со времени Никейскаго собора и до своего времени, т. е. до 20ых или 30ых годов V^{го} столетия. Сочинения эти сохранились до нашего времени в цѣльномъ видѣ и представляют очень важный источник для истории христианской церкви IV^{го} вѣка, особенно для истории борьбы православия съ арианствомъ.

Важнейшимъ является сочинение Сократта. Это — довольно сухое, не особенно связное изложение событий христианской церковной истории IV^{го} вѣка, касающееся, какъ мы уже заметили, преимущественно борьбы православия съ арианствомъ; но при всей своей сухости трудъ Сократта имеет много и почтенныхъ качествъ: спокойствіе, сдержанность, основательность въ сужденіяхъ, постоянное стараніе держаться документальныхъ источниковъ, которые нередко онъ вводитъ въ свою историю. Затѣмъ, при изложеніи бурныхъ споровъ между православными и сектантами Сократт старается относиться къ дѣлу спокойно; будучи сторонникомъ православия, онъ Фимъ не только не бросаетъ глезу и въ представителей арианства,

напротив, относится с некоторыми даже сочувствием к одной из тогдашних сект, именно новацианству, и вообще старается в своем сочинении провести ту христианскую точку зрения, что в христианстве главное не частности, не обряды, но общая основа, дух христианского учения и главное — доброе, братское отношение между христианами. Зато, отчасти историком к фактам, больше или менее возбуждающим сомнения, относятся с большой осторожностью, и избегают по возможности различных легенд и сказаний, где же приходится к ним прибегать, то излагает с оговорками. Сравнительно с Евсевием Со- крать однако историком, так сказать, тщательней, ибо Со- крать главным образом излагает события внешние, мало входя во внутреннюю жизнь описываемой им эпохи: так, напр., он даже не касается христианской литературы. Мы уже замечали, что эта сторона слаба и у Евсевия, — у Сократа ее нет совсем.

Что касается до сочинения современника Сократа Созомена, то его значение гораздо меньше. Созомен просто передельный труд Сократа, разбавивши его риторикой, напыщенностью, длинными, искусственными словами, и в то же время, где Сократ приводит безхитростно отрывки из своих источников — документов, Созомен отрывки эти опускает и старается в красивом виде передать все так, как будто это отрывки и не бывало. Но есть одна сторона, где Созомен, так сказать, дополняет Сократа. Дело в том, что Сократ в своем повествовании описывает преимущественно события, имевшие место в главной церкви, Константинопольской, а Созомен касается и других восточных церквей: Паместинской, Александрийской и пр., а также западной, Римской; рассказывает о событиях, происходивших среди христианских обществ вне пределов Римской империи, именно в Персии. История Созомена дополняет историю Сократа еще в том отношении, что сочувственно описывает распространение монашества и аскетизма в хри-

Церк. Историческая. Лето. Александровск. Лето 6^е.

отіанської церкви, аскетизма, котрої гинуть велике значення серед тогочасного христіанського общества и под впливом которого виступався сам Созомен.

Третє сочинення, еще менше по обсягу, чим труды Сократа и Созомена, но тим не менше полезное, так как дополняют собою сочинения выше названных историков церкви, — это История церкви Теодорита, штована цилью описати события и документи, на котроме не обратили внимания Сократъ. Ватим, история Теодорита замечательна тим, что у него гораздо больше, чим у только-что названных авторов, связи, стройности, осмысленности. Оно и понятно, почему: Теодоритъ былъ образованнѣшимъ христіаномъ своего времени, притомъ человекомъ высоко развитымъ и даровитымъ, обладавшимъ прекраснымъ и благороднымъ характеромъ. Его церковная история занимаетъ не особенно значительное место между многими его сочинениями, важнымъ для христіанства по своему богословскому интересу и направленнымъ преимущественно противъ различныхъ еретическихъ учений.

Такимъ образомъ, въ 20^х и 30^х годахъ V^{го} столетія явились три новые историка: Сократъ, Созоменъ, Теодоритъ. Это православные историки, но въ то же время были историки арианскіи, по имени Сримосторгия, котрої въ противоположность православнымъ историкамъ заданъ цилью изобразити ту же эпоху съ арианской точки зрѣнія, и это сочиненіе могло быть очень важнымъ для истории церкви, потому что много фактовъ и событий представляло въ немъ уже оспариваніи, чимъ находили это у Сократа, Созомена и Теодорита, но, къ сожалѣнію, оно до насъ не дошло, хотя мы и находили много изъ него отрывковъ, именно у Фронтія, константинопольскаго патріарха и писателя IX^{го} вѣка, и у некоторыхъ другихъ; отрывки эти представляютъ характерной и замечательной свѣдѣній о дѣятельности арианской партіи.

Отъ первой половины VI^{го} вѣка, отъ эпохи Юстиніана, до насъ лишь отрывокъ изъ церковной истории, написанной Теодоромъ, чтецомъ константинопольскимъ. Этотъ

Оеодоръ продолжалъ трудъ своихъ предшественниковъ, начавши отъ Ефесскаго собора до эпохи Юстиніана, приблизительно, следовательно, до 30^х годовъ VI^{го} столетія, но сочиненіе его въ цѣломъ видѣ, какъ мы сказали, не дошло до насъ.

Ваттль, отъ времени Юстиніана сохранилась исторія церкви, принадлежащая поборнику и стороннику монофизитской ереси Тоанну, епископу Ефесскому, бывшему въ очень близкихъ отношеніяхъ къ Юстиніану въ послѣдніе годы его царствованія, когда императоръ этотъ подпалъ подъ вліяніе представителей монофизитства. Епископъ Тоаннъ шпталъ отъ императора порученіе обращать на востокъ язычниковъ въ христіанство, т.е. въ монофизитскую ересь; объ этихъ-то своихъ подвигахъ на поприщѣ миссіонерства, и повѣствуетъ Тоаннъ въ самомъ началѣ своего труда, подвигахъ нередко жестокихъ, въ духѣ нехристіанскомъ и недостойномъ представителя Христовой церкви, какъ мы доусемъ были быть епископъ ефесскій.

Отъ конца VI вѣка и начала VII столетія мы имеемъ еще одну церковную исторію, которая является продолженіемъ предшествовавшихъ, именно Зварія, софійска антиохійскаго. Она излагаетъ событія съ императорства Константина В. по прецедимъ источникамъ, датнымъ повѣствованіе ея со времени около V^{го} столетія становитая самостоятельнымъ и доводится до конца VI^{го} вѣка. Это время борьбы православія съ сектою Несторіанъ и монофизитамъ и описано главнымъ образомъ у Зварія. Но по достоинству своимъ исторія Зварія никакъ не предвудущихъ, ибо еще менее входитъ во внутренній сторонн жизни христіанскаго общества, а описываетъ лишь одни внѣшніе событія, мало отдѣляя событія церковной отъ придворныхъ интригъ и политики.

Эта церковная исторія Зварія Антиохійскаго является послѣдней изъ специальныхъ церковныхъ исторій въ греческой литературѣ въ древне-христіанскую эпоху съ IV до VII вѣка.*)

*) Упомянутые греческіе историческіе памятники существуютъ и въ русскомъ переводѣ, изданныхъ при Петерб. Духовной Академіи.

в.) Византийская средневековая церковная историография.

После Евagriя специальная церковная история уже не встречается. Есть только общия хроники, в которых главным образом описываются события жизни государственной, но иногда в них вводят много и событий церковной жизни. Характер этих позднейших, так называемых, византийских хроник больше или меньше известен. Они преимущественно касаются событий внешней жизни: описывают придворную интригу и войны, а из церковной жизни — отношения иерархии ко двору, внешнюю сторону споров. Они отличаются отсутствием критического отношения к своему предмету: стремясь описать как можно больше событий, они не разбираются, какие из этих событий больше важны, какие меньше; иногда описание чудес носит у них странной, фантастический характер. Со внешней стороны эти средневековые хроники, за исключением немногих, отличаются напыщенностью, витиеватостью, а также — сукостью и безжизненностью.

Во главе этих византийских хроник стоят 2 большие хроники патриарха константинопольского Философа и монаха Теофана. Они важны для истории греческой церкви VII—VIII вв., особенно подробно и живо описывают иконоборческое движение и монофелитство. Хроника Теофана считалась как бы официальной хроникой Византийской империи и стала одним из главных источников продолжателей.

Со второй половиной IX^{го} века появляются новые византийские хроники: Симеона Метафраста, Генесия, Георгия Амартолы, Льва Грамматика, Константина Порфирородного, Льва Дьякона, Константина Манасия; некоторые из них важны и для нашей русской истории. От XI^{го} века дошли два самых больших византийских хроники: Кедрича и Зонары. Впрочем, они

представляют большую часть извлечений из предшествовавших хроник.

Хроники XII^{го} века, эпохи Комненов, отличаются тем, что писались самыми высокопоставленными лицами. Это — хроники Анны Коммены, ее мужа Никифора Вриенний, византийского полководца Иоанна Кинама и Никиты Хониата. Последняя хроника, описывающая падение Византии при династии Ангелов и завладение Византии крестоносцами, едва ли не самая лучшая. Она отличается благородством взглядов и живыми изложениями.

Далее, по завладении Константинополя крестоносцами, греческая империя и патриарший престол перенесены в Никею. Эта, так называемая, никейская эпоха описана Георгием Акрополитом, высшим сановником. По возвращении Палеологов, царствование первого из них описано Георгием Палеологом и Никифором Бригоросом.

От XIV^{го} века — хроника императора Иоанна Кантакузена, описывающая первое вторжение турок в юго-восточную Европу. Последние хроники — Иоанна Дуки, Георгия Ламбродима и Георгия Францы.

По этим хроникам можно проследить историю греческой церкви до падения Константинополя. Впрочем, под конец XIV^{го} века, опять встречается специальная церковная история, в 23 книгах, Никифора Каллиста. Но большая часть ее затеряна; сокращенная ее часть содержит описание I—IV вв., т.е. то, что нам меньше нужно; впрочем, она сообщает некоторые новые подробности.

Сохранилась еще на арабском языке одна церковная история X^{го} века, принадлежащая александрийскому патриарху Евтихию. Это — краткая, сухая и весьма поверженная история, но сравнительно с другими она подробней

описываетъ состояние восточныхъ патриаршествъ, подавшихъ власти Арабовъ.

Кромѣ этихъ трудовъ, для ознакомленія съ греческой христіанской исторіей среднихъ вѣковъ, можно указать также на много дополнительныхъ источниковъ. Рядъ ихъ представляетъ вся средневѣковая церковная литература, очень обширная. Она, главнымиъ образомъ, находится въ цѣле упомянутомъ собраніи Мигуле'а.

Въ ряду памятниковъ византійской литературы видное мѣсто занимаютъ памятники догматико-полемическіе. Первые вѣка исторіи Византіи прошли въ спорахъ православія съ ересями; поэтому написана была масса богословскихъ сочиненій по поводу ересей, возникавшихъ въ византійской имперіи съ V^{го} до IX^{го} вѣка. Затѣмъ, въ IX^{мъ} вѣкѣ нагикается рядъ полемическихъ отношеній къ западной церкви.

Споры съ ересями прежде всего встрѣчаются въ произведеніяхъ знаменитыхъ учителей греческой церкви IV-V вв.: Иоанасіе Великаго, Василіе Великаго, Тригоріа Богослова, Тригоріа Нисскаго, Кирилла Иерусалимскаго (IV в.), Кирилла Александрійскаго и Стеодорита Кирскаго (V в.). Главнымиъ образомъ, они даютъ матеріалъ для исторіи борьбы съ арианствомъ и несторіанствомъ, а также для исторіи развитія самаго христіанскаго богословія.

Въ слѣдующіе вѣка, когда византійская литература уже становится бѣднѣе и слабѣе, все-таки появляются новыя полемическія сочиненія: въ VII в. — Максима Исповѣдника, Сосфронія Иерусалимскаго, Анастасія Синаита; въ VIII в. — Иоанна Дамаскина, Стеодора Студита, патриарховъ: Германа, Марасія и Никимфора; въ IX в. — патриарха Сротія.

Съ IX в. идетъ рядъ писаній противъ церкви латинской. Въ XI-XII вв. описаны труды Никиты Пектората, Светградія Никейскаго; къ XIV в. — Тригорія Паламы и Николая Кавасмы; къ XV в. — Марка Ефесскаго, ско-

лария Геннадия, Симвестра Саратумы. Но в греческой литературе существует также такое богословское направление, которое хотило не только эмалить, но и оправдать латинскій нововведеній. Это — особенно писанія греческих богословов XIV в. после такъ называемой Лионской унии: Иоанна Векха, Иоанна Камхи, Георгия Метохита и др.

Встрѣчаются сочиненія и противъ другихъ заблужденій — Теодора Абукары, восточнаго писателя противъ малометанъ. Нѣкоторыя сочиненія направлены противъ ереси богомильской и павликианской: патриарха Фотія, Петра Смильскаго (IX в.), пресвитера болгарскаго Козьмы (X в.), византийскаго писателя Евфимія Злабена (XI-XII вв.), противъ армянъ — Никона Черногорца.

Весьма важное значеніе также имѣютъ дошедшіе до насъ Акты Соборовъ. Възъхъ вселенскихъ соборовъ (IV-VIII вв.) было 7 и нѣсколко помѣстныхъ. Отъ соборовъ IV вѣка — Никейскаго и Константинопольскаго, подробныхъ описаній не дошло. Правда, въ послѣднее время не разъ были обнаружены вавшія акты Никейскаго собора, то на коптскомъ, то на сирскомъ языкѣ, но они оказались подложными. Подлинныя акты идутъ лишь съ III^{го} вселенскаго собора. Это — точныя записи соборнаго порядка и речей, произносимыхъ на соборѣ. Эти акты дошли частью въ греческомъ подлинникѣ, частью въ латинскомъ переводѣ. Русскій переводъ ихъ издавъ при Казанской Духовной Академіи.

Сохранились также акты помѣстныхъ соборовъ. На Западѣ существуютъ громадныя изданія *Acta conciliorum*. Особенно замѣчательныя изданія Гардуина (XVIII в.) и Манси (XIX в.)

Вѣдь эти акты соборныя даютъ весьма важную матеріалъ не только для исторіи церковнаго управленія, но и вообще для исторіи церкви. Они ясно представляютъ характеристику тѣхъ эпохъ: нравы, оффициальные порядки, характеръ духовныхъ лицностей.

Ватиль, на соборахъ, кроме подробныхъ протоколовъ

собрания соборных, составлены и краткия постановле-
ния. Это, такъ называемыя, Правила Соборовъ. Они
важны не только для канонического права, но и для церков-
ной истории, ибо они знакомятъ насъ съ характеромъ цер-
ковнаго управления. Эти правила выветъ съ апостольскими
или составляютъ Коринтскія книги, Номоканоны. Въ нихъ
присоединяются такъ же постановленія греческихъ импе-
раторовъ, начиная съ Константина Великаго, относимаго
къ церкви. Еще съ VI^{го} вѣка явилась обычай составлять та-
кия собранія. Первое принадлежитъ Иоанну Схоласти-
ку. Постановленія императоровъ собирались Феодосіемъ
Младшимъ, Фотиніаномъ Младшимъ, Василиемъ
Македоняниномъ и Львомъ Мудрымъ.

Затѣмъ слѣдуютъ комментаріи этихъ правилъ цер-
ковныхъ: Аристидеса, Зонары, Вальсамона, — визан-
тійскихъ писателей XII^{го} вѣка. Помощники эти особенно
важны для канонического права. Московское Общество Лю-
бимцевъ Духовнаго Просвѣщенія издало собранія этихъ пра-
вилъ на греческомъ, славянскомъ и русскомъ языкахъ. Та-
кимъ образомъ, официальная сторона греческой церковной
жизни имѣетъ довольно материала для своего разъясне-
нія въ упомянутыхъ нами сочиненіяхъ и собраніяхъ.

Гораздо менѣе материала можно найти въ греческой бо-
гословской литературѣ для изученія нравственнаго состоя-
нія византійскаго общества въ средніе вѣка. Но и по этой
части нѣкоторые материалы можно найти въ нѣкоторыхъ
речахъ проповѣдяхъ и письмахъ церковныхъ учителей.
Правда, большая часть проповѣдей отличается сухостью,
мало знакомятъ съ чертами современной общественной жизни,
но все-таки были проповѣдники, которые ярко воспроизво-
дятъ картину современныхъ нравовъ. Особенно важны, въ этомъ
отношеніи, проповѣди и письма нѣкоторыхъ учителей IV^{го} вѣка:
Василія Великаго, Григорія Богослова, Григорія Нис-
скаго и, всего болѣе, Иоанна Златоуста. Изъ V^{го} вѣка
выдаются особенно письма Феодорита Кирскаго и одного

аскета, зорко наблюдавшего и за современной жизнью, — Исидор Дорна Плузютта. Из позднейшей эпохи — письма Теодора Студита (в иконоборческую эпоху), патриарха Фотия (IX в.). Из XII в. — обильнейшая проповедь Евстафия Тессалоникского, весьма ученая, одною из лучших комментариев Томаса в средние века.

Для истории монашества с IV в. до средних веков существует довольно материала. С началами его истории знакомят отдельные жизнеописания некоторых отшельников: Антония Великого, Пахомия. Затем идут сборники рассказов о замечательных подвижниках: сборник еленопольского епископа Памладия (VII в.) — "Лавзачикъ", сказания о подвижниках VI в. — "Мимонарь", т. е. "Лугъ духовный" Иоанна Моска; разные патерики: египетский, египетский и т. д.

Для изучения самих воззрений аскетических дают материал произведения аскетов: Антония Великого, Пахомия, Макария Египетского, Иова Синайского, Исаака Сирина, Иоанна Лествичника и других.

Для монашеской средневековой жизни важны монастырские уставы, грамоты на имя монастырей византийских императоров (хрисобулы).

В дополнение к каноническим актам упомянем также о позднейших законодательных актах. Это — охруженные послания константинопольских патриархов и императорских грамоты. Большая часть их пропала, часть сохраняется в монастырях и представляет почти еще непечатый материал. Впрочем, время от времени они извлекаются из монастырских архивов и издаются новогреческими учеными. Из западных ученых Тейнеръ и Флеклюмиль издали ряд таких актов, но с некоторыми особенными тенденциями.

Теперь укажем на источники для истории развития греческих церковных обрядов.

Обряд устанавливается не только письменно, сколько Церк. Историкографія. Лит. Александровской. листъ 7-й.

на практику, путем предания. Поэтому в письменных памятниках мы мало найдем на кого указаний. Такие указания, впрочем, встречаются в писаниях Кирилла Иерусалимского (IV в., его «таинствованные поучения», это встречаются первые известия о совершении таинства.), в разных уставах греческих монастырей: палестинском, афонском, студитском. Разные толкования по этому предмету встречаются в сочинениях Максима Исповедника (VII в.), Софрония Иерусалимского. Обрядность развилась в греческой церкви особенно в VIII—IX вв., в эпоху иконоборства, в силу реакции. К этому-то времени относятся большая часть церковных гимнов, молитв, выработка церковных уставов. К этому направлению принадлежат сочинения Иоанна Дамаскина, Феодора Студита, патриарха Германа. Еще важнее для обрядности имеет значение сочинение митрополита Симеона Солуньского (XIV в.) — «Толкование установленных обрядов».

Важные указания на сочинения, важные для некоторых отдельных отраслей церковной жизни в средние века.

Зревшийшее сочинение по географии и топографии Палестины — Козимы Иноконмита (V в.) имеет большое влияние и на средневосточную литературу. К V в. относится также важное для церковной статистики сочинение греческого алхимиканта, жившего в Сирии, Филиа Доксопатрора, под названием «Укрепление восточных патриарших престолов»; оно представляет перечень восточных епископств. — Важный интерес, в церковных отношениях, представляют также писания известного греческого императора Константина Порфирородного, писателя очень плодотворного и многогранного. Его сочинения: «De imperio administrando», знакомят нас со взглядами того времени на церковное и государственное управление. Другое его сочинение: «De caeremoniis aulae byzantinae», описывает церемонии византийского двора, а также и некоторые церковные, напр., в Вербное Воскресение, Пасху и т. д.

Вот так следует упомянуть о некоторых особые произведениях средневековой греческой литературы, весьма важных и для церковной истории.

Это, во-первых, «Библиотека», или «Книголюбие» (Πνευματικαί) патриарха константинопольского Фотия (IX в.). Он был учеником своего отца: и философ, и богослов, и математик, писатель даже сочинений по медицине. Он устроил в своем доме ученый кружок, где давались ответы о прочтенных рукописях. Таким образом и составилось это огромное произведение*). Оно представляет библиографическое собрание, разбигающее до 280 кодексов, а число всех описываемых сочинений доходит до 1000. Сочинения эти по всем отраслям знания; встречаются и самые редкие сочинения древних языческих писателей. Но ответы составлены неравномерно; иногда о неизвестных писателях имеются подробные ответы, и наоборот. Но эти же — то именно и важно для нас это собрание, так как иногда оно дает подробности о тех писателях, которые не дошли до нас в каком виде или вовсе остались неизвестными. До 80 авторов подобного рода встречается в этой библиотеке. Часто только по указанию Фотия находили неизвестного автора какого-нибудь сочинения. Так философическая приписывается Империю, именно только по указанию Фотия.

Далее, для истории церкви имеет также большое значение «Сборник жизнеописаний святых», составленный в половине IX века, под руководством византийского сановника Симеона Метасфраста, бывшего великим логофетом. Собрав множество разных святых, отцы, кх сохранило, не довольствуясь этим, собрал ученую комиссию для проверки их. Она начала их описывать, украшать, подводить под общий шаблон. Большая часть мучеников неизвестного времени отнесена к концу

*) В собрании Мигна оно занимает 2 т.

Декія и Дидактиана. Въ уста муремиковъ вкладывались на-
полиценная, витиеватая рчи. Словомъ, первоначальныя усид-
неотисаныя перепорчены въ значительной степени. Много, впро-
чемъ, и цѣпныхъ фрактывъ; надо только улитъ отдѣлнить
первоначальную редакцію отъ позднѣйшей. У Мигне'а это
собрание занимаетъ 3 громадныхъ тома. Оно имѣло большое
влияніе на составленіе позднѣйшихъ усиднеотисаний свѣтлхъ.
Иль, между прочимъ, пользовался и Димитрій Ростовскій
для своихъ усидій.

Наконецъ, «Догматическое всеорудіе» (Παροχία
δογματικῆ) Евфимій Визавена, византійскаго монаха XII в.
Оно касается исторіи ересей. Тогда сильно распространилась
Богомильска ересь, отрасль павликіанской. Изученіе ея очень
важно въ церковной исторіи, ибо она представляетъ остатокъ
древнѣйшихъ христіанскихъ ересей, которыя зародились изъ
сильнейшихъ христіанскихъ воззрній съ языческими идеями.
Эта ересь явилась сначала въ Малой Азіи, подъ именемъ пав-
ликіанства; затѣмъ, въ I вѣкѣ, распространилась въ Сербіи
и Болгаріи, подъ именемъ Богомильства, и распространилась
даже на Западъ, подъ именемъ катарской ереси. Катары,
въ свою очередь, стали родоначальниками ветвей средневѣковыхъ
сектъ: вальденсовъ, ломбардовъ и т. д. Въ началѣ XII вѣка, одинъ
изъ учителей Богомильства, нкто Василій, сталъ распростра-
нять въ Византіи это ученіе. Притворившись, что импе-
ресуетъ этииъ ученіемъ, императоръ Алексѣй Комненъ вы-
водалъ отъ него все подробности; между тѣмъ, въ другой ком-
натѣ воп слова Василія записывались. Затѣмъ императоръ
приказалъ сусель этого Богомила и поручилъ Визавѣту соста-
вить опроверженіе этой ереси. Въ первыхъ частяхъ своего тру-
да Визавенъ перечисляетъ древнія ереси; затѣмъ онъ очень по-
дробно останавливается на павликіанствѣ и Богомильствѣ
и даетъ весьма важную о нихъ показанія

Вотъ наиболѣе важные памятники греческой церковной ли-
тературы отъ IV до XV вѣка.

Древняя и средневековая западная церковная историография.

Латинская церковная письменность, древняя и средневековая, представляется больше греческой, по своему содержанию и по значению для истории. В ней меньше критики, меньше оригинальности, чем в восточной; иногда она представляется только подражанием этой последней. Правда, в средние века она более самостоятельна, но эта самостоятельность служит ей не в пользу. Самое начало западной церковной литературы относится к более позднему времени, чем начало греческой церковной литературы.

В первые два века латинской церковной письменности сочинений не было. Писатели на западе, Римляне, Египтяне, Уполиты и впрочем Иллиры, писали на греческом языке.

Первыми латинскими писателями являются уже упомянутые писатели начала III^{го} века Амвросий Медиоланский и Меркуриан. Но до конца IV и почти до начала V века латинская письменность представляется очень бедной, незначительной; а по истории даже до XVI века почти в ней ничего значительного и самостоятельного. В III^м веке почти ни одного исторического сочинения. В IV^м являются лишь переводы и передовки. Прев. Руфина Аквинского перевел церковную историю Евсевия с некоторыми дополнениями и довел ее почти до 2го вселенского собора. Но которая из этих прибавок имеют истинность. Но уже в этом сочинении вкрались некоторые тенденции, неточности, в которых выразился дух западной церкви. Уже у Руфина встречается та легенда, что символ, который употребляет римская церковь, есть собственно апостольский, формулирован апостолами; между тем, на востоке были и другие символы, называвшиеся апостольскими, конечно, по своей основе, а не по изложению. Также в первый раз встречается

ся у Руфина предание о том, что Петръ основал римскую церковь и былъ въ ней епископомъ 25 лѣтъ.

Въ томъ же, въ V^{мъ} вѣкѣ встрѣчаются также политическіе и особенно значительные труды по церковной исторіи. Кассіодоръ, основникъ при Вост.-готскомъ дворѣ и писатель, составилъ по Сократу, Созомену и Філодоху свою церковную исторію: *Historia tripartita*. Но въ ней мало самостоятельнаго контъ.

Въ началѣ V^{го} вѣка галльскій пресвитеръ Гильдигизъ Северъ составилъ свѣщенную исторію (*Historia sacra*). Она написана на хорошемъ латинскомъ языкѣ, но краткая, элементарная, несамостоятельная исторія.

Нѣкоторое значеніе для исторіи имѣетъ также сочиненіе римскаго монаха Діонисія Малого „*Судбы пасхаліи*“, Пасхальный кругъ. Это — первая попытка установить христіанское лѣтосчисленіе. Третье христіане пользовались юлианскимъ лѣтосчисленіемъ; собственно христіанскаго у нихъ не было. Этотъ монахъ опредѣлилъ, при помощи астрономическихъ соображеній, время празднованія пасхи въ каждаго году, и установилъ то христіанское лѣтосчисленіе, которое и донынѣ принято. Правда, оно не совсемъ точно. Теперь ученые отодвигаютъ П. Хр. года на 4 вѣзда. Но это, конечно, ни мало не касается религіи; это чисто-научный вопросъ.

Съ конца V^{го} вѣка еще меньше можно ожидать чего-нибудь новаго, вошедшаго въ латинскій церковной исторіографіи. Какъ извѣстно, тогда произошли разрывы западной римской имперіи. Стали называться новыя національности, образовывались новыя государства. Идеи имперіи и Франкской имперіи еще не выработались. Христіанскій міръ находился въ хаосѣ; не было цѣльности, никакого единства. Это сказалося и въ церковной исторіографіи. Даже идея объ обшей христіанской исторіи исчезаетъ въ сознании западныхъ народовъ. Являются только мѣст-

ние, национальные хроники. Таковы: — История франкской церкви — Тимоция Турский, итальский — Беды Достопочтеннаго (Venerabilis), история первых вѣков христіанства въ Германіи — Адама Бременскаго.

Общей церковной исторіи не встрѣчается до IX вѣка, когда уже образуется новый центр — папство. Попытка къ ее возстановленію принадлежатъ Анастасію Библиотечкару, аббату и библиотечкару въ Ватиканѣ, бывшему въ Римѣ, но бывавшему и на востоке. Его церковная исторія (хронографія Tripartita) основана главнымъ образомъ на византийскихъ хроникахъ Георгія Синкелла, Стефана, Симеофора. Сильно сомнительно, это трудъ компилятивный. — Большое значеніе имѣетъ другое сочиненіе Анастасія: Liber pontificalis. Это — собраніе фактовъ для исторіи папства. Въ римской церкви была обычай уже съ первыхъ вѣковъ вести записи о папахъ и ихъ дѣяніяхъ. Такъ какъ съ впаденіи Анастасія папы получаютъ большое значеніе, то и эти записи получаютъ болѣе историческаго значенія.

Епископъ галль-британскій Галлимонъ въ IX вѣкѣ оставилъ кратко и сухо общую церковную исторію; далее, уже въ XIV и XV вѣкахъ являються исторіи Одерила Виллемса, Бартоломея Лукскаго (Lucea), Кипотика Флорентійскаго. Но эти труды не имѣютъ почти никакого значенія, какъ и вообще почти вся церковная историографія западной церкви до XVI вѣка. Церковно-историческія свѣдѣнія въ западномъ мірѣ въ то время находились на самой низкой стѣпени. Нѣкоторые свѣдѣнія для средневѣковой церковной исторіи черпаются главнымъ образомъ изъ средневѣковыхъ хроникъ, которые даютъ иногда значительной матеріалъ и для церковной исторіи, особенно для эпохи основанія христіанства въ Германіи, для эпохи крестовыхъ походовъ. Изъ этихъ хроникеровъ назовемъ Адама Бременскаго, Оттона Оррейзбургскаго, Ламберта Ашафенбургскаго, Вильгельма Турскаго и т. д.

Но в них незаметно исторической критики. На западе уровень этой критики был еще ниже, чем на востоке. Поэтому евангельские легендарные рассказы находят там себя втуне. Вспомните такой удивительный подвиг, как Лука - Исидоровна Декреталии (IX в.). Там папы первых трех веков цитируются по Вульгате, появившейся только в V веке. Римские императоры, которые известны как гонители христиан, издают указы, благоприятные для церкви Христовой. Папа Конрад II века переписывается с александрийским патриархом Георгием конца IV века. Сотни самых грубых образцов сфабрикованных документов в этом собрании встречаются с полным повторением. Только с XV века они встречаются протесты: Виллифрид в Англии, Лаврентий Вальми - в Швабии. Но многие эти указы были приняты за необыкновенный либерализм.

Этот факт показывает, что в западной церкви, в средние века, не было благоприятных условий для развития церковной историографии. Какие материалы можно найти для церковной истории в западной богословской литературе вообще?

а) Литература Каролингской церкви.

Западная богословская литература начинает развиваться с начала III века и в первое время не в тех странах, где теперь господствует христианство, а там, где ныне христианства уже не существует, в ств. Африке, в Каролингской церкви.

Здесь в первые века христианства было весьма даровитое племя, но потом, к несчастью, задавленное разными политическими обстоятельствами. Среди него впервые в III веке зародилась латинская христианская литература. Здесь писали Августин Феликс и Тертуллиан. Произведе-

ния Минуция, одного из лучших христианских апологетов, но довольно кратко, не имеют особого исторического значения. Но труды Тертуллиана имеют большое значение для христианства первых 3-х вв. Его апологизм к Септимию Северу, его сочинения против некоторых еретиков - Маркиона, Праксея, Термолеки и общее сочинение против всяких ересей (*de praescriptione hereticorum*), его нравственный обличитель, - все это показывает большое знакомство Тертуллиана с духом и обстоятельствами того времени. Правда, во взглядах этого писателя нельзя видеть чистого выражения правильного христианского воззрения. Он часто впадает в изумительную строгость, доведшую его до увлечения пуританизмом Мактана. Но всетаки эти сочинения дают важный материал для истории церкви III^{го} века.

Затем, во половине того же века жил другой знаменитый карфагенский писатель, епископ, св. Киприан. В своих трактатах и письмах он также дает много материала для изучения христианства того времени, особенно новацианских воззрений и церковной дисциплины.

К началу IV в. относится Лактанций, замечательный христианский стилист, "христианский Цицерон", выработавший для христиан письменности латинскую речь, воспитатель детей Константина Великого. Он написал: *Divinae institutiones* и *De morte persecutorum*. В сочинении "О смерти гонителей христианства" он проводит, хотя несколько натянуто, ту мысль, что все наиболее выдающиеся гонители христианства умирали какой-нибудь позорной смертью, и дает важный материал для эпохи гонений на христианство, особенно в конце III^{го} века, и сведения о переходе христианства из состояния гонимого в торжествующее.

Особенное развитие карфагенская церковная литература получает к концу IV и началу V века. В это время появляется бл. Августин, епископ Иппонский, самый замечательный учитель зап. церкви, знаменитый церковный писатель. Его же можно назвать первым схоластическим богословом. Но при его высоком уме, в его произведениях, больше сказались лучшие стороны схоластики, и меньше гудий.

Что такое западная средневековая схоластика? каковы ее отличительные черты, напр. от греческого богословия первых веков? - Впервые,

греческое церковное богословие всегда держалось на твердых, более реальных основах в своих мудрованиях. Греческие богословы превосходят в знании св. Писания и свободой его толкования. Во вторых, греческое богословие обладало хорошим, конечно для своего времени, знанием церковной истории. Греческие богословы постоянно справлялись с отцами церкви прежних времен. - В западном богословии этого очень мало. Даже у Августина знание св. Писания довольно слабо; почти никакого знания церковной истории; толкования кажутся. За то западное богословие в своих рассуждениях отличается малою самостоятельностью; оно только перекладывает на латинскую речь воззрения греческих отцов. Если западные богословы пускаются в самостоятельные суждения, то они отличаются необыкновенною самоувверенностью, из которой развилась потом западно-европейский рационализм. Они стараются путем рассуждений делать выводы из догматов и считают твердыми только те догматы, которые можно доказать какими-нибудь соображениями. Но это чисто рационалистический стремление.

В них содержится, мысли гораздо меньше; но вникнув, логическая, формальная стройность у западных писателей больше, чем у восточных. У последних — богатство мысли, высота богословского содержания, у западных же — крайнее развитие мысли. Еще начиная с Тертуллиана, западное богословие отличается строгостью логики. Но эта логика доходит часто до крайностей, до пустой игры ума. Правда, эта крайность развилась позже, но страсть к этому уже сказывается с самого начала, даже у Тертуллиана и Августина. При преобладании формального развития над содержанием, иногда они развивают мысль, в основании верно, но до того односторонне, что доходят до утверждения, до логического утверждения. Это замечается, напр., в споре Августина с Пелагием о свободе человеческой и благодати. Благодаря строгой логичности, Пелагий дошел почти до отрицания божественной благодати, а Августин — до отрицания свободы, до учения о безусловном предопределении. (Этот вопрос волнует и наше время; он только перешел в философскую область и поставлен так: что имеет больше значения в жизни человеческой — природа, внешние факторы или свобода? но постоянно забывают, что благодаря строгой логичности приходим то к одной крайности, то к другой.) Эта же крайность одностороннего формального развития сказывается уже у Тертуллиана

и привела его к уровню логиканализму. Вообще западная богословская мысль часто впадает в крайности; почти у ней нет середины. Зато, другая черта западного богословского развития, это также сказывается крайность, замечается во всем вопросе об отношении религиозного развития к обществу. И тут почти у большей части представителей западной мысли золотой середины. Например, у древних христианских писателей запада замечается или излишнее увлечение языческой культурой, или полное отращение от нее, как у Тертуллиана. Еще такая черта западного богословия: собственно основными христианскими вопросами оно занималось нечасто, напр., разъяснение догмата Троицы, Воплощения. Главным образом оно разбирало вопросы об отращении Божества к человеку, о природе человека, о свободе воли и т.п. Словом, оно мало интересовалось чистой теологией; оно занималось сотериологией и антропологией христианской.

Глубина мысли, правда, встречается и у западных учителей, но не в общих выводах, а в частности; но мысль всетаки более односторонняя; в Средние Века она еще более мельчает.

Вот в чем состоит различие западной богословской мысли от первоначальной греческой.

Теперь возвратимся к бл. Августину.

Он был, повторим, величайшим из западных богословских учителей. Его произведения и доселе сохраняются в огромном количестве. У Мigne они помешены в 20 огромных томах. Но собственно для истории у него очень мало. Правда, есть у Августина короткое сочинение о ересях. Но это компиляция, довольно плохая, из писаний греческого ересеолога Епифания Кипрского. — Некоторое историческое значение имеют его полемические сочинения: против Донатистов, Манихеев, Пелagianов. В них встречаются довольно интересные исторические данные; приводятся цитаты из некоторых латинских сочинений.

Большого исторического значения имеет его знаменитое апологетическое сочинение; "De civitate Dei". Оно написано в начале V в. по поводу тогдашних нареканий, которые образованные язычники делали христианству. В это время старались ясно, что Римская Империя близится к концу, и язычники говорили, что виной этому христианство. Некоторые христианские писатели пытались отвечать на эти упреки. Но самая лучшая попытка принадлежит Августину. Он

не закрывает глаз от той опасности, которая угрожает Римской Империи; он прямо признает, что все ее нравственная и общественная основы расшатаны, но виновно в этом не христианское учение, а тот языческий каприз, который издавна проник в римское государство и влияние которого христианство не могло искоренить. Но признавая близость падения империи, Августин утешается христианством, что эти паденья нечего смущаться, — что все царства возникают и падают; но люди мыслящие под этими перевернутыми открывают то, что в мировой жизни есть вечного, неизменяемого. Под всеми этими сменами государств земных развивается одно вечное царство Божие; и все эти государства являют-ся настолько прочными, насколько они соответствуют идеалам этого царства. Это была первая попытка философии истории, но конечно фактического материала она дает мало.

И в другие и новые века это сочинение находило подражателей: в V веке испанский пребитер Орозий (*De Providentia*) подражал ему, а французский писатель Bossuet в XVII-м. Наконец, в своей *Discours sur l'histoire universelle*, проводит ту мысль, что во всемирной истории проходит идея Царства Божия; то государство ближе крестно, которое полнее осуществляет идеалы вечного Царства.

Назовем также еще одного писателя карфагенской церкви, Орота Мимвитака (IV). В своей „*Схизма Donatistorum*“, он описал эту секту, особенно возмущавшую тогда карфагенскую церковь.

Но уже в первой половине V века карфагенская церковь пала. Область была завоевана Вандалами-арианами, а в III веке ее опустошили арабы.

в) Литература итальянской церкви.

Рядом с карфагенской отраслью западной христианской литературы стала развиваться итальянская отрасль.

Первые христианские писатели появляются в Италии с III в. Но их писания не имеют значения, кроме сочинения Новациана, пресвитера, основателя новацианской секты „о св. Троице“.

В IV в. выдается несколько писателей, но не особенно самостоятельных: Амвросий Медиоланский, богослов, оратор, митрополит, замечательный администратор, но не самостоятельный писатель, подра-

жатель восточных писателей; Навлинъ Коланскій, церковной поэтъ; переводникъ исторіи Евсевія Фуфринъ и особенно Геронимъ. (Августинъ и Геронимъ стоятъ во главѣ западной церковной мысли. Но Геронимъ болѣе образованъ, болѣе знакомъ съ церковной исторіей.) Онъ родился въ Далмаціи, много путешествовалъ, участвовалъ во многихъ важныхъ релігіозныхъ вопросахъ того времени. Главнѣйшій его трудъ, латинскій переводъ Библии, такъ называемая „Вульгата“, написанъ хорошимъ языкомъ, но вовсе не боговдохновенный, какъ это утверждаетъ католическая церковь. — Онъ также написалъ много толкованій Св. Писаній. Но историческое значение имеютъ его полемическія сочиненія противъ либераловъ западной мысли того времени: Теллвидія, Ювеніана, Вигимяція. Его письма, очень многочисленныя, даютъ хорошій матеріалъ для характеристики общественнаго состоянія тогдашняго запада, какъ письма Влатоцета — для востока. Но у Влатоцета все въ мѣру, все спокойно и разумно; западный же писатель, при развитіи нравственныхъ идеаловъ христіанства доходитъ часто до утрировки, риторики, преувеличеній. Герониму же принадлежитъ первый опытъ христіанской библиографіи: „Каталогъ церковныхъ писателей“ (*Catalogus scriptorum ecclesiasticorum sive de vivis illustribus*). Онъ хочетъ тутъ устранить упреки, будто христіанство подарвало научное развитіе общества. Онъ говоритъ, что христіанство еще очень молодо, чтобы его литература могла сравниться съ языческой; однако у христіанъ есть писатели, написавшіе очень цѣпныя сочиненія. И онъ начинаетъ перечислять этихъ писателей отъ времени апостольскаго до конца IV вѣка. Всего 135 писателей. Въ самомъ концѣ онъ перечисляетъ свои произведенія. Это краткій, сухой перечень, безъ изложенія содержаній, безъ оцѣнки. Но всетаки онъ имеетъ значеніе какъ самый древній памятникъ христіанской библиографіи. Каталогъ — это не то, что Библиотека Фотія, но онъ гораздо древнѣе. На русскій языкъ переведенъ въ Трудяхъ Киевской Духовной Академіи.

Затѣмъ изъ V-VI в. писателями являются римскіе папы: Инокентій I, Левъ I, Геласій, Григорій Великій (Двоесловъ). Декреты и письма первыхъ трехъ имеютъ важное историческое значеніе. А Григорій Великій написалъ „Диалогъ о жизни италийскихъ подвижниковъ“, за что и прозванъ Диалогистомъ, или Двоесловомъ. Это

сочинение важно в том отношении, что приводит много народных легенд о святых. Этого пока неизвестно также, как устройство западно-церковного богослужения.

с) Литература Галликанской церкви.

Третья отрасль западной христианской литературы — Галльская, или Галликанская. Она имеет особое направление, ибо церковь галликанская основана была во II в. в. в. макозийскими миссионерами и сохранила большую близость к греческой церкви. Эта литература занимает средину между латинской и греческой.

Вот выдающиеся писатели этой литературы: во IV в. — Иларион Пастырский, писавший сочинения против ариан, но не особенно самостоятельные; во V — Проспер Аквитанский, Аполлинарий Сидоний, писавший письма, которые очень важны для характеристики тогдашнего общества*; аскетов Мартина Турский и Тоанна Касьяна, положившие начало монашеству в Галлии; наконец, Викентий Лиринский. Во своем сочинении Соттиториум, он касается весьма важного вопроса о церковном развитии: что считать во христианстве неизменным и что подлежащим развитию. Это касается еще Ириней, но он считал неизменным все то, что основано на предании. Это слишком общий ответ. Викентий же утверждает, что во христианстве должно признавать основным, вечным, все то, что всегда во все времена и всеми было признаваемо. Этой формулы держались потом почти все богословы, и средневековые и нового времени.

Упомянем еще о Теннадии Марсельском, продолжавшем исторические сочинения Теронима, Руфина и др.

К Галликанской литературе примыкает испанская.

б) Христианская литература в Испании.

В Испании, до владычества Вест-готов, была довольно развитая церковь, имевшая свою литературу.

Упомянем Иродия, замечательного историка, Приденция, Исидора

* См. монографию профес. Шмелева.

вавшего подвиги мучеников, а уже позднейшим — Исидора (VII) Севильского (Севильского), положившего начало, вместе с Дионисием Малой, каноническим сборникам на западе. Но в IX в. его сборник папских декретов (декреталий) был искажен и только часть его принадлежит Исидору.

Средневековые материалы для западной церковной историографии.

Во вступительной лекции мы говорили о древнейшей латинской церковной литературе, с III до VII вв. Большое значение, сравнительно с греческой литературой, она не имеет для христианского богословия, а только больше для церковной истории, за исключением некоторых писателей карфагенской, итальянской, галликанской и испанской церкви.

Еще менее значения имеет литература средневековая, схоластическая, церковная литература с VII—XV вв. Ее произведения занимают у Мigne до 200 т.; но немногие из этой огромной массы имеют историческое значение. Все эти писания „херувимские“, „серафимские“, „божественные“, „непреодолимые“ средневековых докторов имеют весьма скромное значение для общего христианского богословия, еще меньше для церковной истории, так как в Средние Века ею занимались до крайности слабо.

Наибольшее историческое значение имеют в Средние Века памятники канонические; папские распоряжения (буллы), постановления и самые акты средневековых соборов — Лионского, Латеранского, Констанского, Фазельского. Соборы и их съезды Магистер. Имеют историческое значение и так наз. сборники западного канонического права; *corpus juris canonici*. Начало их положено в VI—VII вв. Первые собрания принадлежат уже упомянутым Дионисию Малому и Исидору Севильскому. Затем известны Аске-Исидоровы Декреталии (IX в.), в которых, наряду с подлинными каноническими актами, много подделок. В XII в. монах Грациан составил *Decretum Gratiani*. В XIII—XIV вв. папа Григорий IX издал 5 канонических книг (*Libri Quinti*), а затем еще *Libri Sextus*; папа Климент V составил *Clementina*. В XV—XVI вв. к ним присоединились позднейшие канонические акты.

нических постановлений, такъ наз. Extravagantia.

Эти сборники и составляютъ corpus iuris canonici на Западе. Такъ какъ тамъ каноническое развитіе было выдающейся старинной церковной жизни, то и изученіе средневѣковыхъ каноническихъ памятниковъ запада имѣетъ большое значеніе для исторіи.

Также имѣютъ значеніе переписки папъ съ государями, разные дипломатическія депешы римскаго двора и т.д. Это цѣнный, но еще недостаточно разработанный матеріалъ. Въ Ватиканской библіотекѣ болѣе 2000 рукописныхъ кодексовъ подобнаго рода. Имъ недавно воспользовался отчасти Pertz для своей германской исторіи и набралъ подобныя акты болѣе, чѣмъ на 20 книгъ.

Бавными образцы, важный историческій интересъ представляютъ акты, записи разныхъ монашескихъ западныхъ орденовъ. Особенно много такого матеріала находится въ бенедиктинскихъ и иезуитскихъ монастыряхъ, но онъ мало разработанъ.

Во всякомъ случаѣ, средневѣковая западная письменность представляетъ лишь матеріалъ для исторіи, болѣе или менѣе цѣнный; обработка же этого матеріала въ Средніе Вѣка совершенно не встрѣчается.

Западная церковная историографія XVI-XVII вѣка.

Собственно разработка церковно-историческаго матеріала началась на западѣ лишь въ XVI вѣкѣ. XVI вѣкъ представляетъ новую эпоху въ развитіи нашей науки. Новое научное движеніе (гуманистическое) коснулось и церковной исторіи.

Уже въ концѣ XV в. началъ пробуждаться интересъ къ церковно-историческимъ памятникамъ. Съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія стали издаваться тексты Св. Писанія, Твореній Отцовъ Церкви; появились нѣкоторые слабыя, еще очень первичныя попытки церковно-исторической критики.

Большій толчекъ все это получило въ XVI в., съ возникновеніемъ протестантизма. Когда начались споры между протестантами и католиками, то тѣ и другіе стали искать для себя опоры на историческую почву. Протестанты упрекали католиковъ въ искаженіи древняго церковнаго преданія, средневѣковыми вымыслами. Католики, напротивъ, упрекали протестантовъ въ отступленіи отъ

древняго преданія. Там и другіе указывали на идеалы древней церкви, древне-церковныя преданія. Необходимо, поэтому, было стать на историческую почву. Но эта необходимость не была сознана сразу. Первые споры мало обращали вниманія на историческіе факты; они вращались на ствлеченной, догматической почвѣ. Впрочемъ, уже и тогда указывались иногда историческіе факты. Но цѣльскаго изложенія христіанской исторіи еще не было въ первой половинѣ XVI вѣка.

Магдебургскія центурии.

Подобная попытка является лишь во вторую половину XVI вѣка. Сперва выступают протестантскіе ученые. Въ 1552 г. магдебургскій ученый Матввій Фрацій Иммерикъ, протестантъ, собралъ цѣлое общество ученыхъ для изслѣдованія церковной исторіи. Это общество пользовалось покровительствомъ протестантскихъ нѣмецкихъ князей. Ученые отправившись по разнымъ странамъ для осмотра архивовъ, библиотекъ, въ которыхъ находились важныя церковныя памятники. Затѣмъ эти ученые рѣшили свести и обработать этотъ собранный матеріалъ, но постепенно, шагъ за шагомъ объясняя эти памятники. Работа началась во вѣкахъ. А затѣмъ, чтобы работа шла скорѣе, успешнѣе, они раздѣлили этотъ матеріалъ по рубрикамъ, на которыя можно было разложить церковно-историческіе факты. Напр., первая рубрика указывала географическое положеніе церкви въ извѣстномъ вѣкѣ; вторая — распространеніе церкви въ новыя мѣста; третья — препятствія, встрѣченныя при распространеніи христіанства; далее — внутреннее состояніе церкви: обряды, учители церкви, соборы и т.д. Всего рубрикъ было 16. Последняя заключала расколы, ереси, которые рассматривались какъ нечто стоящее вне церкви, какъ дополненіе церковной жизни; поэтому и помѣщались въ послѣдней рубрицѣ.

Такимъ образомъ раздѣливъ церковно-историческій матеріалъ, эти ученые стали издавать обзорныя церковной исторіи. Изданіе это продолжалось 15 лѣтъ, съ 1559—1574 г. Издано 13 частей, въ которыхъ обзорны XVIII вѣковъ христіанской жизни. Такъ составились Centuriae Magdeburgenses. Это первая замѣтательная церковная исторія во новыя вѣка.

Трудъ этотъ, конечно, имѣетъ свои недостатки. Во-первыхъ, неполнота. Церк. Исторіографія. . лит. Александровской. Мѣсяцъ 9-й.

ката источниковъ; обращено внимание лишь на первые появившиеся под руку материалы. Затѣмъ, трудъ этотъ предпринятъ не съ чисто научно-исторической цѣлью, а главнымъ образомъ съ полемической. Составители этихъ цѣнтуръ искали факты для обвиненія католицизма и оправданія протестантизма. Следовательно, трудъ этотъ тенденціозный, односторонній, пристрастный. Методъ ихъ былъ самый примитивный. Это только подборъ фактовъ съ предвзвѣтой точки зрѣнія. Само раздѣленіе церковно-историческихъ фактовъ по вѣткамъ представляетъ свои неудобства. Не всегда известное историческое событіе можно уложить въ рамки только одного вѣтца. Еще болѣе неудобно изложеніе церковно-историческаго материала по отдѣльнымъ рубрикамъ. Не въ каждомъ вѣтцѣ можно наполнить все рубрики. Отсюда являютя натяжки, стремленіе наполнить известными отъѣзлами мечами, за недостаткомъ болѣе важнаго материала. Затѣмъ, иногда въ разныхъ рубрикахъ, по необходимости, являетя повтореніе одного и того же, совпаденіе содержанія, какъ то: о рубрикахъ, напр. объ ученіи, учителяхъ, соборахъ, епископахъ и т.д. Такая раскладка материала могла быть полезна лишь какъ справочное пособіе. Излагать же такимъ образомъ исторію - это значитъ разрывать живую жизнь механически, по кускамъ.

Но Цѣнтуръ имеютъ также свое значеніе. Они возбуждали церковно-историческое сознаніе, побуждали ученыхъ къ разработкѣ церковно-историческихъ фактовъ. Католики должны были выступить въ оппозицію этому труду, протестанты - поправить его. Поэтому Цѣнтуръ имеютъ болѣе историческое значеніе. Послѣ ихъ переработалъ и сократилъ протестантскій ученый Лука Озіандеръ.

Католики на первыхъ порахъ были озадачены этимъ колоссальнымъ опроверженіемъ католицизма. Они считали Малдебургскія Цѣнтуръ самымъ опаснымъ произведеніемъ и называли ихъ Цѣнтурными Сатанами. Однако, они скоро выступили въ борьбу съ протестантизмомъ на церковно-исторической почвѣ.

Католическая церковная историографія XVI-XVII вв.

Уже въ 70-хъ годахъ XVI в. неаполитанскій монахъ Бароній задался цѣлью представить церковную исторію съ католической точки зрѣнія,

для опровержения протестантизма. Он шел почти шаг за шагом вперед за Мадебургскими Центуриями, разбирая по вѣткамъ и по рубрикамъ, съ той только разницей, что тутъ работалъ не нѣсколько рукъ, а одинъ Бароний. 30 лѣтъ работалъ онъ и составилъ произведение болѣе значительное, нежели Мадебургскія Центурии. За это данъ ему кардинальскій санъ. Его произведение обнимаетъ XII вѣковую христіанскую исторію, т.е. нѣсколько меньшій періодъ, нежели Центурии.

Но трудъ Баронія стоитъ выше Мадебургскихъ Центурій. Во первыхъ, матеріалъ полнѣе; собрано много новыхъ памятниковъ. Вторыхъ, болѣе осторожное отношеніе къ дѣлу. Правда, у Баронія чуть тоже полемическая, но она искусно замаскирована. Конечно, онъ часто оправдываетъ тѣ факты, которые Центурии ставятъ въ упрекъ папству. Напр., когда дѣло касается X вѣка, самой позорной эпохи папства, эпохи порнократіи и симоніи, онъ находитъ, что нельзя закрывать глаза на эти стороны папской исторіи; но тѣмъ то, по мнѣнію Баронія, и велико папство, что хотя отдѣльные моменты папъ являются очень темными, позорными, однако папство всетаки устойчиво, имѣло великое значеніе на исторію. - При изложеніи документовъ, Бароній нередко обнаруживаетъ подтѣлки, вводитъ въ историческую критику, хотя самъ иногда ссылается на весьма сомнительные документы. Но во всякомъ случаѣ, это былъ болѣе значительный трудъ, нежели Центурии.

Католики были очень обрадованы этому труду. После Баронія новые католическіе ученые продолжали его по дальнейшимъ вѣткамъ. Наконецъ, въ римской церкви постановлено, чтобы черезъ каждые 25 лѣтъ поручать какому-нибудь ученому писать продолженіе этой исторіи, что дѣлается и до нашихъ дней. Изъ прежнихъ продолжателей Баронія назовемъ Гейнальта, Бюовія, Спанзана; послѣднимъ былъ ватиканскій бібліотекаръ, ученый Мейкеръ.

Такимъ образомъ, этотъ трудъ получилъ важное значеніе, особенно въ римской церкви. Въ передѣлкахъ, переводахъ, сокращеніяхъ, онъ появился и въ протестантскихъ странахъ, и въ православныхъ. У насъ есть даже переводъ Баронія, по повелѣнію Петра В., съ сокращеннаго польскаго изданія.

Вотъ два главныхъ церковно-историческихъ труда, появившихся еще подъ конецъ XVI в. Въ этихъ трудахъ выразилась новая обработка

церковно-исторический фактов. Уже в самом начале разработка церковной истории получила не научный, а втраисповедный характер, так как факты этой истории близки касаются втраисповедных вопросов. Каждый ученый, в использовании церковно-исторических фактов, являлся в своей тенденциозной точке зрения. Поэтому и до сей эта наука не может стать на твердую, вполне объективную точку зрения. Поэтому-то только странам, которые мало сдвинули своего в церковной истории, нельзя остановиться на трудах западных ученых; ибо все они имеют свои интересы, тенденции, носят характер известного направления или втраивания.

Сначала на западе эта разработка пошла в два направлениях, католическом и протестантском. Но это слишком обще. В развитии религиозной жизни, там стали появляться различные религиозные направления, как в протестантизме, так и в католицизме.

Католицизм, не смотря на свое стремление к единству, далеко не одинаков в различных западных странах. Еще в XVII в. в нем стало высказываться 2 направления: итальянское (ультрамонтанское) и галликанское (ультеранное). Первое направление отличается крайними взглядами; оно развивает идеи папского абсолютизма, непогрешимости, строгого церковного единства. Второе же направление старается ограничить, сдерживать папский абсолютизм, отстаивать против него права местных, национальных церквей; в столкновениях папства с государственной властью, оно принимает сторону последней. В XVIII в. главными представителями этих двух направлений в Европе являются Бенедиктин и Бассозетт. Конечно эти направления нельзя приурочить к известному месту. Только по преимуществу одно направление развивается в Риме, итальянскими учеными, а другое во Франции.

Вот эти 2 главных направления сперва сказались в местной, теоретической богословской области, а затем уже в церковно-исторических трудах. Караньи были первым представителем ультрамонтанства в этой последней области. Но в XVII в. являлся больше замечательные труды по ультеранному направлению. Во 2ой половине XVIII в. еп. Венсенский Годо написал на французском языке историю первых семи втраиваний христианства. - В 70-80ых год. появляется огромное издание французского ученого Катамиса, опи-

савиного въ огромныхъ 24 томахъ исторію первыхъ 16-ти вѣковъ хри-
стіанства. Написана она кратко, сухо, очень схоластически, растяну-
то. Но въ ней много матеріала, и она довольно безпристрастна. Нама-
лись далеко не питаютъ такой преданности къ папству, какъ Тра-
панин; онъ отстаиваетъ западныхъ государей, борющихся съ папами
въ XI—XII вв., а также западные соборы XV в., старавшіеся ограничить
папскій абсолютизмъ. Поэтому въ Италіи недоброжелательно посматри-
ли на этотъ трудъ; онъ былъ запрещенъ папскою цензурою, внесенъ
въ Index librorum prohibitorum.

Съ 90-хъ годовъ XVII в. до 20-хъ XVIII в. издавалась церковная исторія аб.
Клода Флёрри, духовника Людовика XV. Она замѣчательна по болѣе
осмысленному и безпристрастному изложенію историческихъ фак-
товъ. Правда, онъ излагаетъ еще по вѣкамъ; но въ началѣ cadaго
вѣка представленъ общій характеристическій обзоръ. Обращено вниманіе не
на одну только внѣшнюю сторону церковной жизни, но и на развитіе
нравственной жизни христіанскаго общества. Изложеніе складное,
взглядъ безпристрастный, благородный.

Къ этимъ тремъ церковнымъ историкамъ примыкаетъ и из-
датель общаго политическаго исторіи, но съ релігіозной точки зрѣ-
нія, Бассэзъ, извѣстный богословъ, проповѣдникъ и защитникъ
правъ галликанской церкви противъ папства. Общій мнѣніе его и
теорія та, что Промыселъ Божій управляетъ судьбами царствъ и
народовъ. — Это краткая книжка, написанная прекраснымъ языкомъ.

Затѣмъ, во 2-ю половину XVIII в. явилось новое направление въ като-
лицизмъ, такъ сказать, побочное. А именно, возгорѣлся споръ по по-
воду удачной въ то время книги умершаго еп. Аксенія, озаглавлен-
ной „Бл. Августинъ“. Она была направлена противъ нравовъ иезуит-
ской морали и, по настоянію иезуитовъ, запрещена папой. Но все-
таки она имѣла многоисленныхъ почитателей. Близъ Париза, въ
монастырѣ Поррозиль, образовалось общество аксенистовъ, къ кото-
рому примкнули, между прочимъ, извѣстный математикъ и
философъ Паскаль. Отношенія этого общества къ Риму были довол-
но неопредѣленные. Оно не хотѣло отдѣлится отъ церкви; аксе-
нисты считали себя католиками, папа же отвергалъ ихъ.

Это общество выставило въ XVIII в. нѣсколько даровитыхъ ученыхъ
Себастьянъ Мильмонъ. Онъ былъ французскій дворянинъ. Церков.

ной историей онъ занимался изъ любви къ наукѣ. Всю свою жизнь онъ провелъ въ уединеніи и скромности. Онъ далеко былъ отъ того, чтобы что-нибудь писать или печатать. Уже друзья убѣдили его не оставлять подлѣ спудовъ своихъ громадныя знанія и труды. Онъ написалъ нѣско-ко изсѣдованій по Церковной Исторіи. Онъ началъ писать Мемуа-ры по Церковной Исторіи, обнимающія первые шесть вѣковъ: онъ оста-новился на первомъ десятилѣтіи VI в. Въ этихъ Мемуарахъ находит-ся чрезвычайно много важныхъ и интересныхъ изсѣдованій по исто-ріи христіанства. Здѣсь затронуты самыя различныя стороны; но преимущественно онъ занимается литературой, т.е. сочиненіями христіанскихъ писателей первыхъ пяти вѣковъ. — Трудъ этотъ отличает-ся необыкновенной объективностью и безпристрастіемъ. Спорные вопросы онъ отъзывается чрезвычайно скромно и остро-рожно. Личныя сужденія онъ высказываетъ очень мало и даже уклоня-ется разсказать этою своими словами, онъ большей частью дѣлаетъ извлечения и разсказываетъ языкомъ самихъ памятниковъ. Поэтому трудъ этотъ имѣетъ мозаичный характеръ. Но все-таки онъ имѣ-етъ внутреннее единство и получаетъ характеръ сложнаго и цѣль-наго изложенія. При всей скромности Мильмона въ немъ обнаружи-вается такая цѣль, онъ иногда высказываетъ такіе критическіе за-мѣчанія, съ которыми наука считалась и до настоящаго времени. Миль-монъ слишкомъ далеко опередилъ своихъ современниковъ. Онъ разъясняетъ такіе вопросы, которые затронуты уже въ XVIII и кончили-ся столѣтіи.

Такимъ образомъ видно, какъ далеко впередъ шагнула католиче-ская наука въ XVII в. До половины XVIII в. у нихъ не было никакой крити-ки. Но когда начала разрабатываться наука у протестантовъ, то ка-толики шли неизмѣримо далеко впередъ сравнительно съ ними. Ка-толическіе ученые XVII и XVIII вв. представили такіе громадныя науч-ныя работы, на которыя съ уваженіемъ и поборжаніемъ должно ссылаться и наше время. Эти работы выражаются не только въ составленіи цѣльныхъ и полныхъ изложеній, но вѣдь съ тѣмъ въ созданіи множества частныхъ отраслей при разработкѣ Церков-ной Исторіи, во множествѣ частныхъ изсѣдованій, оказавшихъ услу-гу въ изданіи памятниковъ, изданіи не послѣднимъ и не случайнымъ, но показывающимъ ученость и имѣющимъ громадную научную

цужность. Съ XVII в. начали обрабатывать частные стороны Церковной истории. Здесь выступил известный Иезуитский орден, который не одними интригами старался противодействовать протестантизму, но явился во всеоружии учености. Первыми учеными были иезуиты. Как так много, что невозможно перечислить всего наиболее знаменитых между ними.

Иезуит Сермонтъ въ началѣ XVII в. положилъ начало изысканиямъ по исторіи древнѣхъ христіанскихъ соборовъ. И до него были попытки въ этомъ отношеніи, но неудачныя. Сермонтъ выбиралъ изъ Ватиканской библіотеки относящіяся къ этому вопросу рукописи и издавалъ ихъ съ греческимъ подлинникомъ и переводомъ на латинскій языкъ. Изданіе это имѣетъ чисто ученый характеръ. Предъ изданіемъ актовъ какого-нибудь собора Сермонтъ предпринимаетъ ученое изысканіе, касающееся исторіи этого собора. Такимъ образомъ положилъ начало изданію этихъ важнейшихъ историческихъ памятниковъ, такъ называемыхъ Актовъ и Правилъ Соборныхъ. - Въ XVIII в. Биний и Лаббей издали десять томовъ Соборныхъ Актовъ. Коссартъ и Балузъ послѣ нихъ продолжали это дѣло, такъ что издали 17 томовъ. Парижскій иезуитъ Гардуинъ издалъ Acta Conciliorum, Лукскій епископъ Манси издалъ ихъ уже въ 31^{омъ} книгѣ. - Изданія эти имѣютъ чрезвычайную важность для Церковной Исторіи.

Дионисій Петарій положилъ начало такъ называемой исторіи догматовъ. До него этотъ вопросъ разсматривали болѣею частью по методу схоластическому; брали известное положеніе, развивали его, совершенно не обращая вниманія на историческія основы. Прежде не приводили цитатъ изъ Свящ. Писанія. Дионисій Петарій начинаетъ приводить тексты изъ Свящ. Писанія и обосновываетъ догматическое ученіе на исторической почвѣ. Онъ написалъ сочиненіе: De theologi dogmatibus. Въ немъ очень много свидѣтельствъ изъ Св. Писанія, изъ Отцовъ и Учителей Церкви, Соборовъ, - въ этомъ сочиненіи Петарій обнаружилъ чрезвычайную начитанность. Этотъ трудъ, поставившій догматику на историческую почву, имѣетъ такую научную цѣнность, что имъ пользуются и протестанты.

Католики же обратили серьезное вниманіе на изученіе нашей Восточной Церкви, т. е. Греческой и Русской, - вообще на изученіе Христіанскаго Востока. Начало изученію памятниковъ по исторіи Восточной

Церкви положено в Римской камере пропандеае fidei, основанной папой Григорием XIII. В этой камере приготавливались миссионеры для всех стран света и для обращений в католичество из всех земель, где, между прочим, приготавливались миссионеры и для тех христианских стран, которые не были в союзе с Римской Церковью. Учреждена была особая камера Св. Анастасия для обучения Греков, поляков, Русских для воспитания их в католичестве, именно в украинском духе. Здесь образовалось много замечательных ученых, которые по возвращении на родину начинали проповедывать католичество. Много таких ученых появилось в Польше, в юго-западной России. Другие отправлялись на родину и на месте начинали излагать памятники, но с фальшивой целью, с целью католической пропаганды. Заключительные из них: Петръ Архидиаконъ, Майнбургъ и Левъ Амилаций. Они проводили ту мысль, что будто бы Восточная Церковь находилась прежде в союзе с Римской, признавала господство Римского папы, но по некоторым причинам в роду Фотия патриарха Константинопольского или Московского митрополита Тоны воспротивились этому и вот почему произошло отделение Восточной Церкви от союза с Римской. Но на самом деле эта церковь продолжает будто бы исповедывать те же догматы, что и Римская Церковь, продолжает признавать главенство папы, что доказывали только, что и доселе в Восточной Церкви есть восхваляемый Римский папа. В самом деле у нас есть службы по которым папам Римским, жившим до разделения церквей и признаваемым святыми. Заключительное сочинение: De reuerentia consentione ecclesiarum, т.е. о постоенном согласии Восточной и Западной церквей. Эта мысль не оставлена и до настоящего времени и проводилась в Русской литературе Русскими рекатами: Гагаринским, Мартыновским и в позднейшее время Влад. Соловьевым.

Но не ограничиваясь этим они начали издавать памятники — в конце XVI в. и начале XVII. Самый ученый из них Левъ Амилаций написал до 40 изъяснений, и все с своей точки зрения, т.е. доказывал ту мысль, что прежде Восточная Церковь признавала свою зависимость от Римского папы. Самое капитальное сочинение его: Graeciae Orthodoxae Scriptores, — издание, в котором приводятся греческие писатели, выразившие склонность к латинству. В XVII в. во времена

Лионского собора и во XV в. во времена Флорентийского и некоторых греческих писателей старались поддаваться под дух папизма и искажать расположение Византийского Императорского Двора; а может быть и искренне желали содействовать соединению Церквей. Эти писатели: Иоанн Векжъ, Никифоро Влеминидъ, Константино Мелитиниотъ, Иоанн Калъка, Виссаріонъ Никейскій, Исидоръ митрополитъ Русскій и приводятся въ этомъ изданіи; приводятся сохранившіяся письма. Вотъ за изданіе ихъ и принялись католическіе ученые.

Но и сами католическіе ученые признали, что это направление фальшивое, что издатели ложно, тенденціозно перетолковываютъ памятники, фальсифицируютъ ихъ, поддавливаютъ и т.д. Въ XVII в. явились болѣе безпристрастные изслѣдователи Христ. Востока, напр. Боаръ издалъ Въходъ Восточной Церкви, т.е. описание ея богослужбныхъ обрядовъ. Они принялись за изученіе памятниковъ, сочиненій церковныхъ и политическихъ историковъ, такъ называемыхъ Византийскихъ хронографовъ. Эти ученые: Вольтеръ, Скамперъ, Ламбезій стали издавать эти памятники, такъ что въ XVII в. явилось Венеціанское изданіе. Затѣмъ явилось большое изданіе, сдѣланное Нибуромъ: „Собраніе Византийцевъ“. Самое замѣчательное изданіе представляетъ изъ себя „Греческій Словарь“ французскаго ученаго Дюканша. Этотъ словарь содержитъ не только значеніе словъ и ихъ филологическое объясненіе, но и реальныя свѣдѣнія. Бандурий написалъ Imper. Oriental. Lexicon: Oriens Christianus, въ которомъ содержится описаніе 4^{хъ} Восточныхъ патриаршествахъ. Въ XVIII в. французскій ученый Лебо составилъ самую полную исторію Византии. Такими образомъ очень много ученыхъ занимались исторіею Восточной Церкви. Но подѣ концу XVIII в. и въ началѣ XIX в. это изученіе значительно упало и болѣе всего упало въ наше время. Ученый Мюллеръ заявилъ о настоятельной необходимости затѣ переиздать Словарь Дюканша, но это заявленіе не поддѣствовало, и этотъ Словарь сдѣланъ теперь библиографическою рѣдкостью.

Кромѣ того стали образовываться общества для изслѣдованія сектскихъ обществъ на Востоку: Моноизмитовъ, Сирскіе Маронитовъ и др. Римское правительство постаралось и эти секты

привлекать к себе. Кроме Греков, Поляков в Италии в XVII и XVIII в. явились знаменитые ученые и из среды Сирийских Маронитов: Ренодо и Ассемани. Они написали свои изыскания, касающиеся Сирийских памятников, Яковитов. Они издали много памятников не только Сирийских, но и вообще памятников Христ. Востока, в особенности они издавали Восточную литургию. Ассемани издали собрание литургий всего света. Эти издания и теперь считаются самыми важными при изучении истории Христ. Востока.

К этим коллегиям присоединилась коллегия Аримяно-учитская. Основали монастырь Св. Лазаря, где образовалось ученое общество под названием Мелитарист. С 18го в. и далее затем они начали издавать памятники древне-аримянской литературы. Эти памятники очень важны для изучения Востока.

Вот те ученые общества, которые образовались в Италии под влиянием Иезуитов и которые имели громадное влияние на изучение Востока.

Из среды Иезуитской науки нужно еще упомянуть об одном самом громадном предприятии, начало которому положили в половине XVII в. Голландский иезуит Росвейде. Он составил план издать жизнеописание святых всего христианского мира. Он составил несколько жизнеописаний чисто научного характера, т.е. представил не легенды, а чисто исторические, критические данные в сочинении Vitae Sanctorum и начал издавать Календарь. Иезуит Болланд, ученик Росвейды, стал приводить это дело в систему, составил ассоциацию для составления жизнеописаний, разсылая членов общества по всему свету, писал письма изыскания, предисловия; издавал слова, речи, проповеди святых, издавал похвальные слова в честь святых и присоединял их к своему изданию. Это громаднейшее, ученейшее издание, которое длилось около полутора столетий (с 1644 г. по 1789го); оно называется Acta Sanctorum и представляет из себя богатейший материал по Церковной истории. Это дело велось в Антверпене; в 80ых годах прошлого оно прекратилось. - Славь Иезуитского ордена стали завидовать другие католические ордена. Когда наступили революционные волнения, неблагоприятные вообще никакому изучению, то это издание прекратилось на 14ое октября. Издано было 53 громадных фолианта. - С 40ых годов нынче началось это изда-

ние возобновлено было в Брюсселе и издано было еще 7 томов с 15го по 22ое Октября. Командисты ведут жизнеописания по месяцам и числам. Издание увеличилось настолько, что описание жизни Святого, приходящее в один день, заключает в одном томе том! Позднейшие томы не имеют такого достоинства как первые, обработанные Командистами. Движением и др. Все это ведется через или в среде Иезуитов или Армяно-учитов, Сиро-учитов, Греко-учитов и др.

Протестантская церковная историография XVII-XVIII в.

Протестантская наука церковной истории до половины XVIII в. не могла сравниться с католической, ни по самостоятельным изысканиям, ни по изданиям древних христианских памятников. Протестантство только на первых порах показало научное возбуждение, выразившееся в церковно-исторической области, появлением „Магдебургских цензур“. Но затем уже к 150, наука богословская и церковно-историческая в протестантстве падает и самый религиозный интерес ослабевает. Вместо изысканий фактов церковной истории и разъяснений основных догматов, протестантские ученые вдаются в полемику между собой и посвящают свои занятия на разные мелочи и ненужные разноглагольствия, так что в XVII в. протестантская наука становится бесплодной, сухой, схоластической, подобно католической до XVI в. Только одна богословская отрасль более успешно разрабатывается протестантами. Это - изучение Св. Писания, так как Библия положена в основу их верований. У них создается, поэтому, библейская критика и библейская филология. В этой области и в XVII и в XVIII вв. у них явились важные сочинения.

В церковной историографии протестанты долго довольствовались только Магдебургскими Цензурами. Потом, в XVII в. явились еще несколько произведений по церковной истории, стоящих, впрочем, гораздо ниже католических. Швейцарский реформатор Петтингер написал в роду подражания Магдебургским Цензурам. Затем, уже ко второй половине XVII в. относятся произведения голландских протестантов: Спангейма (Витта Historiae Ecclesiae) и Вассона. Эти сочинения важны, главн. обр., в том смысле, где критикуют „Анналы“ Барония.

В самом конце XVII в., в 1699 г., является довольно выдающееся и оригинальное произведение по церковной истории в среде протестантизма, но не между главными его отраслями: оно выходит из одного частного, побочного направления в протестантизм, известного под именем пиецизма. Это — "Безпристрастная история церкви и ересей" Готтфрида Арнольда. Это первое сочинение по церковной истории на немецком языке; до него и даже после него (в 18 веке писали на латинском языке). Затем, это сочинение замечательно по своим оригинальным взглядам и приемам. В нем выразился дух пиецизма.

Это направление в протестантизм основано двумя известными богословами того времени, Шпенером и Франком, в виде реакции господствующему схоластическому богословию. Тогда протестантские богословы вдавались в пустое резонерство; большая часть сочинений посвящалась разработке разницы мелких разногласий между лютеранами и реформатами. Эти сухие разглагольствования на схоластические темы, наконец, надоели всем. Поэтому некоторые для оживления религиозного чувства стали выдвигать на первый план нравственную сущность христианства и стали составлять отдельные религиозные собрания, собеседования, которые называются *Colloquia pietatis*. (Отсюда и название "пиецисты".) Здесь старались возбудить религиозное чувства чтением Библии и взаимными наставлениями. Но это общество впало в ошибки. Оно старалось доводить свои благочестивые стремления до крайности, до слепых проявлений. Затем, оно обратило внимание исключительно на нравственную сторону христианства, с пренебрежением относясь к догматической. Поэтому на это общество его противники стали смотреть недоброжелливо и неприязненно, насмехались над его крайними благочестивыми тенденциями, а затем стали преследовать пиецистов. Тогда среди последних стала обнаруживаться особая тенденция; они стали сочувствовать всем преследуемым направлениям и сектам. Это отразилось и в труде Арнольда.

В своей истории, состоящей из 4 частей, он задается целью обозреть не столько внешнюю, сколько внутреннюю, нравственную сторону церковной жизни. Он ввел в изложение фактов теплые чувства. Затем, до него история ересей излагалась до крайности поверх-

ности, небрежно. Она редко бывала предметом самостоятельного исследования. Происхождение ересей объяснялось случайными причинами. Личности основателей разных сект, нравственная жизнь этих сект, у протестантских писателей изображались в самом темном виде. Самое учение сектантское представлялось отрывочно, безсвязно, неточно. Б. Арнольд решился дать этому делу другую постановку. Его заслуга та, что он первый занялся более серьезно вопросом о происхождении сект, доказывая, что они образовались не случайно, не по каким-нибудь частным, личным интересам, а явились большей частью реакцией одностороннему направлению в самой церковной жизни и науке. Но насколько протестантские историки осуждали секты, настолько Арнольд впадал в противоположную крайность. Как протестантские историки старались представить основателей сект интриганам, честолюбцам, так Арнольд выставляет их людьми сильными, благородными, свободомыслящими, с особым недовольством отзывается о преследованиях сектантов со стороны церкви. Но в этой тенденции выразилась несомненная крайность. Нельзя всяких основателей сект представлять гениями, героями; некоторые из них к образованию сект побуждали известными интригами, честолюбивые планы. Кевтрно и то, что еретики были всегда гонимыми, а церковь гонительницей. В древней церкви, иногда отношение между господствующей церковью и сектами было обратное. Церковь, напр., преследовала: в IV в. ариане, в V-VI монофизиты, в VIII-IX иконоборцы. Итак, это направление, заведенное Арнольдом, во всяком случае, новое, оригинальное, впадает в крайность, но главная заслуга Арнольда в том, что он дал новую постановку сектантскому вопросу.

Этот труд, как уже сказано, относится к самому концу XVII в. В первую половину XVIII века значительных церковно-исторических трудов в протестантстве не появилось. Но во вторую половину является важный труд Мозейма: "Руководство к церковной истории" (*Institutiones Historiae Ecclesiae*). Это сочинение написано на латинском языке, но потом переведено на немецкий. Оно написано отчасти на старых схоластических началах, с разделением церковной жизни по веткам, на разные рубрики. Но за этими схоластическими приемами оказалась новая душа, новое научное воззрение, которое стало с этого времени характеризовать новое церковное раз-

витие протестантизма. Это — более спокойное, объективное и глубокое изучение церковно-исторических фактов. Претские историки рассматривали события церковной жизни пристрастно; Мозеймоль — же рассматривает их безпристрастно, хотя, конечно, отдает предпочтение своему происхождению. Но он безпристрастно относится к средневековой католической истории и признает вообще положительные стороны ее развития. Таким образом, по изучению фактов эта история представляет значительный шаг вперед.

Затем, во второй половине XVIII в., явилась еще несколько протестантских церковных историй, а именно: Торарфа и Баумгартена. Но в их произведениях спокойное объективное направление, высказанное Мозеймоль, переходит в холодное, равнодушное отношение к фактам.

В конце XVIII в. явилась законченная уже в XIX в. история Шрекка (Зсческ). Это самая обширная церковная история, состоящая из 45 томов. Она довольно объективна, но не глубока, поверхностна. В сущности, это свод, компиляция из предшествовавших историй. Но Шрекк обратил большое внимание на мало изученные стороны церковной истории. Так, у него сравнительно больше места отведено истории восточной средневековой церкви, которая обыкновенно почти совершенно игнорируется западными учеными. Но теперь его история потеряла значение, потому что в нынешнем веке выдвинулись более серьезные церковно-исторические произведения.

Кроме этих цитированных церковных историй, между протестантами в XVII^{ве}, а особенно в XVIII в., выдвигается несколько писателей, сочинений по частным отраслям науки церковной истории. Назовем из них Буддей, Вальха, Фабрициуса.

Буддей оставил сочинение по библейской истории*, а также несколько монографий о христианстве и сектантстве первых веков. Вальха написал обширное сочинение по истории древних ересей, в 11 частях. Конечно, он не мог пользоваться источниками, которые были открыты уже после него (напр. Филозофуменалии), но все, что тогда было известно, он свел, разобрал все мнений, так что это обширная справочная книга относительно того, что было сделано до Вальха по изу-

* Он пользовался литург. Филарета для своей „Библейской истории“.

чению сектантства. Но это сочинение написано крайне сухо, растянута. - Самым замечательным и даровитым является Фабрициус, известный особенно своими трудами по церковной литературе. В своих изданиях - Bibliotheca Graeca и Bibliotheca Latinae Medii aevi - он собрал все то, что уже было собрано относительно древних христианских писателей. Эти издания далеко оставляют за собой даже труды превосходных католических патрологов: Селле, Дюпеня и др. Не только все сохранившиеся патрологические сочинения описаны Фабрицием, но даже и утраченные подвергнуты изысканию.

Из среды английских протестантов особенно выделяется: Кавэ и Брай - по изданию церковно-исторических памятников, Бингам - своим Origines Historiae Ecclesiae, которыми он положил начало церковной археологии. Бингам первый обратил внимание на развитие обрядовой стороны в христианстве, на внешнее развитие церковной организации, на совершение таинств, литургии и т.п. Замечательно, что первый подобный труд появился в протестантстве, которое так невысоко ставит церковную обрядность; но впрочем, Англиканизм относится к ней с большим сочувствием, нежели другие отрасли протестантства. - Труд Бингама переведен в сокращении на русский язык Вяткинским. Другие церковные археологи (XIX в.) - протестанты Авустин и католик Бинтеринг приемыкают лишь к Бингаму.

Рационализм в церковной истории XVIII в.

До половины XVIII в. церковная историография развивается в двух главных направлениях, католическом и протестантском, с разными подразделениями и отпочковками. Таким образом, на всех церковно-исторических работах лежал отпочковок конфессиональный, враждебный; только в трудах наиболее ученых эта точка зрения была несколько мягче. Но со второй половины XVIII в. является новое направление, не только равнодушное к всяким отщепенцам церковным, но и к самой религии, направление крайнего религиозного скептицизма.

Это направление в церковно-исторической науке находится в

связи с общим направлением литературы во 2^ю половину прошлого века. Оно прежде всего стало высказываться в великосветских гостиных, среди аристократии, в легкой литературе - сатире. Первоначальные корни этого направления были житейские, а не научные. Высшее общество в Англии и Франции, где это направление зародилось, уже давным-давно отрушилось на практике от более серьезных требований религии и мерам и хотело только того, чтобы сбросить с себя всякий авторитет и в области мысли и совести, желая больше простора, свободы. Сюда же присоединились новые научные открытия и философские идеи, развивавшиеся в стороне от религиозного сознания и приводившие к выводам, которые не совпадали с религиозными преданиями. Отсюда возникло столкновение между научно-философской и религиозной областями.

Этому направлению помогли и самые представители церкви, в руках которых христианство обратилось в сухую доктрину, и которые выказывали равнодушие к потребностям времени и даже фанатизм. Наконец, во 2-ю половину XVIII в. сильно обкарикнулось стремление к испровержению старого политического строя, а оно было тесно связано с церковным строем во многих странах, даже протестантских. Поэтому, нападки направились и на церковь. Доводили до крайностей, не разбирая злоупотреблений от сущности религии; ради злоупотреблений некоторых представителей церкви, из вражды к духовенству, переносили эту вражду и на самую идею церкви. - Так стало созреть это направление, враждебное и к самой сущности церкви и религии.

Это направление зародилось в Англии, потом перешло во Францию. В каждой стране оно имело особый характер. В Англии оно было либеральнее, шире, мягче чем во Франции; но там оно не дошло до таких крайних результатов, как во Франции, где оно обнаружилось в попытке совершенного испровержения христианства. В науке и литературе это направление имело легкий, поверхностный, хотя и самоуверенный характер. Редко можно было встретить какое-нибудь серьезное отношение к христианству. Были лишь отрывочные нападения, в виде острот, на наиболее слабые стороны, на злоупотребления, а от них они переносились и на самую сущность христианской религии. В области церковной истории, во

Франции и Англии это направление почти никто не заявило себя; но мы должны назвать несколько сочинений, не столько богословских, сколько светских, в которых сказано отношение к церковной истории. Прежде всего назовем „Историю упадка и разрушения Римской Империи“ Гиббона (1776-88). Это главным образом политическая история римской и византийской империи; автор касается также судьбы других, сопредельных стран и народов. Христианской истории здесь посвящается лишь несколько глав, главным образом III-XVI. Но собственно в этих-то главах автор полагает весь центр тяжести своего сочинения, в чем он и сам сознается. Чтобы отстранить от себя научную ответственность за все, что он говорит тут, Гиббон местами оговаривается, что он по церковной истории не специалист. В той части, где он говорит о развитии догматов, он как бы наиперенос выказывает свое невежество и равнодушие к этой стороне дела. Но это замечание лишь читателю, вооруженному критикой и сведущему в церковной истории; читателю же поверхностному Гиббон может порадовать своей начитанностью и оригинальностью.

Отношение к христианству у Гиббона осторожное. Прямого несочувствия он нигде не высказывает; он даже допускает различие между сущностью христианства и его промывкой. Он сам говорит, что наиперенос рассматривать христианство не в той небесной чистоте, каково оно само на земле, а в том испорченном виде, как оно сказано в истории. Но он и останавливается лишь на этой испорченной стороне. Повидимому, у него есть даже личные счеты с христианством, какая-то тенденция писать против христианства. Он сам сознается, что первая мысль написать это сочинение зародилась у него в Риме, на форуме, когда он вспоминал о лучших временах Рима и сравнивал их с его современным запущенным состоянием. Тогда он пришел к тому убеждению, что виной этому христианство, что оно внесло разложение в римское государство, и он задумал только изобразить, как христианство способствовало упадку Западной Римской Империи и особенно Византийской, историю которой он доводит до IV в. Таким образом, история Гиббона, несомненно, носит характер пристрастия; но это

Церк. Историкография. Лит. Александровской. Метр II-й.

пристрастие онъ старается замаскировать и представить подъ покровомъ, повидимому, научныхъ приемовъ. - Частные приемы Гиббона состоятъ въ избирательности. Касаясь исторіи христіанства, онъ вездѣ выставляетъ наиболѣе слабыя стороны. Но брать только непереконныя стороны - это не научный приемъ. Чтобы объяснить великія историческія факты - а такими, во всякомъ случаѣ, остается христіанство - историкъ долженъ обратить вниманіе на положительныя стороны. Но еще болѣе пристрастенъ тотъ приемъ, что Гиббонъ старается представить самыя идеальныя, святныя стороны христіанской жизни въ мрачномъ видѣ. Напр., говоря о мученикахъ - это, до того времени еще небываломъ проявленіи героизма, преданности идею - Гиббонъ старается это стремленіе къ мученичеству свести къ самымъ низменнымъ мотивамъ, объяснить какою-то похвальной экзальтацией, или мелкимъ тщеславіемъ. А затѣмъ онъ старается унизить и самый объемъ этого явленія, доказывая, что число мучениковъ не было такъ велико, какъ это описываютъ первые христіанскіе историки. - Вездѣ Гиббонъ старается свести высокое, нравственное на пошлое, грубое. Напр., изучая характеристику великихъ учителей церкви, признавая за многими изъ нихъ великій умъ, тѣмъ не менѣе ихъ дѣйствія въ пользу церкви онъ старается объяснить мотивами невысокаго происхожденія: честолюбіемъ, упрямствомъ и т.д. Напр. самую мученическую смерть св. Кипріана онъ объясняетъ его тщеславіемъ! - Говоря о теоретической сторонѣ христіанства, о развитіи христіанскаго богословія, Гиббонъ старается выказать небрежность къ этой сторонѣ дѣла, говоря, что все это пустая схоластика. Конечно, многіе богословы, древніе и особенно средневѣковыя, вдавались въ крайности, въ схоластическія тонкости, но все же историкъ не могъ бы не отнестись серьезно къ основной сущности дѣла. Говоря о развитіи аскетической жизни, Гиббонъ старается самую сущность аскетизма представить въ противоположенномъ, грубомъ видѣ.

Если же подобныя явленія встрѣчаются въ христіанствѣ, то онъ съ сочувствіемъ останавливается на нихъ. Напр., то же самое стремленіе къ разрыву между высшимъ религіознымъ вопросомъ, тотъ же самый аскетизмъ, встрѣчая его у древнихъ неоплатониковъ, онъ съ уваженіемъ превозноситъ. Твердость убѣжденій, преданность сво-

или идею, которую он старается низвести с высокого пьедестала в христианское мученичество, Гиббон превозносит, если она встряпается между язычниками. Но же самое высказывается из сопоставлений разных характеристик, напр. при сопоставлении Константина и Юлиана, Авакасия и Ария. Даже о варварских народах Гиббон говорит с большим сочувствием, хоть о христианской Византии, так что очевидно, что он прилагает неодинаковую мерку к разным историческим событиям.

Затем, что касается до сверхъестественных фактов, то большая часть их совсем обходится или с улыбкой, а другие он старается свести на простые, естественные факты.

Увлекает Гиббон довольно поверхностно читателя тем, что он не высказывает резко порицаний, а набрасывает маску высокомерного отношения к тем фактам, которыми он не сочувствует и значение которых старается уронить. Это писатель, во всяком случае, умный, талантливый, живо и образно излагая события, поразжающий громадностью и разносторонностью своей эрудиции, хотя, впрочем, и не самостоятельной, не из первых источников. Но отношение к христианской истории он потому производит впечатление, что касается почти всяких сторон древней христианской истории и на все дает готовую точку зрения в рационалистическом духе. Таким образом, его сочинение представляет как бы арсенал готовых нападок на историю христианства.

Недавно это сочинение появилось и на русском языке. В русском переводе отношение к христианству высказывается более резко, потому что наш переводчик выбрал для себя такое английское издание, в котором издатель старался, в своих примечаниях, утрировать и преувеличивать взгляды Гиббона. Русский перевод вялый, местами туманный, при недостаточном понимании духа со стороны переводчика.

Затем, в Англии же, явилось сочинение меньшего объема, но специально посвященное истории христианства, под заглавием: "История искажений христианства". Но в чем состоял первоначальный христианский идеал? Это остается неясным. К искажению, между прочим, относится и втра в Аристотель как Бога, втра в

Троизиу. Это сочинение принадлежит английскому ученому Прист-лей (Priestley) (ум. в Вашингтоне, 1804).

Въ 70-80ых годах прошлого века рационализм стал проникать и в Германию, в ту, именно, эпоху, когда эта страна стала уже освобождаться от кутузельного, шавынь образам французского влияния. Таким образом, самостоятельное развитие Германии совпало с проникновением рационализма. Но здесь он получил более серьезный характер, подобно тому, как это было в XV-XVI вв. с гуманизмом. В Италии гуманизм носил легкий характер и не обращал серьезного внимания на нравственные и религиозные вопросы. В Германии же он высказал серьезное отношение к этим вопросам. Точно так же, в прошлом веке, в Германии не было заметно такого легкого отношения к религии, как это было во Франции; здесь внимательно относились к религии и церковно-историческим фактам. Если и появились тут крайние рационалистические сочинения, то они исходили из среды иудеев, которые рады были воспользоваться случаем высказать свою давнюю ненависть к христианству во имя науки; но эти сочинения большой цитности не имеют. И здесь иногда высказывались отдельные нападки на христианство со стороны представителей светской литературы (Лессинг, Реймаркус, Гердер, Шмидт, Кампе, Трауготт). Но вообще рационалистическое направление тут вскоре обособилось в отдельные богословские и церковно-исторические изыскания.

Первым основателем и проводником рационализма в библейской и церковной истории был Йоханн Земмерль, профессор в Галле. Он главным образом занимался не историей, а христианской экзегетикой и догматикой; но от него осталось также несколько монографий по истории первых веков христианства, а затем во всех его сочинениях мы находим множество рационалистических идей по церковной истории. Трауготт высказался о его сочинениях, что «они представляют площадку, где навален неразобранный мусор и цитный материал». Земмерль мимоходом высказал много кратких замечаний, которые были весьма плодотворны для последующего развития рационализма: Между прочим, он проводит 2 основные идеи, в сущности верные, но которые, при односторонности развития, могут быть доведены до крайнего рационализма. 1. Идея исторического развития

решим; решимъ хотя и есть вѣчное достояніе человечества, развивается однако въ связи съ другими явлениями человеческой жизни. 2. Самые основанія христіанства, св. Писаніе, мы не можемъ принимать въ цѣломъ видѣ. Божественное Откровеніе явилось въ формѣ человеческаго слова; на немъ должно бытъ лежать отпечатокъ человеческой личности, извѣстной среды, времени, общества; следовательно, оно носитъ много человеческихъ прибавокъ. Несомненно, что решимъ, твердая въ своей сущности, подлежитъ развитію; что на священныя книги лежитъ характеръ извѣстнаго времени; что необходимо въ этомъ решимъ различать вѣчную сторону отъ измѣняющейся и основную истину отдѣлять отъ человеческихъ чертъ. Но это отдѣленіе очень трудно; обѣ стороны решимъ, временная и вѣчная, находятся въ органическомъ сочетаніи; нужна большая осторожность и особая преданность решимъ, чтобы не отбросить чего-либо важнаго изъ ея содержанія, какъ это случилось при дальнѣйшемъ развитіи рационализма.

Изъ дальнѣйшихъ германскихъ рационалистовъ назовемъ: Мухомора, Эйслорна, Пауруса — въ XVIII, Де-Ветте — въ началѣ XIX вѣка. Они главнымъ образомъ работали въ области библейской критики. Здѣсь рационалистическія тенденціи совпали съ новымъ направленіемъ науки въ Германіи во 2-ю половину XVIII вѣка. Открыто было, что существуютъ разныя редакціи памятниковъ; что въ нихъ бывають позднѣйшія вставки; что много произведеній не принадлежатъ, въ действительности, тѣмъ, кому они приписываются, или принадлежатъ иногда нѣсколькимъ авторамъ, или даже цѣлому народу. Изъ общей критики эти принципы были перенесены въ библейскую критику, гдѣ они должны были бы имѣть менѣе мѣста по самому существу религіозныхъ памятниковъ. 1. Эти памятники находились подъ большимъ контролемъ. Ветхозаветныя книги находились подъ строгимъ наблюденіемъ у раввиновъ, новозаветныя подъ наблюденіемъ церковныхъ пастырей. 2. Никакой памятникъ не сохранился въ такомъ множествѣ списковъ и вѣрствъ съ тѣмъ съ такимъ сома-сіемъ, какъ Библия; есть только второстепенные варианты. Но рационализмъ сталъ давать критическія приемы большіе размахъ въ библейской области, даже большіе, чѣмъ для другихъ памятниковъ. Но этимъ самымъ разрушалось протестантское божество. Протестантство утверждается на одной Библии; поэтому оно должно было твер-

до держаться ей. А когда появилось скептическое отношение к Библии, то должна была разрушиться и вся область протестантского богословия.

Во собственно церковной истории этот рационализм высказался в 80^е годах. В 1782 г. явилось небольшое сочинение по церковной истории, написанное Шпитцером*; оно талантливо написано, но в рационалистическом духе, на что указывают уже самые первые слова его: "Никогда в истории не происходило такого великого переворота, как тот, который произвел один иудей, по имени Иисус". Но книга эта написана сдержанно. Как школьное руководство, она имела большие выгоды.

Затем, после этого сдержанного, мягкого сочинения, в 1788 г. явилось другое сочинение по церковной истории, очень большое, оконченное только в 20-е годы. Оно принадлежит Генке, лейпцигскому профессору. В этой истории рационализм высказался, можно сказать, в каком то жестком характере. Приведем 2 отзыва об этой истории. Шаффер, известный протестантский богослов и историк, сказал, что у Генке церковь представляется каким-то заведением для душевно-больных; а Магенбагх выразился, что у Генке вся история церкви получает вид развития невольческих слабостей и заблуждений, а факторами, из которых сложилась церковная жизнь, являются: фанатизм, лицемерие, подлость, пошлость и т.д.

Протестантская церковная историография XIX в.

1. Положительное направление.

В XIX в. разработка церковной истории стала на высшую ступень сравнительно с прежними вѣками. Правда, по изданию церковно-исторического материала нам вѣдь далеко уступает XVII или XVIII-му, но со стороны разработки исторического материала, критического отношения к памятникам и обобщения фактов, по стремлению представить чуждое и осмысленное явление христианской истории,

* Вюртембергский министр.

XIX вѣкъ занимаетъ самое выдающееся мѣсто.

Главнымъ образомъ разработка церковной исторіи велась въ Германіи, потому, конечно, что Германія въ XIX в. была долгое время переводной страной; а отчасти потому, что здѣсь особенно развивалась фило-софія, филологія и исторія литературы, развитіе которыхъ всегда находилось въ связи съ богословскою и церковно-историческою наукою.

Въ области германской церковной исторіографіи, протестанты стояли впереди католиковъ, особенно въ первую половину XIX вѣка; только со 2^й половины эти отношенія начинаютъ мѣняться. — Среди нѣмецкихъ протестантовъ наука церковной исторіи развивалась въ двухъ направленіяхъ: въ положительномъ, относящемся непосредственно къ христіанству, и скептическомъ, раціоналистическомъ. Впрочемъ, въ раціонализмъ XIX в. уже не замкнется прежней рѣзкости, запальчивости. Что же касается до церковнаго, положительнаго направленія, то оно не такъ замкнуто, какъ прежде, оно пользуется всеми критическими приемами и усваиваетъ себѣ результаты научныхъ работъ, даже отрицательнаго направленія, если только встрѣчаютъ въ нихъ что-либо цѣнное. У отрицательнаго направленія, какъ мы уже сказали, нѣтъ такого задора, рѣзкости, какъ у раціонализма XVIII вѣка. Оно съ серьезностью и уваженіемъ относится къ христіанству, какъ къ великому историческому факту; оно уже не бросаетъ отъольныхъ нападокъ на частныя слабыя стороны христіанской исторіи, до какихъ были охотники раціоналисты XVIII в.; раціоналисты XIX в. сосредоточили все свои нападки только на нѣсколько важныхъ пунктовъ. Теперь мы обратимся къ важнѣйшимъ работамъ того и другаго направленія въ области протестантской церковной исторіографіи XIX в.

Между положительными историками 1-й половины XIX в. назовемъ Неандера и Гизелера.

Неандеръ былъ еврей, въ молодости обратившійся въ христіанство и всю жизнь свою посвятившій изученію христіанской исторіи. Въ 1813 г. онъ былъ назначенъ профессоромъ Вейдербургскаго университета, а въ 1814 — Берлинскаго, гдѣ и занималъ кафедру до 1850 г. т.е. до самой своей смерти. Сначала онъ издалъ нѣсколько монографій: о св. Златоустѣ, св. Бернарде, Меркуліанѣ, Юліанѣ Отступникѣ, о гностицизмѣ. Онъ избиралъ такіе пункты изъ христіанской исторіи, которые или

ют наибольшее значение. Так же его исследование о Златоусте представляет тип христианского пастыря IV века; монография о св. Бернарде рисует характеристику средних веков; монография об Юлиане ртмает весьма важный вопрос об отношении язычества к христианству; монография о Тертуллиане рассматривает мистическое движение; наконец, монография о гностицизме исследует переход языческих идей на христианскую почву.

Затем, Кеандер, который всегда имел в виду не только научное исследование церковной истории, но и нравственное ее влияние на общество, в 20-е годы предпринял популярное издание: "Доступности катехизиса из истории христианской церкви".

Наконец, с 1824 г. начала выходить его "Общая история христианской церкви", продолжавшаяся до самой его смерти. Он издал 11 небольших книг, которые потом составили 2 больших тома. В этом труде он излагает историю христианства с самого начала до 1414 г., т. е. до Константского собора. Из этого главного труда Кеандер отрывался только в конце 30-х годов, когда сильно стало высказываться новое рационалистическое направление, когда Штраус и Баур произвели переворот в обществе. Тогда он издал 2 книги: одну - "о жизни Христа", другую - об истории апостолов, чтобы противостоятствовать папским выводам отрицательной школы.

Но главный труд Кеандера - "Общая церковная история", по которой его имя стало во главе новых германских церковных историков. Она отличается большими достоинствами. Главное - необыкновенная эрудиция, затем - точность и добросовестность и высоко-нравственное направление этого труда. Эрудиция Кеандера признается всеми учеными. Хотя он и мало думает о смысле, цитат, но читая его историю, чувствуешь, что здесь каждая строка основана на внимательном изучении памятников. Он перечитал в подлинник почти всякие жития церковных. Поэтому его самого называют иногда "последним отцом церкви". Затем, его труд поражает своим высоко-нравственным и искренне-христианским направлением. Кеандер приступил к церковной истории, как к великому научному и вместе с тем религиозному подвигу и старается провести ту главную мысль, что значение христианства в истории объявляется евангельской притчей о закваске. С этой же точки зрения

т.е. со стороны прогресса, он и рассматривает церковную историю. Он оптимист но въ христіанскомъ смыслѣ. Но его слабая, историкъ долженъ съ благоговѣніемъ останавливать свое вниманіе на всѣхъ, такъ сказать, слѣдахъ Основателя христіанства въ исторіи. Христіанскому богослову и церковному историкъ недостаточно быть только умнымъ человекомъ, но и нравственнымъ. „Христіанскаго богослова дѣлаетъ не столько умъ, сколько благочестіе и чувства.“ Наконецъ, исторіи его поражаютъ своей объективностью и безпристрастіемъ. У него нѣтъ того задора, рвѣности, съ какой пресскіе протестантскіе историкъ относились къ Среднимъ Вѣкамъ, особенно къ католицизму. Главнымъ образомъ онъ рисуетъ свѣтлыя стороны христіанской жизни, но не закрываетъ глаза и на слабыя, темныя стороны. Но отношеніе темныхъ сторонъ къ свѣтлымъ у него таково, что темныя стороны не заслоняютъ свѣтлыя. Замѣчательно также его безпристрастіе къ другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ и древне-христіанскимъ сектамъ; въ послѣднемъ случаѣ, онъ даже превеличиваетъ ихъ. — Вотъ главные достоинства исторіи Кеандера.

Но въ ней есть и серьезная слабость стороны. Во-первыхъ, но это, впрочемъ, зависитъ не отъ Кеандера, а скорѣе отъ характера протестантизма, подъ вліяніемъ котораго онъ воспитывался и писалъ: у него не совсемъ твердая идея церкви христіанской. Онъ какъ бы раздвѣляетъ суцность религіи христіанской и жизнь церкви христіанской. Какъ протестантъ онъ цѣнитъ главнымъ образомъ теоретическую часть христіанства. Поэтому-то исторіи христіанскаго богословія самая лучшая часть его труда. Но въ изложеніи развитія церковнаго управленія и обрядовой стороны у него болѣе легкости. Затѣмъ, особенной глубины въ его изложеніи нѣтъ. Онъ былъ только мыслитель-историкъ, а не философъ-историкъ. — Кеандеръ всегда даетъ живое, но не художественное изложеніе; въ его описаніяхъ нѣтъ картинности, живыхъ характеристикъ. Мѣстами замѣтна сухость, растянутасть, монотонность, иногда сантиментальность. — Недостатки почти всякаго научнаго изложенія.

Второй замѣчательный церковный историкъ, профессоръ Геттингенскаго университета, Гизелеръ. Онъ позже Кеандера вступилъ на ученое поприще, но уже съ 20-хъ годовъ начала выходитъ его исторія. Умеръ

Церк. Исторіографія. Лит. Александровской. Листъ 12-й.

онь в 1854 г. Подобно Неандеру, он начал свою ученую деятельность с монографических работ, а с 1824 г. начала выходить его общая история христианства. Она доведена до половины XIX века. Уиль самими бы-ло издаю только 9 частей, история христианства до конца XVIII века. Остальные издаю уже после его смерти. Часть 10-я заканчивает исто-рию христианской церкви в 1-ю половину XIX в., часть 11-я - историю раз-вития христианских догматов в разные века. Относительно учено-сти Гизелера можно поставить наравне с Неандером и трудно даже сказать, кому из них отдать преимущество. Но самый метод изложе-ния его истории отличается от изложения Неандера. Гизелер задался задачей достигнуть полнейшего объективизма, так чтобы совершенно незаметна была личность самого историка. Для этого он принял такой метод: самое изложение истории у него кратко, кратко. Этот текст встречается по строку или по две на странице, а под чер-той чуть-ли не каждое слово поясняется ссылкой на источники. Здесь приводятся в подлиннике отрывки греческих и римских писате-лей, большей частью буквально. От себя Гизелер знает лишь самые краткие замечания, где нужно, напр., какое показание следует пред-почесть. Конечно, какой драгоценный материал представляют эти примечания. Правда, самый текст не важен и мало оригина-лен. Поэтому эта история не годится для легкого, популярного чте-ния. Это слишком сухая и краткая история. Это, так сказать, ис-торическая хрестоматия, с той только разницей, что отрывки излагаются здесь не по произволу, а последовательно ведутся через главные эпохи древней христианской истории, причем это очень небольшие кусочки, которые непосредственно относятся к факту, с которым говорится в тексте. Новато у Гизелера очень мало. Нет и живости, картинности, одушевления. Зато, этот метод при-ложен только к древней христианской истории. Но напр. в сред-ние века много памятников излагается; для извлечения из всех этих памятников невозможно, а между тем, памятники те-ряют оригинальный характер. Поэтому Гизелер часто отступает от своего метода при изложении средних веков. А в истории XIX в. уже совсем другой метод; это - живое, устное изложение событий про-тектантской истории XIX века. Это показывает, что Гизелер мог бы быть живым излагателем событий церковной жизни; но он себя

сдерживала, желая заставить говорить о себе самые памятки.

Вот два наиболее замечательных и ученых произведения по церковной истории в XIX в. Затем назовем других ученых, не столь самостоятельных, но всетаки выдающихся.

Во-первых, назовем базельского профессора Галенбаса. Его труды относятся к популяризации церковной истории. Он читал публичные лекции в Базеле, и в 1858 г. собрал их в один цумльный труд, обозревающий историю христианства с первых веков до половины нашего века (в 7 книгах). Его произведение замечательно тем, что он умел сочетать научные требования с талантом популяризатора. В то время популяризация церковной истории была делом редким. Германские ученые писали тогда очень сухо. Галенбас удачно популяризировал церковно-исторические факты. Затем, Галенбас отличается по благородству тона. Он примыкает к положительному направлению, ^{но} с уважением относится и к трудам отрицательного направления. Также и в отношении Галенбас, хотя он и протестант, хотя и с восторгом относится к реформации, но с уважением и сочувствием говорит также и о других христианских временованиях. События церковной истории рассматривает он не изолированно, а в связи с событиями общей истории. Он касается даже истории народной литературы. Поэтому его история представляет талантливое и живое изображение. Для неспециалиста эта история может быть рекомендована больше какого-нибудь другого сочинения по церковной истории на немецком языке.

Шаффер, американский немец, сперва работал в Германии, а теперь в Америке, читал большую часть своих публичных лекций в Нью-Йорке. Еще в Германии он обратил на себя внимание апостольской историей. Затем, в начале 50-х годов он издал 2 части дальнейшей истории: 1-я — до Константина, 2-я — до Григория Великого. Тогда 2 часть вышла 3-я часть — до Григория VII. Это одна из самых умных, спокойных и интересных в своем взгляде церковных историй, нового времени. В этом отношении Шаффер превосходит даже Неандера, которого он ученик. Мысли Шаффера даже глубже его. История церковной иерархии, управления, обрядности, у него основательнее, чем у других немецких. Он смотрит на

это не какъ на лишній наростъ. Онъ всего ближе подходитъ къ православному взгляду.

Курцъ, профессоръ Бернского университета, давно уже работавший, добросовестный ученый. Кроме трудовъ по библейской исторіи ему принадлежатъ: 1) ^{кадетское} Abriss der Kirchengeschichte; 2) для студентовъ — Lehrbuch der Kirchengeschichte — лучший его трудъ съ точными указаніями литературы; 3) Handbuch der Kirchengeschichte — попытка большаго разширенія, остановившаяся на XII в. въ западной церкви и до половины XV в. въ восточной. Въ ней онъ обратилъ большое вниманіе на восточную церковь, къ которой западные историки до послѣдняго времени относились небрежно. У Курца же исторія восточной церкви, по раздѣленіи церквей, составляетъ особый отдѣлъ, хотя и не обнимающій всего содержанія, которое вообще еще мало разработано.

Между учебниками по церковной исторіи пользуется особой славой учебникъ Насе, по своему составу, ясному изложенію, а отчасти потому, что тутъ проведена крѣпкая точка зрѣнія, а именно — дѣленіе церковной исторіи на 3 періода. Во-первыхъ, развитіе христіанства на почвѣ классическаго міра*; во-вторыхъ, христіанство въ жизни романскихъ народовъ до реформации; третій періодъ — развитіе христіанства въ духѣ новыхъ германскихъ народовъ. Это дѣленіе несправедливо въ томъ отношеніи, что тутъ развитіе христіанства приурочивается къ народной исторіи; въ средніе вѣка исключительно разсматривается западная церковь, а въ новое время — протестантство.

Войндер — швейцарскій писатель, сначала рационалистъ, а потомъ онъ до того проникся положительными идеями, что сдѣлался почти мистикомъ. По вѣтшишему изложенію его труды (болѣе 10 частей) представляютъ рядъ отдѣльныхъ монографій, изъ которыхъ нѣкоторыя составляютъ цѣлыя части.

Самый послѣдній — Нелзод, лишь лишь 5 назадъ предпринявшій церковную исторію и доведший ее до реформации. Во взглядѣ онъ болѣе узкій протестантъ, чѣмъ многіе изъ его предшественниковъ; но онъ замѣчательный знатокъ новой церковной литературы, на которую онъ даетъ подробныя указанія въ своемъ трудѣ.

Нелзодъ болѣе извѣстенъ своими другими трудами: еще въ 40-хъ годахъ

* До Григорія Великаго.

она задумала издать богословско-исторический словарь. Так составилась богословская энциклопедия, составленная из трудов лучших специалистов. Теперь она вышла 2-м изданием.

Есть еще много замечательных ученых, известных по отдельным изысканиям. Из 30-40-х годов, назовем Цельмана, богослова и церковного историка, издателя известного журнала *Theologische Studien und Kritik* - журнала, научного ученого. Его *Das Wesen des Christentums*, написанное по поводу сочинения Фейербаха под тем же названием, развивает философское воззрение на христианство, особенно на учение об искуплении. Другой его сочинения: монография о Григории Богослове, о "Реформаторах до реформации", т.е. о средневековых мистиках, подготовивших реформацию.

Дорнер - известен особенно изысканиями: "Развитие учения о личности Христа".

Рихард Боте, занимавшийся изысканиями самого образования христианской церкви, отчаянный гегельянец по своему изложению и терминологии, но весьма глубокомысленный и серьезный изыскатель. Он первый более органически представил развитие внешней организации христианской церкви.

Марейнке. Его "История церкви" не особенно важна. Главным его трудом - "Символика" т.е. сравнительное обозрение христианских исповеданий.

Геррике - добросовестный изыскатель по христианской археологии и особенно по изысканию судьбы книг Св. Писания. Эта сторона богословия всегда имеет большое значение для протестантов, особенно когда Тюрбингенцы заподозрили Св. Писание.

Есть и русский перевод сочинения его о книгах Св. Писания, сделанный арх. Михаилом.

Цельгарк, ученый и популяризатор, изыскатель древних виков христианства. Замечательна его "История развития христианской благотворительности".

Во последнее время опять у германских ученых замечается некое направление. Вместо общих трудов по церковной истории, вместо развития общих взглядов опять замечается в германской науке поворот к старому, опять обращаются к серьезному изучению и проверке самых памятников.

Этому положили начало профессор Миссендорф, нашедший новый кодекс Библии, издавший апокрифические книги, апостол, апокалипсис и некоторые неизвестные до того рукописи святой церкви.

Из новейших ученых на этом направлении назовем Lipsius'a, Карпача (издателя библиографической газеты - *Theologische Kirchenzeitung*), Zahn'a и Кевкардт'a. Но вообще в современной германской церковной историографии замечается как бы ослабление прежнего увлечения, склонность больше всего к частным, мелочным работам.

2. Критико-рационалистическое направление в науку церковной истории XIX века.

Рядом с положительным направлением в науку церковной истории, в XIX веке, развивается также направление рационалистическое. Западно-европейский рационализм XIX в. есть, конечно, продолжение того рационализма, который зародился в XVIII веке. Но он отличается от него в характере и условиях своего развития.

Рационализм XVIII в. уже к 80-м годам дошел до крайности и сказался самыми рязкими теоретическими выводами и практическими приложениями. Но эти преувеличения, крайности, скоро привели к разочарованиям, к возвращению старых форм и впровадий. Это сказалось и в богословской науке. Многие из прежних рационалистов обратились в pietистов и католиков. Но эта эпоха продолжалась очень недолго и значительных трудов в церковной истории не произвела. Есть в этом направлении церковная история графа Штольберга, сперва протестанта, а потом перешедшая в католицизм; но этот труд некончен. - В самом протестантстве в 20-е годы произошли важные события, которые возбудили более положительное направление. К 20-м годам приближался 300-летний юбилей реформации. Возникла мысль о соединении лютеранского и реформатского общества в одну евангелическую церковь. Эта попытка осуществилась лишь отчасти; но юбилей реформации произвел сильное влияние на протестантское общество и литературу. Появилось множество проповедей и трактатов на тему о великом значении реформации. Все эти условия способствовали отчасти тому, что хотя рационалистическое направле-

ние никогда не умираю вполне, но в начале нынешнего века оно было сдержано в области религиозной жизни и богословской и церковно-исторической науки.

Но с 30-х годов рационализм опять стал сильно развиваться. Это во том, что в протестантстве уже давно была подкопана почва для положительного религиозного развития. Только на время сдержанный рационализм в германской богословской науке во 2-й четверти нынешнего века стал развиваться с прежней силой.

Между инициаторами, возбудителями этого скептического направления всего больше замечательны Шлейермахер, профессор берлинского университета и придворный проповедник, которого считают самым знаменитым германским богословом нового времени. Шлейермахер замечательны в том отношении, что от него доселе ведут свое происхождение самые различные партии протестантского богословия. Это замечательный тип развития германской богословской мысли в начале нынешнего века. Шлейермахер по своему чувству был человеком религиозным, верующим, но отличался умом скептическим, критическим. Правда, его скептицизм не достигал крайних пределов, но он заложил много начал для позднейшего развития германского скептицизма. Еще в 32-м году он читал публичные лекции о жизни Христа, в которых уже заложены все те приемы, какие потом развили Штраусы.

Но крайнее влияние этого богослова привелись еще несколько условий, которые дали рационализму новый характер. Прежде всего указание на влияние новых научных и философских идей и систем.

Сперва философское направление в Германии, в нынешнем веке, было не враждебно религии. Первые из философов немецкого XIX века заявляли стремление возстановить религию, возстановить ее права, порушенные прежними рационалистами. Но потом вышло как раз наоборот. Оказывалось, что всякая философская система, претендовавшая помочь религии, на деле с какой-нибудь стороны подрывала ее.

Это началось с философии Кантовой. Ни один философ не нанес такого удара рационализму, как Кант. В своей „Критике чистого разума“ он показал, что разум в высших вопросах не надежный путеводитель (кантовский антиномии*). В „Критике практического

* т. е. познания, противоречания друг другу, но могущий быть до-

разума" Кант указал и на исход для ума из этого положения; он указал, что во этих вопросах человек должен следовать нравственному чувству. Но вскоре заметили, что положительная часть его философии слабее критической. Поэтому его акцентом более удержались, чем те практические выводы, которые он указал для выхода из религиозного сомнений.

Также такое направление было и у Фихте. Он отправлялся от крайне субъективных оснований, но находил исход для своих религиозных сомнений в моральной области. Однако его этические начала имели менее влияния, чем его крайний метафизический скептицизм.

Наибольшее влияние на богословскую область идеи Шеллинга и Гегеля. Они прямо заявляли, что желают возвратить религии ее права, и старались подкладывать философский смысл под каждый догмат христианства. Но хотя это и имело влияние на возбуждение богословской мысли, но скорее влияние отрицательное. Это в том, что сами эти философы держались не на твердых основах в области религиозной. В основе их воззрений лежал пантеизм. А из пантеизма никакая положительная религия выдти не может. Нельзя молиться тому богу, которого считают самым духом человека и не ставить выше себя. Поэтому эти философские системы только отрицательно влияли на богословскую мысль.

Также, хотя Гегель и указывал на великое значение религии, но его убеждение, что религия есть только представление истины в неразвитом виде и что в дальнейшую эпоху философия должна заменить религию, крайне неблагоприятно для религии. Также Гегель признавал значение церкви христианской и старался указывать на те положительные стороны, как она выказала в истории; но, с другой стороны, по его мнению, церковь есть только переходная форма развития, и жизнь церковная должна уступить свое место развитию государственной жизни.

Как Гегель, так и Шеллинг не ограничивались только общими выражениями сочувствия к христианству; они пытались даже философски осмыслить различные догматы христианства. Однако этим они не только не помогали укреплению этих догматов, но

казанными в равном порядке.

лишь признали мысль къ самовольному обращенію съ ними. Такъ, догматы о Троицѣ у Гегеля выходятъ не христіанскими, а советскіи друими. Это только мысль въ извѣстныхъ стадіяхъ своего развитія или — бытіе въ себѣ, внѣ себя, для себя. Такъ же Гегель давалъ великое значеніе идее искусства, воплощенія, но объяснялъ это своеобразно. Это, по его мнѣнію, есть процессъ развитія сознанія человеческого духа, когда онъ сознаетъ себя единымъ съ божественнымъ духомъ. Прежде духъ человеческій представлялъ себя безконечно ниже божества, а вотъ, въ христіанствѣ по Гегелю онъ призналъ себя впервые тождественнымъ съ божествомъ. Но это ученіе повело лишь къ обоготворенію человека, провозглаголанному Фейербахомъ, который объявилъ, что человекъ всегда поклонялся и поклоняется не всемірному Богу, а лишь идеальнымъ проявленіемъ своего же духа.

Равнымъ образомъ, Шеллингъ никогда не могъ вполне отречься отъ пантеистическихъ представлений. Его объясненіе христіанскихъ догматовъ носитъ пантеистическій характеръ и ставится на ряду съ объясненіями языческихъ мифовъ.

Мы сдѣлали уклоненіе въ виду того, что въ новой разработкѣ церковной исторіи сказались тѣ идеи, тѣ приемы, которые перенесены изъ философскихъ системъ, особенно Шеллинга и Гегеля.

Келеро и говорить, что позднѣйшія философскія системы въ Германіи (пессимизмъ, материализмъ) еще менѣе могли дать благоприятныя условія для развитія богословской и церковно-исторической мысли. Такъ же и развитіе друиыхъ наукъ, смежныхъ съ богословіемъ и церковной исторіей, давало не мало матеріала для критики.

Такъ стало сказываться болѣе критическое отрицательное направленіе, которое вскорѣ изъ чисто богословской области перенесено въ церковно-историческую.

Сказавъ о тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ развивалось новое богословіе и церковная исторія, мы укажемъ и на тѣ черты, которыми новый рационализмъ отличался отъ стараго.

Во первыхъ, рационализмъ нашего вѣка носитъ болѣе серьезный, научный характеръ. Онъ развивается на философской подкладкѣ. Въ XVIII вѣкѣ нападки на религію и церковь дѣлались въ текими писателями. Въ XIX в. рационализмъ вошелъ въ самую внутреннюю область

развития богословской и церковно-исторической науки. Всюгодствие научного духа онъ ставъ едержанности. Онъ, повидимому, сочувственно относится къ религии; онъ указываетъ на необходимость ея научнаго изучения; онъ легче самоудовлетворяется, болѣе остороженъ въ своихъ выводахъ. Затѣмъ рационализмъ прошлаго вѣка любилъ нападать на слабыя стороны въ христіанской исторіи, но не касался основной сущности христіанства.

Рационалисты же XIX в. дѣлаютъ иначе. Рѣдко кто изъ нихъ позволяетъ себѣ шумѣть надъ христіанствомъ и нападки на наиболее слабыя стороны въ христіанствѣ. Для нихъ это очень старо. За то они стараются сосредоточить свои нападки на нѣсколько основныхъ пунктовъ, касающихся самаго происхожденія христіанства, стараются, такъ сказать, подкопаться подъ самый корень.

Объяснимъ опредѣленнѣе главныя задачи новаго рационализма и темы для ихъ развитія.

Всѣ новые рационалисты задаются одной задачей: низвести христіанство съ его сверхъестественнаго пьдестала и представить его, хотя и выше друиыхъ религій, но на ряду съ ними; доказать, что оно есть только естественный продуктъ религіознаго развитія древняго міра.

Эта попытка не новая. Еще въ первые вѣка языческіе писатели начали свои нападки на христіанство съ того, что стали шумѣть надъ нимъ, а потомъ начали относиться къ нему серьезно, повидимому, съ сочувствіемъ; но они проводили ту мысль, что христіанство, хотя и выше друиыхъ религій, однако стоитъ на одной почвѣ съ ними. Это еще дѣлалъ неоплатоникъ Порфирій. Но затѣмъ эта попытка особенно проявилась и усилилась въ концѣ XVIII в., такъ какъ рационалисты стали особенно сильно стараться объяснить происхожденіе христіанства одними естественными условіями.

Такъ какъ прежде всего ученымъ было извѣстно міръ классическій, греко-римскій, то прежде всего дѣлаемы были попытки вывести христіанство изъ идей классическаго міра. Всего болѣе обратили вниманія на близость ученія христіанскаго съ философіей Платона и стоиковъ. Возвышенное ученіе Платона о Богѣ, о божественномъ Логосѣ, высшемъ божественномъ разумѣ, черезъ который Богъ образуетъ видимый міръ, все это показалось похожимъ на христіанское ученіе о Божествѣ. А въ стоицизмѣ нашли много нравственныхъ изреченій, сходныхъ съ изрече-

идеями евангелия. И вот, стали сближать христианство с платонизмом и стоицизмом и выводить его происхождение из этих источников. Но скоро ученые заметили, что сходство тут очень слабое. Неоплатоническое учение о Логосе не то что христианское учение о Логосе; а во стоицизм только частные черты близки к христианству, но самый дух нравственного учения совершенно иной. Поэтому стоицизм и платонизм явились, на первом пораже, противниками христианства. Это показывает, что христианское учение идет из иных источников; что сближать его с этими учениями было бы натяжкой; что на основателя и первых учителей христианства нельзя распространить влияния платонизма и стоицизма, что исторически этого никак нельзя доказать.

Затем, во конце XVIII в., европейский мир подробнее познакомился с Востоком, с его религиозными системами. В браминизме, буддизме, зороастризме, стали находить черты, сходные с христианским учением. Поэтому стали, напр., выводить христианское учение о Троице из учения браминизма о Тримурти, христианское учение о нравственности — из буддийской этики, а учение о духах, ангелах, демонах — из персидского дуализма. Но вскоре и тут убедились, что признать христианство из браминизма, буддизма или персидского дуализма невозможно.

Тогда явилась попытка искать начала христианства в тех учениях, идеях, которые развивались в той же самой среде; в которой зародилось христианство на палестинской почве. Опять таки с XVIII в. казались попытки сближить христианство с ветхозаветным иудейством, показать, как оно развивалось из него. Этой попытке способствовало то обстоятельство, что во конце прошлого века много иудеев, особенно в Германии, обратилось в христианство. Поэтому стало несколько иное отношение иудеев к христианству. Прежде иудеи относились к христианству крайне враждебно. У тех же иудеев, которые, как мы уже сказали, перешли в христианство, явилась новая тенденция: возвеличить национальную религию иудейскую тем, что доказать, как христианство произошло из самого иудейства.

Из главной партии иудейства, из партии фарисейской, дух которой выразился в Талмуде, вывести христианство, на первом пораже, не

решались. Эта попытка явилась только поздней (Ренан и Гауэрман).
Сперва же противоположность между христианством и учением
Талмуда показалась очень рязкой, чтобы возможно тут было какое-
либо сближение. Но в иудействе, кроме фарисейства и Саддукейства, бы-
ло еще несколько частных направлений. Некоторые писатели I^{го} века
(Филонон, Флавий, Плиний), оставили несколько неясных сведений об од-
ной иудейской секте, жившей по берегамъ Иордана, о секте есеевской.
Въ ней есть некоторые черты какъ бы сходныя съ христианствомъ;
особенно во внешнемъ бытѣ: Есеев часто погружались въ воду, носили
блужую одежду; наблюдатели за жизнью есеевской общины носили то
же имя, что теперь носятъ служители церкви (пресвитеры, диако-
ны). У есеевъ были нравственные понятія, схожія съ христианскими:
они отрицали рабство, клятву, проповѣдывали равенство въ религи-
озномъ отхоженіи, мало давали значенія обрядности, а больше указы-
вали на необходимость нравственной чистоты. Стали доказывать, что
Иоаннъ Креститель, воспитывавшійся въ пустынь Иорданской, заим-
ствовалъ свои нравственные понятія у есеевъ и передалъ ихъ Три-
стуну. Но опять таки эта гипотеза долго держаться не могла. Скоро со-
знали, что производить христианство изъ есеевства нельзя уже потому,
что это вовсе не научно, такъ какъ христианство — обще-извѣстный фактъ,
а есеевство — очень неясный, а наука требуетъ, чтобы менее явный фактъ
объяснялся изъ более яснаго, а не наоборотъ. Затѣмъ ученые сознали, что
сближение это возможно только со внешней стороны, но самый духъ
есеевства совершенно противоположенъ христианству. Есеев отличали-
лись крайней нетерпимостью; даже и на фарисеевъ они смотрѣли свы-
сока: Между тѣмъ, христианство съ самаго начала проповѣдывало
любовь и терпимость ко всемъ. Наконецъ, христианскіе догматы не
имѣютъ для себя никакой почвы среди есеевъ.

Тогда обратились къ одному иудейскому писателю I^{го} века, живше-
му въ Египтѣ, извѣстному ученому Филонону, который, желая сблизить
иудейство съ языческой философией, пришелъ къ некоторымъ оригиналь-
нымъ понятіямъ, которые представляютъ некоторую близость къ
догматамъ христианскаго Божесловія. Онъ развивалъ, между прочимъ, уче-
ніе о Логосѣ, о посредникѣ между Богомъ и міромъ, учене, повидимому,
схожее съ христианскимъ ученіемъ о Сынѣ Божіемъ. Но опять таки на
этомъ сближеніи держаться долго не могли. Во 1-ое, эта философія ко-

ситъ характеръ совершенно противоположный христианству. Во-2-ю, она повлияла на развитие не самого христианства, а сектантскихъ учений. Да и учение о Логосе носитъ у Филона пантеистический характеръ. Это не Богъ, а производная сила, посредникъ между Богомъ и миромъ, какая-то отвлеченная идея. Между тѣмъ, Иисусъ Христосъ — вѣрный Богъ и истинный человекъ. Наконецъ, филоновъ дуализмъ, совершенно раздѣлявший область материи и духа, не могъ дойти до учения о воплощеніи.

Послѣ всѣхъ этихъ неудачныхъ попытокъ къ сближенію христианства съ другими религіями въ отдаленности стали задаваться такою попыткой: нельзя-ли представить христианство какъ бы высшимъ сложнымъ и перегатымъ всего предшествовавшаго религіознаго развитія. Но не говоря уже о томъ, что христианство, какъ и всякое жизненное явление весьма мало поддается такому механическому суррогатному разчлѣненію идей, исторически доказать христианство и указанными учениями нельзя. Главная же трудность заключается въ томъ, что хотя христианство, правда, и представляетъ нѣкоторыя сходныя черты съ другими религіозными учениями, но все эти учения, не только въ отдаленности, но и во всей сложности, далеки еще отъ чуждаго, полнаго христианства. Къ этому сознанию и долженъ былъ придти рационализмъ уже въ концѣ прошлаго вѣка.

Поэтому, новые рационалисты выбрали для себя другую почву. Они возбуждали такой вопросъ: было-ли христианство въ самомъ началѣ такимъ, какъ мы его знаемъ. Вѣдь первые полтора вѣка христианства меньше всего представляются намъ, а между тѣмъ, нужно предположить, что христианство, какъ и всякое жизненное явление прошло извѣстную стадию въ своемъ развитіи. Можетъ быть, первоначальное христианство было весьма близко къ иудейству или какой нибудь древней языческой религіи, и только потомъ уже оно приняло свой настоящій видъ. У рационалистовъ твердой почвы для этого вопроса не было. Правда, первые 1½ вѣка представляются меньше всего, такъ какъ отъ этой эпохи дано мало источниковъ. Но всетаки у насъ есть нѣкоторые памятники. И мы видимъ, что въ нихъ христианство представлено въ тѣхъ же самыхъ чертахъ, какими мы его знаемъ въ позднѣйшіе вѣка. Следовательно, нельзя полагать, что христианство въ первые полтора вѣка было иное, чѣмъ позже.

Новые рационалисты поставили поэтому и другой вопросъ: дали-ли

до насъ первые памятники христианства въ первоначальномъ видѣ. Можетъ быть, они были лишь въ передѣлкахъ, въ искаженномъ видѣ.

И вотъ, вся частная работа новаго рационализма сводится къ двумъ главнымъ темамъ: 1) о нѣсколькихъ периодахъ развитія христианства; 2) о подлинности или передѣлкахъ первоначальныхъ христианскихъ памятниковъ. Этими вопросами преимущественно занималась такъ наз. Тюбингенская школа, ибо новый рационализмъ развивался главнымъ образомъ въ Тюбингенскомъ университетѣ. Новые вопросы, поставленные тюбингенцами, новые приемы, примененные ими, новые гипотезы ихъ произвели переломъ въ богословскомъ мірѣ, только болѣе, что прежніе христианскіе историки мало занимались эпохой самаго происхожденія христианства. И хотя потомъ сами же тюбингенцы отказались отъ мнѣній своихъ первоначальныхъ воззрѣній, однако ихъ идеи иныи сперва огромной успѣхъ.

Представители германскаго рационализма въ XIX в.

Главной почвой для распространенія рационалистическихъ идей въ нашѣмъ вѣкѣ стала протестантская Германия. Отсюда уже легко проникли во Францію и Англію, т.е. обратно пропорціонально тому, что произошло въ прошломъ вѣкѣ.

Въ Германии главнымъ центромъ для развитія рационалистическихъ идей сталъ Тюбингенскій университетъ; прежде этимъ являлся ортодоксальнымъ, консервативнымъ направлениемъ. Поэтому рационализмъ XIX-го вѣка называется нередко просто тюбингенскимъ. Въ его развитіи замѣчается 3 периода. Впервыя же, періодъ самого бурнаго, разрушительнаго характера (подо конецъ тридцатыхъ годовъ), ознаменованный именемъ Давида Штраусса. 40-50-е годы представляютъ болѣе положительное разъясненіе тюбингенскихъ идей; главнымъ деятелемъ тутъ является Гауэръ. Съ 60-ыхъ годовъ начинается періодъ смягченія рационалистическихъ тюбингенскихъ идей въ наукѣ, но вместе съ тѣмъ болѣею популяризациію этихъ идей въ общество. Изъ представителей этого періода можно назвать Генана, Гилленкорельда, Гаусрата.

Тюбингенская школа обратила на себя вниманіе въ 35 году, когда вышло сочиненіе о „Жизни Иисуса съ критической точки зрѣнія“. Оно

написано Давидом Штраусом (+1874), который и стал передовым бойцом тюрингенской школы. Он не принадлежал к числу наиболее ученых представителей этой школы, хотя в своем сочинении о жизни Христа и высказал большое изучение памятников избранной им эпохи. Кроме этого, он написал еще сочинения об Юлиане Отступнике, об известном рыцаре Ульрихе-фон-Луттеле и др.*

Это писатель горячий, тенденциозный. По своим идеям Штраус являлся учеником Бейля, от которого он унаследовал крайне небрежное отношение к историческим фактам. Он также считал себя учеником Шейермахера. Он, несомненно, стремился примкнуть к истории христианства тем приемам, которые были выработаны Рибуром относительно римской истории.

В сочинении о жизни Христа замечательно только, что в нем замечается глубокий разрыв с христианскими преданиями во самых основных чертах. В этом сочинении самые источники евангельской истории объявляются неподлинными, а самые факты, в них записанные, не достоверными, а лишь созданными воображением позднейших христиан. Приемы, посредством которых Штраус развивает свою тему, простые, несложные, но до крайности рьяно-темные. Отрицая евангельские сказания, Штраус исходит из синоптических оснований. Впервые, до половины II-го века нет никаких твердых и ясных свидетельств о подлинности их. Но самая непрерываемость и общность этих свидетельств со второй половины II века показывает, что у христиан не сразу же созрел этот взгляд. Правда, первые свидетельства не так ясны и отчетливы. Но это объявляется, впервые, только, что христианская литература в тот период была очень бедна, памятников было мало. Во-вторых, при распространении тогда между христианами живого, устного предания о жизни Христа, не обращалось такого внимания на писанное о Нем сказание. Самые памятники назывались иногда иными именами, напр. „воспоминания апостолов“, „изречения Христа“. Вот на основании всего этого Штраус делает такое заключение, что свидетельства о существовании евангелий будто бы не встречаются в первые полтора века. Значит, он старается подорвать подлин-

* „Христианская религия“, „Христос в прох и Исус в истории“, „Старая и новая вера“.

ность евангелий указывает на так наз. евангельские противоречия. Собственно говоря, в евангелиях нет прямых противоречий, но несомненно есть разногласия. Так как Иоанн писал позднее других евангелистов, то он хотел обратить на новые стороны в жизни и учении Христа незамеченные другими евангелистами. Поэтому его евангелие различается от трех предшествовавших евангелистов. Другие евангелия представляют больше сходства между собой, вследствие чего и называются синоптическими, т.е. совпадающими. Но и в них есть некоторые различия. Каждый евангелист описывает такой факт и с такой стороны, на которую он считал нужным обратить свое внимание. Поэтому евангелисты описывают часто разные факты или касаются разных сторон одного и того же факта. Эти разногласия уже давно были замечены христианскими писателями, которые и старались поправлять их, объяснять одно другим. Это не только не дает повода к отрицанию евангелий, но, напротив, дает весьма выгодный материал для воспроизведения исторического факта. Тут историк имеет перед собой 4 документа в главном согласные между собой, но расходящиеся в частности, так что он может сравнивать и поправлять их одно другим. Но из всего этого Штраус и его последователи вывели крайне разноречивые выводы между евангелием Иоанна и синоптическими, а также в синоптических евангелиях между собой. Штраус приходит к тому выводу, что Евангелие писано не учениками Христа, не современниками, а гораздо позднее, и считает самый евангельский факт недействительным.

К этому, по мнению его, присоединяется внутренняя недовольность евангельских фактов — чудеса. Как рационалист, он считает все, что выходит из обыкновенного порядка вещей, незаслуживающим внимания, а следовательно, и все сверхъестественное. И хотя Штраус критикует отношение к чудесам, высказанное рационалистами прошлого века, но сам он объясняет все евангельские чудеса и рассказы по своему. Все они, по мнению его, не действительные факты, а вымысел, миф. Он в этом случае применяет тот прием, который был тогда общепринят для объяснения начала истории всякого народа мифом. Но Штраус упустил из виду, что христианство возникло не в темноте, не

восьмивековую эпоху, а в то время, когда просвещение достигло высокой степени развития между иудеями и язычниками, так что распространяться миссиям в большом объеме едва ли было тогда удобно.

Объясняя недействительность евангельских фактов, Штраусс почти не дает ответа на то, каковы же были факты жизни Христа. Он говорит, что какова была действительная жизнь Христа, мы не знаем. Известно только то, что на Него перенесены были черты иудейского Мессии. Поэтому евангелие представляет происхождение Христа от рода Давидова, хотя род этот, по Штрауссу, в это время должен был уже прекратиться. Также Христос должен был родиться в Вифлееме, так как там родился Давид и Зоровавел и другие знатные люди. Рождение Христа окружено ореолом сверхъестественности, так как Иудеи любили окружать рождение своих знаменитых людей таинственностью, чудесными элементами (Самсон, Иедон, Самуил). Но Штраусс находит противоречие в том, что Христос родился в Вифлееме, а воспитывался в Назорете. Будто человек не может родиться в одном месте, а воспитываться в другом! Затем Мессия должен был походить на древних великих пророков и утверждать чудеса. Поэтому, по мнению Штраусса, многие евангельские чудеса напоминают чудеса ветхозаветных. Так, чудесное насыщение 5 тысяч напоминает насыщение народа еврейского в пустыню синайской, превращение воды в вино - изведение Моисеем воды из камня. Великие пророки, по представлению древних иудеев, были боговидцами. Моисей видел Бога на Синае, Илья - на Хориве. Поэтому Христу приписывается преображение на горе Фавор, принадлежащей к той же горной цепи. Это перенесение на Христа черты, созданных древними еврейскими пророками, началось между первыми его последователями, которых он собрал среди бедных и необразованных Галилеян. Но когда эта идея перешла в Иудею, то ученые иудейские раввины убийли ее. Однако она опять воскресла в более доверчивых Галилеянах. Отсюда возникли рассказы о страданиях и воскресении Христа.

Книга с таким содержанием произвела замечательное впечатление и большой переполох. Она нашла много последователей. Сам Штраусс, оставя христианскую историю, занялся христианской Церковью. Историческая.

лит. Александровской.

Листы 14-й.

ской догматикой, в которой переиначили все догматы христианства. Книжки они принимали философские идеи Гегеля. Поэтому, напр., у него втра в Троицу обращается в мир, воспроизводящий бытие в себе, вне себя, для себя. А христианский догмат о воплощении является также лишь мифом, воспроизведением в мифической форме идеи о единстве человеческого духа с Божеством, вследствие чего Людвиг Фейербах* в своей „Сущности христианства“ правомерно великой заслугой этой реиниции, что будто она возвестила человечеству, что никакого бога выше его нет, что бог только идеализованное человечество. По Фейербахову взгляду, всеенная есть развитие идеи, достигавшее только в человечестве сознания; нет безконечного, кроме безконечного в нашей мысли; религия есть только наиболее целесообразное социальное отношение нашей жизни с требованиями наших инстинктов, сначала материальных, а затем духовных. Еще более крайняя предельность это направление достигло в трудах Ферререра, Фридриха Баура, Гуге (Kallische Jahrbücher). Они возстановили против себя все общество и частности своего вывода потерями скоро втра даже среди лютеранцев, так как они все разрушили, но ничего серьезного и положительного не дали, ушли только, что они остановили свои работы только на самом начале христианской истории, но как объяснить ее дальнейшее развитие, на это они не дали ответа.

Тогда выступил на деятельность глава другой фракции лютеранской школы — Фердинанд Христиан Баур** Он серьезное и укреплена Штраусса. Он имеет то значение, что представил попытку положительного возздания христианской истории по рационалистическим идеям и провел ее до того времени, когда представители рационалистической школы уже могли сойтись с христианскими представителями, т.е. до половины II-го в.

Намного прежнего голого отрицания евангельских фактов Баур проводит идею постепенного развития христианства в пер-

*+1872 г., радикальный богослов и философ, проф. в Эрлангене. „Сущность христианства“ (1841), „История философии от Эзопа до Спинозы“, „Что такое религия?“ и др.

** Он старший Штраусса и раньше его выступил на ученом поприще, но в развитии Тиб. идей Штраусса прежде обратил на себя внимание.

высшего полтора века. Он развивает гипотезу о переработке этих сказаний, хотя, по мнению его, евангелие первоначально было написано современниками. Он указывает несколько периодов в развитии христианского учения. Сначала Христос выступил, как простой учитель нравственности, в Галилее, с рядом возвышенных поучений, образцы которых представляет погорная проповедь. Затем, под влиянием восторженного к нему отношения учеников, у него сложилась новая идея: он стал прилагать к себе все пророческие сказания о Мессии, стал считать себя Сыном Божиим, хотя и не в прямом смысле. Потом, встретив преследование, он стал говорить о том, что Ему следует пострадать, поглотить. Но смерти же, между учениками Христа являлось вера в Его воскресение. Баурь относится к евангельской истории не так критически, как Утраусс. Он даже не отрицает прямо воскресения Христа. Но он говорит, что тут все-таки не самый факт, а смысл этого факта. Он признает, что вера в воскресение Христа послужила основанием христианства. Но это первоначальное христианство, воздвигнутое старшими учениками Христа, не было похоже на позднейшее. Это просто была отрасль ветхозаветного иудаизма. Первоначально и обряды у христиан были те же, что у ветхозаветных иудеев. Отличались они только верой в воскресение Мессии и крайней исключительностью, нетерпимостью. Но один из первых преследователей христианской общины, Савл, перенес христианство в римский мир. Здесь оно получило новый характер; отделившись от обрядности, замкнутости, и, приняв дух эллинизма, стало обще-человеческой религией, призывавшей к себе все народы. Конечно, что между этими новыми и прежними христианствами оказалось противоречие, что повело к вражде этих двух направлений, иудействующего и язычествующего. Хотя памятники и не дают ясного представления об этой борьбе, но Баурь говорит, что две секты, бывшие в первоначальном христианстве и отличавшиеся крайностями, Евиониты - иудействующая и Маркиониты - язычествующая, были не просто отдельными сектами в христианстве, а остатками первоначального христианства Петрова (Евионитство) и Павлова (Маркионитство). Затем эти два направления стали сближаться между собой. Баурь придумал

лико перипетий, стадий этого сближения. Наконец, во вторую полови-
ну II^{го} в. эти партии примирились и образовали то христианство,
которое мы уже встречаем в памятниках христианских.

Сообразно с этой борьбой и самое памятники христианские
Бауръ располагает по разным стадиям. Больше ранние для него па-
мятники те, которые указывают на борьбу партий в христи-
анстве. Это — 4 послания ап. Павла: къ Римлянам, къ Коринтянам
два, къ Галатам. Эти писания, по его мнению, указывают будто
на борьбу петрова и павлова христианства. Затѣмъ въ Николаусахъ,
о которыхъ упомянуто въ Апокалипсисе, онъ видитъ христианство
павлова направления. Но кѣмъ больше единства во взглядахъ, тѣмъ,
по Баурю, позднѣе памятники. Но выше всего памятниковъ Бауръ
ставитъ Кимментины. Это во томъ, что въ памятникахъ каноническихъ
не оказалось слѣдовъ борьбы между христианами въ тѣхъ
размѣрахъ, какъ это ему было нужно. А въ Кимментинахъ подробно
описывается борьба между какими-то Симонамъ Малымъ и Петромъ.
Бауръ предполагает, что Симонъ Малъ и есть самъ Павелъ. Поэтому
баурова исторія христианства представляется совершенно въ новомъ
видѣ; такъ что трудно понять, что это говоритъ о христианствѣ.
Но все это обосновано на широкое изученіи памятниковъ, которыми
Бауръ пользуется крайне произвольно.

Источниковъ свои Бауръ началъ съ 20-хъ годовъ, раньше Утрауса,
но онъ осторожнѣе раскрывалъ свое дѣло. Онъ началъ съ самыхъ общихъ
вопросовъ: сперва онъ написалъ о миссіи въ религии, гдѣ указалъ на
развитіе мифологическаго элемента въ древнихъ религіяхъ. Затѣмъ
онъ представилъ сравнительныя характеристики Христа и Сокра-
та, ап. Павла и Сенеки. Потомъ онъ написалъ сочиненіе о Христовой
партии въ Коринтѣ, гдѣ взялъ стисъ изъ посланій къ Коринтянамъ*,
въ которыхъ говорится о христианахъ Павловыхъ, Аполлосовыхъ, Пе-
тровыхъ, Христовыхъ. По Баурю выходитъ, что христианство было
нѣсколько, хотя въ этомъ посланіи говорится только о томъ, что су-
щественныхъ различій въ воззрѣніяхъ этихъ партий не было, но толь-
ко одни предпочитали одного учителя, другіе — другаго и т.д. Въ 40-хъ го-
дахъ вышши источниковъ Бауря о развитіи догматовъ Траллуса, ватлаце-

* „Я раздѣляю то, что у васъ говорятъ: 1 Павловъ, 2 Аполлосовъ; 3 Киринъ, 4 Христовъ“ (I посл. I, 12).

ния, искупления, объ ап. Павле и Климентинах, где он раскрывает ту мысль, что христианство павлово-аудеиствующее было не то, что христианство петрово-иудеиствующее. В начале 60-х годов он издал общее сочинение по христианской истории первых 3-х веков, затем продолженное до XVIII в. Но в этом продолжении он уже больше сходится с другими историками. Он же издал историю догматов и церковную историографию, в которой проводит ту идею, что все прежние истории христианства вели к тому, что затем было выработано Тюрингенской школой.

Вместе с Бауром в 40-50 годах работали несколько друзей даровитых писателей. Впервые, Швермер (о „Моктанизме“, о „Послеапостольском времени“) и Целмер (об источниках апостольской истории). Но они скоро оставили область церковной истории. Швермер перешел к римской истории, Целмер — к истории философии. Альтбретт Риттель разработал христианскую историю в первые полтора века по идеям тюрингенцев, но в более сдержанном духе. Серререр довел свою историю христианства до конца первого тысячелетия. Сначала ярый тюрингенец, он кончил переходом в католицизм.

Под влиянием Баура воспитались позднейшие тюрингенцы: Шмекерельд, Гольцман, Кейль.

Со смертью Баура работы тюрингенцев ослабли; ученики его сделали его выводы. В настоящее время самый серьезный представитель тюрингенской школы — Шмекерельд. Он решительно заявил, что не 4, а 8 книг новозаветных надо признавать подлинными. Он сам отказался от мифического названия ап. Павла Симеоном Малым. Он также заявил, что маркианитство и евангелистство далеко не могут служить представителями первоначального христианства, а между апт. Петром и Павлом не было той крайней вражды, как это считалось Бауру.

Кейль, занимавшийся особенно жизнью Христа, старался сделать положение Штраусса.

Еще более старался их сделать Вейсе, который в последние годы своего труда, которым занимался 20 лет, говорил, что хотя бы отвергнуть подлинность евангелий, к тому же нужно однако вернуться к основам предания, ведь из чего-нибудь оно же возникло.

Гаусрат (G. Gaul), теперь проф. в Гейдельберге, очень плодовитый и

тамантливый представитель этой школы, признается, что первоначальное христианство нельзя представлять во вид споров, что, напротив, то было время живого увлечения, одушевления личностью Христа, а не доктринерства.

Но этот последний период замечательно только, что тюбингенские идеи все больше и больше распространяются из кабинета в учебную публичность. Их популяризации оказал важную услугу французский писатель Эрнест Ренан*, который во владу удали сочинение о жизни Христа и затем продолжил христианскую историю почти до конца II века. У него своего очень мало. Он только популяризирует тюбингенские идеи, смягчая их. Его художественный так же чувствовал, что если представить эти идеи во всей резкости, то они скорее отпугнут от себя читателя. Поэтому он воспользовался романтическими приемами. Отрицая евангельские памятники, он однако широко черпает из них для описания личности Христа, которого он, конечно, не считает Богом, но гением, великим человеком, не бездушным, впрочем, человеческим слабостям, даже специально французским. Интересу рассказа особенно способствует яркое изображение картины Палестины (где Ренану самому удалось побывать??). Из этих фактов, там Ренан пускается во разуждение о том, что должны были чувствовать его герои. Таким образом он сходит на романтическую почву.

Ренан нашел себе последователей и среди немцев. Гауграф, хотя он серьезнее и ученье Ренана, но пользуется иногда тоже романтическими приемами.

Заслуга тюбингенской школы заключается во том, что она обратила внимание на некоторые вопросы, мало до того времени затронутые, хотя собственные ее построения и не имеют положительной ценности.

Католическая разработка церковной истории во XIX век.

Во XVII и первой половине XVIII в. церковно-историческая наука во католическом мире стояла выше протестантской. Но потом отко-

* Его "Жизнь Иисуса", "Апостолы", "Св. Павел" и др. сочинения по церк. истории составили 7-томную коллекцию, под названием "Les Origines du Christianisme" (1863-83).

шений, достигшим и особенно в XIX в. как протестантская наука стала гораздо производительнее католической.

Невозь, впрочем, сказать, чтобы не являлось значительных церковно-исторических трудов между католиками в конце XVIII и в XIX в. Есть очень многократные католические истории Дарраса, Дарем-бергера, Гарбисера. В них много материала, но приемы исторические очень отсталые. Эти историки сильно проникнуты ультрамонтанскими тенденциями. Большее значение имеют труды той партии в католицизме, которую можно назвать либеральной. Она создавалась и развивалась преимущественно в Германии. В 30 год. явился в Германии очень трудолюбивый и даровитый католический ученый, который имел большое влияние и на протестантское богословие. Это Моеклер, бывший (с 30-38 г.) проф. Тюбингенского университета на католическом богословском факультете. Он заявил себя весьма значительными церковно-историческими трудами. Он написал несколько замечательных церковно-исторических монографий: об Афанасии Великом, Ансельме Кентерберийском, о монашестве, оже-Исидоровых Декреталиях. Самые значительные его труды по патрологии (история церковной литературы) и по символизму.

Символика, т.е. сравнительное изучение различия христианских исповеданий, возникла во 2-ю четверть нынешнего века. Она развивалась из обличительного богословия, которое носило очень тенденциозный характер. Каждый ученый, разбирая догматы другого исповедания, старался их опровергнуть, разбить. Затем, эти догматы изучались без всякой связи и весьма отвлеченно, вне исторической почвы. Только со 2-й четверти нынешнего века это положение дала изменить. На место полемики явилась уже настоящая символика. Каждый отдельный пункт извещения втраисповедания стал теперь рассматриваться не отвлеченно, а в связи с историческими условиями, а также в связи с другими пунктами той же втраисповедной системы и основными ее принципами. Наконец, символика старается быть более безпристрастной, объективно выяснить смысл каждой отдельной идеи того или другого втраисповедания.

Первый ученый, который положил начало этому новому методу сравнительного изучения втраисповеданий, и был Моеклер. Его исто-

рия западных христианских исповеданий. Досель лучшая. Но его исповедание полны и протестанты. Преподает всего, Баурь издавал свои чтения о протестантстве и католицизме. Тирриг, написавший, между прочим, историю апостольской церкви, издавал "Лекции о католицизме и протестантизме", где автор говорит, что тот и другой слишком односторонни и далеки от идеала древне-христианской церкви. Потом Тирриг вдался в мистику и стал крайним ирвингианцем*. В протестантском духе писал символическую Морейнке. У нас, в России 1-й опыт сравнительного представления исповеданий сделал в своих брошюрах Кошелев.

Моклер произвел большое возбуждение. Он критически отнесся к слабым сторонам католицизма. Но с другой стороны он старался идеализировать католическую идею строгого церковного единства. Но эта идеализация оказалась неприменимой к католицизму. Это хорошо сказалось в том направлении, которое следовало Моклеру и привело к разрыву с католицизмом.

Под влиянием его, воспитавших образованные католические церковные историки в Германии: Риттер, Альцот, которого "Всеобщая история церкви" одна из лучших. Это полное и спокойное изложение фактов.

К 60-м годам в том же направлении выступило много ученых в католической Германии. Самый выдающийся из них — Döwllinger, мюнхенский профессор. Он издал несколько больших монографий, лишь косвенно относящихся к церковной истории: "О состоянии языческого мира пред христианством", "О малометанстве и его отношении к христианству", "Об иудействе", "Внутреннее развитие протестантизма" и др. Будучи сначала ревностным приверженцем католицизма он написал не очень значительную, но талантливую церковную историю, под заглавием "Kirche und Kirschen", где идеализирует историю католицизма. Но Дёвлингер не долго держался в союзе с католицизмом. Когда в 72 году у иезуитов созрела мысль созвать так наз. Ватиканский собор, чтобы провозгласить на нем догматы о непогрешимости, тогда одни пошли на собор, а другие отделились от папизма и образовали так наз.

*Шотландская секта, основана в 1830 г. Эдуардом Ирвингом.

старо-католическую церковь. Этому помогли и политическія обстоятельства. Въ Германской имперіи, тогда только что созданной, утвердилась политика, неприязненная къ папскому двору. Бисмаркъ хотѣлъ отдалить германскихъ католиковъ отъ папы и поддерживалъ тѣхъ, кто возставалъ противъ догмата о папской непогрѣшимости. Поэтому большая часть германскихъ католическихъ ученыхъ образовала особую церковь. Во главѣ ея стоялъ Дюмингеръ. Къ нему примкнули: Фридрихъ, издавшій исторію Ватиканскаго собора, Шульте, Рейнишъ, Михельсъ, эссеистъ Лангенъ, историкъ "Философіи отцевъ церкви" Губеръ, которому приписываютъ сочиненіе "Папа и соборъ". Прусское правительство дало право собраться старо-католикамъ и избрать своего епископа. Епископомъ избранъ былъ Рейнкенъ. Но конечно наше время вообще неблагоприятно для образованія новыхъ церковныхъ формаций. Большая часть католиковъ не пошла за этими учеными. Да и сама старо-католическая церковь имѣла успѣхъ лишь пока ей покровительствовало прусское правительство. Теперь она потеряла всякое значеніе. Одни изъ ея послѣдователей стали сближаться съ англиканствомъ, другіе съ православной церковью. Но всетаки эта старо-католическая церковь замѣчательна тѣмъ, что въ нее ушла большая часть католическихъ германскихъ ученыхъ.

Но есть въ Германіи нѣсколько очень серьезныхъ ученыхъ, принадлежащихъ и къ старой римско-католической партіи. Цедерле — самый серьезный и близкій съ тѣмъ самый безпристрастный изъ католическихъ ученыхъ новаго времени. Онъ извѣстенъ своими изслѣдованіями по археологіи. Но главнѣйшій его трудъ — "Исторія соборовъ". Она доведена до Констанцскаго собора.

Кромя него, есть среди католиковъ, въ настоящее время, очень ученый, но далеко не безпристрастный историкъ. Это — кардиналъ Берлен-рёттеръ, бывшій проф. Боннскаго университета. Ему принадлежитъ большое изслѣдованіе о патріархѣ Фотіи и его времени. Затѣмъ онъ предпринялъ полную церковную исторію — трудъ во многихъ томахъ — нѣмалая замѣчательная. Это очень подробная церковная исторія, съ подробными указаніями на литературу этого предмета. Но въ тѣхъ особенно частяхъ, гдѣ Берленрёттеръ касается исторіи дружныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій онъ является слишкомъ тенденціознымъ.

Церк. Исторіографія.

Лит. Александровской.

Листъ 15-й.

Затем, назовем еще одного, который также стал известен с 60-х годов, Нисмера, известная своим 2-томным трудом о разделении церквей и попытках их соединения. Труд этот также пристрастный, но в нем он обнаружил большой талант и знание нашей восточной, особенно византийской истории. Но в этом труд замечательна не только вполне оправданная тенденция, но рядом ее замечательными изысканиями встречаются прямо выдумки, каморенные подлоги. Нисмерь написал также несколько статей большей частью по истории восточной церкви*.

Церковная историография ныншнего века во Франции, Англии, Италии.

До сих пор мы говорили больше о Германии. И не без основания. В ныншнем столетии она стояла впереди других стран во многих отношениях, между прочим, в церковно-исторической науке. Из других стран назовем несколько имен ученых во Франции, Англии, Италии. Все они шли по следам германских ученых.

Французские ученые замечательны не столько ученостью и самостоятельностью, сколько талантом популяризации. В этом отношении замечательны: Д'Обиньи, Прессанс ("Histoire des trois premiers siècles de l'Église chrétienne nouv. éd. 1887"), аббат Местраль. Но во Франции выдаются не столько специалисты богословы и церковные историки из среды лишь духовных, а большая часть замечательных светских писателей касалась также истории церкви. Так, Гизо писал по церковной истории и по богословию. Мишле писал о начале реформации, Кизе-объезжистах, Мекталамбер-о монашестве, Броуи - о Константине и Юлиане, Амедей Тьерри - о Златоусте и бл. Теронии, Бюассе - о состоянии католической церкви во начале XIX в., Объ (юрист) - о понятиях на христиане и христианских мучениках, также Лоранс. Многие пришли к выводам отрицательной тюбингенской школы. Ренанс и Рейсес, писатель серьезный и ученый Ренана, последователь Баура и Гильгенфельда.

* Вызванный в Россию, он получил место в Публичной библиотеке, но за кражу книг сослан в Сибирь.

Въ Английской церковно-исторической литературе, какъ и во французской своего мало. Но английскіе церковные историки замѣчательны: 1) стреміе популяризировать труды коллежскихъ ученых; 2) идти среднимъ путемъ между положительнымъ и отрицательнымъ направлениемъ. У англичанъ издавна въ характеръ все смазывать, приуменьшать. Они не столько оригинальны, сколько практичны. Ихъ сочиненія практичны, жизненны; въ нихъ нѣтъ отсталости и крайностей либерализма. Въ этомъ направленіи писали церковную исторію Мильманъ, Робертсонъ, изъ новыхъ — Stanley (отдѣльные монографіи).

Изъ английскихъ писателей надо особенно упомянуть тѣхъ, которые занимались исторіей восточной церкви. Въ Англиканской церкви есть издавна стреміе къ церкви православной. Это сказавось и въ наукѣ. Англичане большіе друзья занимались исторіей восточной церкви.

Между профес. Оксфордскаго университета явился, въ половинѣ нынѣшняго вѣка, особ. направленіе (Ньюзеизмъ), возникшее подъ руководствомъ Ньюзея. Ньюзеисты — Ньюманъ, Пальмеръ, Киль, написали сочувственныя изсѣдованія о восточной церкви и искали сближенія съ нашей церковью. Но это кончилось ничемъ.

Въ Италіи замѣчательны изданія некоторыхъ церковно-историческихъ памятниковъ. Такъ какъ Римскія библіотеки богаты древними памятниками, то тамъ и явился цѣлый рядъ ученыхъ по изданію памятниковъ. Изъ этихъ издателей замѣчательны: во 2ой половинѣ XVIII в. Муратори, въ нынѣшнемъ столѣтіи — Мейеръ, Петра, Росси.

Издательская дѣятельность аббата Мидне.

По изданію и изсѣдованію памятниковъ церковной литературы слѣдуетъ также назвать одного француза, аббата Мидне. Онъ извѣстенъ не самостоятельными изсѣдованіями или открытіями, а попыткой собрать и обобщить все прѣжде изданныя памятники.

Онъ завелъ типографію близъ Парижа и сталъ переиздавать отцовъ церкви. Это изданіе составило Theologiae cursus completus. Въ него вошло болѣе 220 т. отцовъ западной церкви до XII в. и до 160 т. — церкви восточной, до половины XV в. Издаю около 30 т. однихъ указате ей къ этимъ памятникамъ.

Затѣмъ онъ предположилъ было сдѣлать серію изданій сирійскихъ па-

мятниковъ. Но пока онъ задумалъ другое предприятие: съгнать выборки изъ удачныхъ или памятниковъ для разныхъ богословскихъ наукъ, составлять разные богословскія энциклопедии. Бралось какое-нибудь слово и на него подыскивалось возможно большее количество относящихся къ нему местъ въ памятникахъ церковной литературы. Издано 3 серии такихъ словарей, каждая отъ 30 до 50 томовъ.

Все эти работы велись къ скольку поспышно. Поэтому въ нихъ не довольно обработки, много поверхностнаго. Но въ всякомъ случаѣ это очень полезное и огромное издательское предприятие. Въ течение кѣмноты издано было выпущено свыше 500 т. Это очень дорогое пособие для всякаго, занимающагося богословіемъ и церковной исторіей.

Къ несчастью, въ 67г. типографія спортыя и Мидне должны были прекратить свою издательскую дѣятельность.

Церковная историографія у Румынъ и Ново-Грековъ.

Ново-Греки съгнали для церковной исторіи больше друшакъ православныхъ народовъ Балканскаго полуострова.

У нихъ есть исторіи отдѣльныя патріаршества. Въ кѣмнотѣмъ вѣкъ между греками ново-греческаго королевства и византійскаго патріархата стало выказываться научное побужденіе. Двиелось много ученыхъ, которые особенное вниманіе стали обращать на разыскиваніе древнихъ памятниковъ греческой духовной литературы, которыхъ и до сего много не издано. Изъ этихъ издателей замѣчательны: Константинъ и Софокль Эжакомосы, Философъ Вриенній, Анастасіадесъ, Симони-десъ, Попадонисо Керамеусъ и др. У Румынъ можно указать на церковно-историческіе труды митр. Мелуры. — Вообще же, церковно-историческая наука на православномъ Востоке еще впереди.

Наука церковной исторіи въ Россіи.

У насъ церковно-историческая наука находится въ слабомъ состояніи. Этому способствовало нѣсколько условий. У насъ вообще наука стала развиваться позднѣе чѣмъ на Западѣ. Мы стали работать на этомъ поприщѣ, когда Западъ уже далеко ушелъ отъ насъ. Труды западныхъ писателей отличаются извѣстными тенденціями, такъ

что в этой науке намъ неудобно прямо идти по ихъ следамъ. Намъ необходимо самимъ переработать тотъ материалъ, который они переработали. Наконецъ, состояние науки духовн. у насъ досель далеко не свободное, такъ что и при вполне православномъ направлении, относясь къ делу прямо, можно попасть въ неприятность. Поэтому у насъ досель мало сделано по этой науке.

Наши предки не знали церковной исторіи, въ древней Россіи не знали даже древнихъ историковъ христіанскихъ: Евсевія, Сократа. Знали только нѣкоторые византійскіе хроникеры. Со времени все развитія духовныхъ школъ, въ нихъ сообщались кое-какія свѣдѣнія по церковной исторіи. Главнымъ образомъ она изучалась по византійской исторіи Никифора Каллиста. Въ началѣ XVIII в. по приказанію Петра I переведена церковная летопись Баронія, но не съ подлинника, а съ какого-то польскаго сокращеннаго перевода. Въ концѣ прошлаго вѣка переведена византійская хроника Кедрина, доводившая исторію восточной церкви до XI в. и дополненная до начала XV в. со 2^й половины XVIII в. Русскіе стали знакомиться и съ трудами протестантскихъ ученыхъ: Мозейма, Вейсмана.

Въ началѣ нынѣшняго вѣка были преобразованы духовныя заведенія. Профессорамъ поручено было писать курсы по разнымъ предметамъ, между прочимъ, по церковной исторіи. Этимъ была вызвана „Библейская исторія“ Фридриха Дроздова*, и „Церковная Исторія“ Иннокентія Пензенскаго. Первая издана по Бюддею, вторая — по Мозейму и Вейсману. Но въ нихъ много и самостоятельнаго. Авторы просмотрѣли по источникамъ и противопоставляли собственныя взгляды. Эти исторіи и до настоящаго времени остаются самыми заслуживающими. Въ 60 г. профессоръ петербургской духовной академіи Чельцовъ сталъ писать церковную исторію по Кеандеру, но издалъ только 1-ю часть. Не такъ давно Терновскій, профессоръ кievскаго университета, издалъ 2 книжки по церковной исторіи („Первые 3 вѣка христіанства“, исторія вселенскихъ соборовъ). Последняя фактически написана, но не особенно серьезно.

Перейдемъ къ переводамъ. Соколовъ перевелъ церковную исторію Гассе, сухо написанную. Кн. Волконскій сталъ было переводить съ

---

* Проф. С. Петерб. академіи, потомъ митр. Московскій.

французского церковную историю аб. Владимира Готто*, перешедша-
го в православие и состоявшего ныне священником православной
церкви в Париже; но вышло только 4 части (до V в.). Матвеев из-
дал часть (до VI в.) церковной истории Робертсона, а также перевел
сочинения Фаррара: „Жизнь Христа“, „ап. Павел“.

Между популярными историями церкви лучшая принадлежит
А. Н. Бахметьевой.

Отдельных монографий много появилось в последнее время, когда
в 60-х годах введен был новый устав духовных академий. Появи-
лось много выдающихся произведений, напр. „История древних рели-
гий“ еп. Трисанова, „Восточная агиологическая серия“ и др. Они показыва-
ют, что и у нас было столько довольно для церковной истории, если
бы были благоприятные внешние условия. Много ценных статей на-
ходится в духовных журналах. Такие статьи, как, напр., ста-
тьи проф. Горского об. Афанасии Великом и Беадоритом Кирским
(в „Прибавлениях к Творениям св. Отцов“) столько бы честь лю-
бой западной литературе.

Едва ли не лучшее, что делается для развития нашей науки, это
переводы церковно-исторических памятников, делаемые главным
образом в Духовных академиях и при редакциях духовных жур-
налов. Петербургская духовная академия перевела христианских ис-
ториков IV-V вв. и до 8 книг византийских хроник XII-XIII в.
Московская духовная академия занимается переводом творений От-
цов греческой церкви IV-V в. и теперь уже дошла до Кирилла Алек-
сандрийского. Издало больше 80 книг. Киевская духовная академия пе-
реводит западных учителей церковных. Казанская духовная ака-
демия печатает, в Православном Соборном Издании, древне-русские цер-
ковные памятники, а также акты соборов. Из частных журна-
лов, Православное обозрение перевело писания мужей апостольских,
апологетов Ириния и часть философов; Ученые в московском
обществе любителей духовного просвещения печатают канонические
правила с толкованием на них средневековых византийских
комментаторов. Таким образом все больше и больше подготовля-

* Издалась L'Union chrétienne, Revue orthodoxe.

** Другой перевод Лопухина (более полный и точный).

ется материалъ для нашей науки.

Успѣшнѣе идетъ разработка исторіи отечественной церкви. Тутъ выдаются труды московскаго митрополита Платона (въ концѣ XVIII в.), кievскаго — Евгенія, Филарета Черниговскаго („Исторія русской церкви“, „Житія русскихъ святыхъ“, „Исторія русской духовной литературы“) и митрополита Макарія („Исторія русской церкви“) и проф. Толубинскаго и Знаменскаго. Съ 60-хъ годовъ начались изысканія по расколу. Изъ этихъ изыскателей болѣе извѣстны: Ильинскій, Субботинъ, Щаповъ, Ивановскій — профессора духовныхъ академій, а изъ свѣтскихъ ученыхъ — Мельниковъ и др.

Филаретъ Черниговскій много сдѣлалъ и для общей церковной исторіи въ своихъ „Житіяхъ южно-славянскихъ святыхъ“ и др. соч.

Но въ его многочисленныхъ трудахъ, вслѣдствіе поспѣшности, встрѣчаются ошибки. —
